

ПОЛЬ ЭЛЮАР

Paul Eluard

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Paul ELUARD

P O È M E S

Поль ЭЛЮАР

СТИХИ

Перевод

М. Н. ВАКСМАХЕРА

Статья и комментарий

С. И. ВЕЛИКОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашиха,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, А. А. Елистратова,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов,
С. Д. Сказкин, С. Л. Утченко, Г. В. Церетели*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. И. БАЛАШОВ

СТИХИ

Поль Элюар.

Фото 1950 г.

ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вполголоса

Как потеплело к вечеру сегодня!

И как сверкают звезды!

Прозрачно будет небо поутру

Над авеню Версаль.

Прозрачно будет...

(А песня в небе тает, точно шар.)

Когда прозрачно небо, хорошо

Так рано выйти из дому и знать,

Что будет полдень и конец настанет

Работе долгой...

(А песня в небе тает, точно шар.)

Когда я долгой улицей иду,
Мне кажется — я за городом где-то.

Как эти виллы, право, хороши!

Ей-богу, я люблюсь от души!

(А песня умерла, пропала песня.)

1914

Малышка-девчушка впервые в Париже.
А грохот, как ливень, клокочет и брызжет.

Малышка-девчушка идет через площадь.
А грохот прибоем булыжники лижет.

Малышка-девчушка бульваром идет
Мимо надутых лощеных господ,

И стук ее сердца не слышен Парижу.

1915

Мои последние стихи

Написал я унылые дали,
а люди устали, устали
за радостью гнаться в печали.
Написал я унылые дали,
где люди дворцы воздвигали.

Написал я бесцветное небо,
и море с его кораблями,
и снег, и ветер, и ливень.
Написал я бесцветное небо,
где люди дворцы воздвигали.

Потерял я долгие годы
работы своей и покоя.
Никого не смутил я. Счастливы,
ни о чем не просите — пойду я
в двери огня стучаться.

ДОЛГ И ТРЕВОГА

*

Ну что ж, старина, ложиться пора.
Поспим до утра. Распустим ремни.
Наше дело такое.

Хоть жалко ребят,
Что ночь напролет с винтовкой стоят, —
Так ведь днем отоспались они!

До утра, старина, по дороге ночной
Никто не пройдет, и шиповник утонет
В темноте, и к окопам протянет ладони,
Окропленные желтой луной,
И шипами солдата не тронет.

Ну что ж, старина, ложиться пора.
Вино надоело, обрыдла игра.
Скинем винтовки, ремни расстегнем
Да развернем-ка с тобой до утра
Одеяла, набитые злющим зверьем.

*

В касках солдаты, в цветах, разрушители
и запевалы.

Безостановочно, медленно
Пушки, повозки идут, по колеса в хлебах.

Спокойны привалы.

Вечер, багровое солнце заходит,
Будто солдатский мешок, соскользнувший с плеча.

Верный

Из этой деревни тихой
Идет, трудна и крута,
Дорога к слезам и крови.
Наша душа чиста.

Ночи теплы и спокойны,
А мы для любимых храним
Самую ценную верность на свете —
Надежду остаться живым.

Наутро, на рассвете, снова в путь —
Таков удел солдата.

Довольные, что среди ветра и дождя
Нашелся теплый дом, где можно отдохнуть и выпить,
Мои горластые товарищи трясут шинели
И, словно предвкушая счастье,
Которое когда-нибудь придет, гогочут что есть мочи.
И в страхе вздрагивает холод этой ночи.

Тревожит меня опустевшее небо
И ливень — он до костей нас промочит.
Я шагаю и знаю: огромное счастье
Охватило бы нас, если б мы захотели.

Долг и тревога рвут
Жизнь мою пополам
(Поверьте, мне нелегко
В этом признаться вам.)

Ноздри щекочет листвы аромат.
В небе безоблачном ласточки выются.
Наши мечты вдогонку летят...
Я о тихой надежде мечтаю.

СМЕХ ДРУГОГО

Сумерки

Это вовсе не ночь, а луна. Небо ласковое, точно кружка с парным молоком, и ты, старина, улыбаешься, будто влюбленный.

И ты мне о них говоришь. Они украшают твой дух, украшают твой дом, нашу жизнь украшают.

А, пожалуй, их много, дружище, слишком уж много обездоленных этих: мать, и отец, и жена, и детишки.

Но ты мечтаешь спокойно, а я что-то умничать стал.

СТИХИ ДЛЯ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Мир ослепленный, мир оглушенный

I

Счастливые женщины снова мужей обрели.
Муж возвращается с солнца —
Весь он пронизан теплом.
«Здравствуй», — он говорит, и чудо свое обнимает,
И смеется, и входит в дом.

II

Моя жена, моя святая, с грудью нежной,
Ты наконец моя, не то что в той безбрежной
Ночи, когда я с ним, и с ним, и с ним — без сил —
Винтовку, флягу — нашу жизнь — тащил!

III

Всех моих товарищей на свете —
О друзья! —
Мне сейчас милей жена и дети,
За столом сидящая семья,
О друзья.

IV

Ты в атаку ходил в толпе,
Ты спать валился в толпе.
А теперь на супружеском ложе, на дне тишины,
Больше, чем тысяча глоток храпящих,
Тебя взбудоражит дыханье жены.

V

Мой ребенок капризен. Что ж —
Я исполню любой каприз
Мой ребенок хорош, пригож,
Все гляжу на него и смеюсь.

VI

Трудись.
Труд моей головы и моих натруженных рук,
Труд всемогущего бога, рабочей скотины труд,
Жизнь и наша надежда дней, и недель, и лет,
Наша любовь и насущный хлеб.
Трудись.

VII

Любимая, пусть расцветает
Белая роза твоего молока.
Любимая, матерью стань скорее,
Ребенка создай по образу моему...

VIII

Долгое время мне было лицо ни к чему.
А теперь
Есть лицо у меня, чтобы быть любимым,
Есть лицо у меня, чтобы быть счастливым.

IX

Ищу влюбленную,
Деву влюбленную,
Деву в воздушном платье.

X

Я мечтаю обо всех красотках,
Что гуляют летними ночами
Под присмотром
Медленной луны.

XI

Мой сад озарен задумчивым пламенем яблонь,
Плодами мой сад п красотой богат.
Я среди яблонь один, я в саду своем счастлив
работать.
Знойного солнца лучи руки мои золотят.

*ЖИВОТНЫЕ И ИХ ЛЮДИ,
ЛЮДИ И ИХ ЖИВОТНЫЕ*

Салон

*Любовь к дозволенным прихотям,
К солнцу,
К лимонам,
К пушистой мимозе.*

*Ясность приемов:
Прозрачные стекла,
Терпенье,
Ваза, пронзенная светом.*

*К солнцу, к лимонам, к пушистой мимозе
В самый разгар ее нежности,
К стакану, где светятся
Золотые
Литые
Шарики.*

ЖИВОТНЫЕ И ИХ ЛЮДИ

Животное смеется

Мир смеется,
Мир счастлив и весел.
Рот раскроется, крылья раскроет и вновь опадет.
Опадают рты молодые,
Опадают старые рты.

Животное тоже смеется,
Его радость растягивается гримасой.
По всем уголкам земли
Мех колыхнется, шерсть приплясывает,
Птицы роняют перья.

Животное тоже смеется
И вскачь убегает от себя самого.
Мир смеется,
Животное тоже смеется,
Животное убегает.

Лошадь

Одинокая лошадь, обреченная лошадь,
Избита дождями, облеплена мухами.
Одинокая лошадь, старая лошадь.

На праздничных тропах галопа
Она бы к земле рванулась,
Она бы себя убила.

И, верная рытвинам,
Одинокая лошадь ждет темноты,
Чтобы не падо было
Бидеть дорогу, от смерти бежать.

Курица

Увы, сестренка, куцая курица,
Поверь, совсем не за песню,
Не за песню во славу снесенных яиц
Держит тебя человек.

Рыба

Рыбы, пловцы, корабли
Меняют облик воды.
Вода тиха, вода шевельнется
Только для тех, кто ее коснется.

Рыба вонзается в воду,
Как палец в перчатку,
Пловец танцует лениво,
И парус вздыхает.

А вода, вода шевельнется
Лишь ради тех, кто ее коснется, —
Ради рыбы, пловца, корабля, —
Она их несет
И уносит,

Пес

Теплый пес,
Ну что ты так жадно голос хозяина ловишь,
Каждый жест его стережешь!
Жизнь принимай, как ветер,
Носом ее вбирай.

Спокойнее, пес!

ЛЮДИ И ИХ ЖИВОТНЫЕ

Человек, который полезен

Ты устал от работы. Мечтай, отдыхай,
Широко распахнув глаза и ладони,
В пустыне,
В пустыне, которая игры затеяла
С животными — с бесполезными.

После порядка и беспорядка,
В плоских полях, и в горбатых лесах,
И в море, тяжелом и ясном,
Мелькает животное — это твоя мечта
Стала поистине отдыхом.

*ПОТРЕБНОСТИ ЖИЗНИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ СНОВ,
ПРЕДВАРЯЕМЫЕ ПРИМЕРАМИ*

ПРИМЕРЫ

Умирать

Черная истина,
Истина черная.
Мертвеца выносят из дома, и пятится дом.
Камень тверд, а мертвец не из камня
(Впрочем, не новая истина).

Рабочий

Провидеть в деревьях доски,
Провидеть в горах дороги,
В лучшем возрасте — возрасте силы —
Ткать железо, и камни месить,
И украшать природу
Человеческой красотой,
Работать.

Искусство танца

Хрупкий дождь черепицу держит
В равновесии. Балерина
Никогда не научится
Литься и прыгать,
Как дождь.

Отблески

Земля — половина мира,
Покойник в земле — половина другая,
Звездная россыпь —
Общее завтра.

Прекрасное

Прекрасно в счастье,
Уродливо в несчастье,
Зримо для слепых.

Стареть

Тень снеговая,
Белое сердце, бедная кровь, сердце ребенка.
День.
Дни несхожи, прозрачны одни, а другие
Ненастны.
Небо, раскрытые руки, готовность принять
Небо.

ПОТРЕБНОСТИ ЖИЗНИ

Лень

Я лампу забросил в сад, чтобы стало светлее
в саду, и улегся. Грохот все взбаламутил вокруг.
Снят мои уши. Свет в мои двери стучится.

Поль Элюар с отцом.

Фото 1915 г.

PAUL ELUARD
LE DEVOIR

POÈMES

OE.

En vente :
chez P.E. GRINDEL à
L'HOE. 18
Secteur postal 200
1916

Титульный лист сб. Элюара «Долг»
(1916)

ПОСЛЕДСТВИЯ СНОВ

Без музыки

Молчалинники лгут; — говори.
Я, право, взбешен оттого, что один
 говорю,
Оттого, что слова мои тонут,
Заблужденья рождая,

Моя дорогая.

Сила

Руки, руки его — это ветви без листьев, корни
тяжкого неба и заморских цветов, руки ясные,
словно узорный мороз.

Купальщица в гамме от светлого к темному

Жюльену Вокансу

Тот же день предвечерней порой. Легкая, ты чуть заметно шевелишься, и так же легко, так же тихо шевелятся море, песок.

Нас восхищает строй вещей, и камней, и прозрачных оттенков, и часов. А тень исчезает, и с ней исчезает мучительный привкус чего-то неясного.

Вечер, благородством окрашено небо. Все кругом задремало в огне, угасает огонь.

Вечер. Море не светится больше, и, как в далекие времена, ты могла бы улечься в него и заснуть.

ГРАД СКОРБИ

ПОВТОРЕНИЯ

Стихи

Сердце на дереве, хочешь — сорви его с ветки,
Улыбка и смех, смех и безмерная нежность.
Побежденный, ты — победитель, ясноликий и чистый,
как ангел,
Вместе с деревьями ты устремляешься в небо.

Красавица плачет вдали, она бы хотела бороться,
Но, распростертая возле холма, подняться
не в силах,
И какое бы ни было небо над ней — прозрачное,
хмурое, —
Ее увидав, не влюбиться в нее невозможно.

Дни, точно пальцы, лениво фаланги согнули,
Цветы увядают, с дождями колосья в разлуке.
Иней ждет раскаленное тело июля.

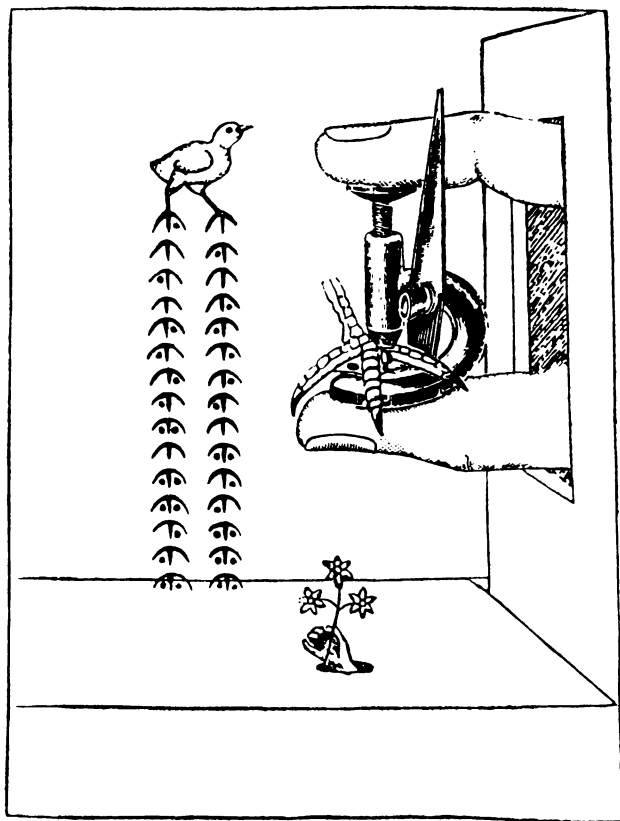
Взглянуть глазами покойника. Расписать белизну
фарфора.

Музыка, голые белые руки.
Ветры сливаются с птицами — небо изменится скоро.

Единственная

В тишине ее тела таился
Снежный цветок пушистый
У нее на плечах лежала
Пятном молчанья и розы
Тень ее ореола
Ее певучие гибкие руки
Свет преломляли

Бессонная она воспевала минуты,

*Рисунок Макса Эрнста к сборнику Элюара
«Повторения» (1922)*

Совершенство

Песка тончайшего чудо
Листья цветы пронзает
Расцветает в плодах
Заполняет сумрак

Все наконец распылилось
Все изменяется тает
Разбивается исчезает
Смерть отступает

Наконец
Самый свет теряет свою природу
Становится жаркой звездой голодной воронкой
Утрачивает лицо
И краски

Молчаливый слепой
Он везде одинаков и пуст.

УМИРАТЬ ОТТОГО, ЧТО НЕ УМИРАЕШЬ

*Чтобы все упростить,
посвящаю
мою последнюю книгу
Андре Бретону*

П. Э.

Возлюбленная

Встала она на вѣках моих,
Косы с моими смешав волосами,
Форму рук моих приняла,
Цвет моих глаз вобрала
И растворилась в моей тени,
Как брошенный в небо камень.

Всегда у нее открыты глаза,
Они не дают мне спать.
Грезит она среди белого дня,
Она заставляет меня смеяться,
Смеяться, и плакать, и говорить,
Хоть нечего мне сказать.

Не помня зла

Слезы в глазах, и на сердце горе,
Постылое горе, унылые слезы,
Живой человек, ничего он не просит,
Печален в тюрьме и печален на воле.

Погода печальна, и ночь беспросветна,
Слепого не выгонишь в темень такую.
А сильный в тюрьме, а слабый у власти,
Жалок король, королева на троне.

Улыбки и вздохи, гниют оскорбленья
В устах у немых и в глазах у трусливых.
Не трогайте здесь ничего — обожжетесь!
Держите-ка лучше руки в карманах.

*

Смутная тень...
Все несчастья на свете,
А над ними любовь моя
Псом бесприютным.

Нагота правды

Я хорошо это знаю.

У отчаянья крыльев нет,
И у любви их нет,
Нет лица,
Они молчаливы,
Я не двигаюсь,
Я на них не гляжу,
Не говорю им ни слова,
И все-таки я живой, потому что моя любовь
и отчаянье живы.

МАЛЕНЬКИЕ ПРАВЕДНИКИ

I

Над домом смеха
Кружится птица и в крыло смеется.
И мир так легок,
Что никак не усидит на месте,
Так весел,
Что ему не нужно ничего.

VII

В сети жизни твоей попалась природа.
Дерево — твоя тень — обнажает плоть свою: небо.
У дерева голос песка, жесты ветра.
И всё, что ты говоришь, у тебя за спиною дышит.

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Пабло Пикассо

Клинками сна в ночи проведена
Волшебная черта, и мы опять чужие.
Любой медали фальшь пасует пред алмазом.
Под небом яростным невидима земля.

Лик сердца потерял живые краски,
Снега ослеплены, и солнце ищет нас,
Но горизонт распахивает крылья,
И заблуждения бегут от наших глаз.

Пить

Рты прошли извилистый путь
Огненных звездных стаканов
И в колодце последней искры
Выпили сердце молчанья.

И никакая смесь не нелепа —
Вы здесь творца языка найдете.
Он в своих детях себя убивает,
Он сотней имен нарекает забвенью.

Когда дно стакана пустеет,
Когда дно стакана вянет,
Натыкаются рты на стакан
Точно на смерть.

Их чистые по-прежнему глаза

Дождливые, медлительные дни,
Дни треснувших зеркал, потерянных иголок,
Дни тяжких век в ограде горизонта,
Часов безликих дни, глухого плена дни.

Мой дух, еще вчера сверкавший среди цветов,
В густой листве, — сегодня гол, как чувство,
И позабыл зарю, и головой поник,
Глядит на плоть свою, послушную, чужую.

Однако видел я прекрасные глаза,
Серебряных богов, в руках сапфир державших,
Да, истинных богов, крылатых птиц земли
И ясных вод, я видел их, я видел.

И крылья их — мои. Ничто во всей вселенной
Не существует, только их полет,
И он мои печали прочь несет,
Полет планет, земли, и звезд полет, и камня,
И мысль моя на жизни и на смерти —

На двух крылах, на двух волнах плывет.

Ночь

Ласкай горизонты ночи, ищи ее сердце черно-
яптарное — скоро заря снова плотью оденет его.
Пусть ночь в глаза твои вложит невинные мысли,
пламя, крылья — и такую зеленую зелень, какой
никогда не выдумать солнцу.

Нет, не ночи тебе не хватает, но могущества ночи.

Некая

Я упал с высоты исступления, я измучен до неузнаваемости, но я все еще замечая вас, шумливые женщины, молчаливые звезды, я всегда вас замечу. Безумие.

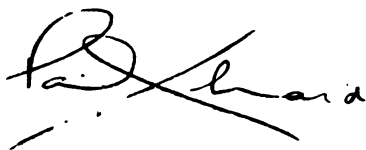
И тебя, кровь созвездий струится в тебе, их свет тебя держит. На цветах ты с цветами растешь, на камнях ты с камнями.

Белизна потускневшая воспоминаний, вся в слезах, будто в звездах. Погиб.

à René Char
que n'a pas hésité
une seconde à affirmer,
au péril de sa vie,
que j'existe

CAPITALE DE LA DOULEUR

à René Char
que j'aime
au péril de ma vie

A stylized, cursive handwritten signature of René Char, with a large 'R' and 'C' and a long horizontal stroke at the end.

Титульный лист сборника «Град скорби» (1926)
с дарственной надписью поэту Рене Шару.

Автограф Элюара

Зеркало мгновенья

Оно рассеивает свет,
Оно показывает нам вещей нагую суть,
Оно отказывает нам в возможности на миг
отвлечься,
Оно — что камень,
Твердый камень
Движения и взгляда,
В его холодном блеске дрожат и тают маски,
И то, что схвачено руками, гнушается принять
чужую форму рук,
И то, что было ясным и понятным, исчезает,
Сливается с ветрами птица,
И небо — со своею сутью голубой,
И человек — с судьбой.

Вечная, вся

Если я вам говорю, что я от всего отрешился,
Это значит — не стала она плотью от плоти моей,
Я похвастаться этим не мог никогда,
Это неправда,
И промозглый туман, где барахтаюсь я, —
Он обо мне и не знает.

Веер губ ее, мерцание глаз —
Только я, я один вам об этом могу рассказать,
Только я, я один окружен
Этим зеркалом легким, таким неприметным,
что воздух

Сквозь меня протекает легко,
У него живое лицо,
Любящее и любимое, твое родное лицо,
И тебе, не имеющей имени, тебе, кого люди не знают,
Море молвит: «Ты выше меня», небо молвит:
«Ты выше меня»,

Звезды ловят тебя, тучи ищут тебя,
И кровь самых лучших мгновений,
Кровь немыслимой щедрости,
Поднимает тебя на радужных крыльях своих.
Я воспеваю великую радость тебя воспевать,
Великую радость тобой обладать или не обладать
тобою,

Радость пою, с которой тебя ожидаю, чистоту,
с которой тебя узнаю,
Ты отменяешь забвенье, надежду, незнание,
Отменяешь отсутствие и рождаешь меня на свет,
Я пою, чтобы петь, я люблю тебя, чтобы петь
Тайну, в которой любовь меня создает
и себя выпускает на волю.

Ты чиста, ты еще чище, чем я.

Твои оранжевые волосы в пустоте вселенной,
В пустоте цепенеющих стекол молчания
И темноты, где мои голые руки твоё отражение ищут.

Сердце твоё химерической формы,
И любовь твоё схожа с моим ушедшим желанием.
О душистые вздохи, мечты и взгляды.

Но со мной ты была не всегда. Моя память
Хранит удрученно картину твоего появления
И ухода. Время, точно любовь, обойтись не умеет
без слов.

Твой златогубый рот звенит в моей груди,
И так прекрасен строй твоих речей лучистых,
Что в чистой глубине моих ночей смертельных
Сквозь мерный гул миров мне слышен голос твой.

На шелковой заре вползает в жилы холод,
И нега жалобно цепляется за сны,
И теплые тела дрожат, осуждены
Весь день в себе нести свое живое сердце.

Я в память погружаюсь, как в туман,
Себя не вижу я, тебе одной послушен,
Ловлю твои слова и не могу разрушить
Досуги жуткие — плоды твоей любви.

ЛЮБОВЬ ПОЭЗИЯ

Моей Галд — эта книга,
не имеющая конца.

В НАЧАЛЕ НАЧАЛ

I

В полный голос
Проворно любовь поднялась
И ослепительно вспыхнула
И рассудок в мансарде своей
Признаться во всем не посмел.

В полный голос
Тучи воронов кровью сокрыли
Память о прежних рожденных
Опрокинутых в волны света
В замученное поцелуями завтра.

Есть на свете одно существо и немислима
несправедливость
 Любовь избирает любовь не меняя лица.

IV

Я сказал тебе это для туч
Я сказал тебе это для дерева на морском берегу
Для каждой волны для птицы в листве
Для камешков шума
Для привычных ладоней
Для глаза который становится целым лицом
и пейзажем
И которому сон возвращает небеса его цвета
Я сказал тебе это для выпитой ночи
Для решеток у края дорог
Для распахнутых окон для открытого лба
Я сказал тебе это для мыслей твоих и для слов
Потому что доверье и нежность не умирают.

VII

Земля вся синяя как апельсин
Отныне заблужденье невозможно слова не лгут
Они не позволяют больше петь
Лишь понимать друг друга в поцелуях
Безумцы и объятия любви
Она ее с моими слитые уста
Все тайны все улыбки
И снисходительность одежд
Прикрывших наготу.

Цветут как травы осы
Заря себе на шею надевает
Ожерелье окон
Под крыльями упрятана листва
Все солнечные радости твои отныне
Всё солнце на земле
На всех дорогах красоты твоей.

VIII

Любимая чтобы мои обозначить желанья
В небесах своих слов рот свой зажги как звезду
Твои поцелуи в живой ночи
Борозды меня обвивающих рук
Победное пламя во мраке
Виденья мои
Светлы непрерывны

А если нет тебя со мной
Мне снится что я сплю и что мне это снится.

XIII

Сокровенно влюбленная ты свою наготу
Прикрываешь улыбкой а любовные речи
Обнажают тебя твою шею и грудь
Твои бедра и веки
И в глаза я целую тебя
Чтобы явилась ты предо мной
Вся и навеки.

XV

Она надо мною склоняется
Неискушенное сердце
Чтобы увидеть люблю ли ее
И доверчиво забывается
И под тучками век
Ее голова засыпает в моих ладонях
Где ж мы теперь
Нераздельное целое
Живые живые
Живая живой
И моя голова в ее сновидения катится.

XVII

От моей единственной ласки
Засверкала ты всем своим блеском.

XX

Наступает рассвет я люблю тебя в жилах моих
еще ночь

Я всю ночь смотрел на тебя
Мне так много еще предстоит угадать
Я в спасительность сумрака верю
Он вручает мне власть
Окутать любовью тебя
Разжечь в тебе жажду
Жить в глубинах моей неподвижности
Твою сущность раскрыть
Избавленье тебе принести и тебя потерять
Днем невидимо пламя.

Ты уйдешь и откроются двери в рассвет
Ты уйдешь и откроются двери в меня.

П о л ь Э л ю а р .

*Рисунок Макса Эрнста на фронтиспise сборника
«Умирать оттого, что не умираешь» (1924)*

Г а л а́ Э л ю а р.

Фото 1926 г.

XXII

К стеклу прильнув лицом как скорбный страж
А подо мной внизу ночное небо
А на мою ладонь легли равнины
В неподвижности двойного горизонта
К стеклу прильнув лицом как скорбный страж
Ищу тебя за гранью ожидания
За гранью самого себя
Я так тебя люблю что я уже не знаю
Кого из нас двоих здесь нет.

XXIII

Путь молчания
От моих ладоней к твоим глазам

И к твоим волосам
Где ивы-девчонки
Прислоняются к солнцу
И шепчутся тихо
И лепестки трепещущей тени
Подбираются к их разомлевшим сердцам.

XXVI

Я закрыл глаза чтобы больше не видеть
Я закрыл глаза чтобы плакать
Оттого что не вижу тебя

Где твои руки где руки ласки
Где глаза твои прихоти дня
Все потеряно нет тебя здесь
Память ночей увядает

Все потеряно я живой.

ВТОРАЯ НАТУРА

VIII

Белые тени
Лбы отмеченные бессилием
Перед идиотизмом людским
Перед ухмылками стен
Язык смеха
И спасая лицо
Пленники снега тают в тюрьме
Спасая лицо на которое отблески стен
Ложатся привычкой к смерти.

XVII

Симметричная гордость жизнь разделенная
поровну

Между старостью улиц
И молодостью облаков
Закрытые ставни руки трепещущие
Точно на солнце листва
Руки ручьями струящиеся
И укрошенная голова.

XVIII

Гранитные волны тоски.

Клинки пронзают клинки
Стекла бьют стекла
Огни задуты огнями.

Разорваны связи.

Стрела и открытая рана
Свет и зрачок
Восхождение и голова.

Невидимое в тишине.

СЛОВНО ОБРАЗ

I

Я скрываю печальные клады
Уединенных убежищ
Сердце лесов сонливость
Раскаленной ракеты
И ночной горизонт что меня
Короной своей венчает
Я шагаю вперед упрямо
Приветствуя новой тайной
Рождение образов.

САМА ЖИЗНЬ

*

Что с тобой почему эти волосы белые розовые
Почему этот лоб эти горькие рвущие душу глаза
Свадеб радиевых великое заблуждение
Одиночество тащится злобно за мной по пятам.

Прекрасная и похожая

Лицо на закате дня
Колыбель в опадающих листьях дня
Охапка голого ливня
Ускользнувшее солнце
Родник родников в глубине воды
Зеркало битых зеркал
Лицо на весах тишины
Камень среди остальных камней
Для пращи угасающих отблесков дня
Лицо похожее на все забытые лица.

Чуть измененная

Прощай печаль
Здравствуй печаль
Ты вписана в линии потолка
Ты вписана в глаза которые я люблю
Ты отнюдь не беда
Ибо самые жалкие в мире уста отмечаешь
Улыбкой
Здравствуй печаль
Любовь податливых тел
Неотвратимость любви
Ласка твоя возникает неожиданно
Чудищем бестелесным
Головой удрученной
Прекрасная ликом печаль.

Новой ночью

Женщина с которой я жил
Женщина с которой живу
Женщина с которой я буду жить
Одна и та же всегда
Явись предо мною в красном плаще
В красной маске в красных перчатках
И в черных чулках
Знаком залогом того
Что вижу тебя обнаженной
Чистота наготы о святое убранство

Грудь о сердце мое.

Около полуночи

Отворяются двери обнажаются окна
Беззвучный свет ослепляет меня
И ничего не исправишь меня обступают
Мне не нужные существа

Вот дурачок получающий письма из-за границы
Вот дорогое кольцо он серебряным числит его
Вот болтливая женщина с седой головой
Вот бестелесная девушка
Незавершенная безобразная омытая тьмой и бедой
Нелепо увитая мальвами и барвинками
Ее нагота ее чистота отовсюду видна
Вот море вот корабли на игорных столах
Вот свободный мужчина и вот другой свободный
мужчина и это все тот же
Вот разъяренные звери перед страхом заляпанным
грязью
Мертвецы арестанты безумцы все кого нет

Где же ты почему ты не здесь почему не разбудишь
меня.

Все права

Притворись
Тенью весенней в весенних цветах
Днем самым коротким в году и полярною ночью
Предсмертною мукою тех кому привиделась осень
Запахом розы и мудрым ожогом крапивы
Расстели прозрачность полотниц
На лугу своих глаз
Покажи злодеянья огня плоды его вдохновенья
Рай пепла его
Покажи как неясное нечто воюет со стрелкой часов
Покажи нанесенные истиной раны негибаемость
КЛЯТВЫ
Себя покажи

Не бойся в хрустальных одеждах предстать
Твоя красота неизменна
В глазах твоих слезы улыбки и нежность
В глазах твоих нет никаких секретов
Нет пределов.

Необходимость

Без особенных церемоний на этой земле
Бок о бок с людьми которые в гуще уютных
несчастий
И в непосредственной близости от истинного пути
И во прахе серьезнейших дел
Сохраняют полнейшее благодушие и невозмутимость
Я устанавливаю отношения между мужчиной
и женщиной
Между расплавленным солнцем и гудением улья
Между зачарованными пещерами и снежной лавиной
Между смехом взახлеб и синевой под глазами
Между геральдической птичкой и звездочкой чеснока
Между свинцовой проволокой и завыванием ветра
Между муравьями подле колодца и выращиваньем
малины
Между подковой и кончиком пальца
Между куском халцедона и франтоватой зимой
Между терновником и фактами мимикрии
Между сонной артерией и спектральным анализом
соли
Между араукарией и головою пигмея
Между железнодорожными рельсами и голубем
рыжим
Между мужчиной и женщиной
Между моим одиночеством и тобой.

Плохая память

Развеянные вершины вечерние птицы
У изголовья улиц
Поцелуев женское эхо
И в приютах желанья
Ослепительный мрак обнимающихся бунтарей.

Полные горсти дождя
Под листьями под фонарями
Полная тишина и в ней обломки минут
Время уже не хозяин
На каторге тротуара
Оно оседает
Заученным смехом
Не прорастающим в скуке.

И тупая вода и бездумная ночь на исходе
Одиночество всякую жизнь искажает
Поцелуй еще хоть один
Чтобл забыть про пустыню.

До свиданья

Передо мною рука она разгоняет грозу
Расплетает и усыпает цветами ползучие плети плюща
Уверенно это рука не твоя ли не тайный ли знак
В минуту когда тишина лежит еще грузом на лужах
в глубинах колодцев и утра.

Не зная сомнений удивлений не зная это твоя ли
рука

Присягает на каждом зеленом листе солнцу
подставив ладонь

Его в свидетели взяв это твоя ли рука
И клянется что примет смиренно каждый ливень
и каждый потоп

Без тени минувших молний
Это твоя ли рука в пронзительном воспоминанье.

Берегись дорога к этому кладу затеряна
Птицы ночные недвижно застывшие в пышном
убранстве

Это лишь вехи бессонницы с ядовитыми нервами
Безучастная это твоя ли рука равнодушная
К сумеркам роняет из пальцев пейзаж.

Зачарованы реки собственным детством
Возвращаются реки с купанья домой

Обезумевшие автомобили украшают колесами грудь
площадей

Это твоя ли рука колесом изогнулась

На площадях переставших вращаться

Она от себя отвратила родниковую воду ласк

Она от себя беззаботность доверье мое отвратила

Она никогда не сумеет меня от тебя отвратить.

Зло

Дверь была как тупая пила
Было всеилие стен
Была беспредметная скука
И самодовольство паркета
Льнувшего к граням счастливым
Для нас проигравших игральных костей
Были разбитые окна
В кровь раздиравшие тело ветра
Было пиршество красок
Проходила граница болота
Шло каждодневное время
В брошенной комнате в комнате посрамленной
Пустой.

Разделенные ночи

После долгой дороги я вижу опять все ту же прихожую, ту же кротовую шубку и тот же горячий сумрак, которому пёнковой трубкой предписан младенчески чистый сквозняк, вижу опять ту же комнату, куда я приходил, чтобы с тобой преломить хлеб наших желаний, вижу опять твою обнаженную бледность, которая утром сливается с бледностью гаснущих звезд. Знаю, я снова закрою глаза, чтобы вызвать условные краски и формы, и они мне позволят тебя обрести. А потом я их снова открою и увижу в углу дряхлый зонтик с ручкой как у лопаты, и при виде него я стану опять опасаться хорошей погоды, и солнца, и жизни, потому что средь белого дня я больше тебя не люблю, потому что со скорбью я вспоминаю то время, когда отправлялся тебя я искать, время, когда, слепой и немой, я стоял перед непостижимым миром и перед бессвязной системой общения, какую ты мне предлагала.

Разве мало сама ты страдала от наивности, из-за которой навсегда мне пришлось обратить твои прихоти против тебя?

Каких только дум не передумал тогда я! А теперь я пришел, чтобы лишний раз убедиться, что она существует, эта великая тайна — бесконечный абсурд моей жизни, бесконечный абсурд одной ночи.

Когда я прихожу, отплывают все корабли и перед ними гроза отступает. Дождь проливной выпускает на волю пасмурные цветы, и воскресает их яркость, и опять она в стены, обитые шерстью, стучится. Знаю, ты никогда и ни в чем не бываешь уверена, но даже мысль о притворстве, даже мысль о возможной ошибке — выше наших с тобою сил. Ведь с каких незапамятных пор упрямая дверь не желает поддаться, с каких незапамятных пор монотонность надежды кормит украдкой скуку, с каких незапамятных пор улыбки твои обернулись слезами.

Мы с тобою решили не пускать к себе зрителей, ибо не было зрелища. Вспомни, одно одиночество было, и сцена пустая, без декорации, без актеров, без музыкантов. Говорят: «зрелище мира», «всемирная сцена», но давно мы не знаем с тобой, что это такое. «Мы с тобой», не обмолвился я, ибо на всех рубежах наших долгих дорог, пройденных врозь и поодиночке, мы поистине были вдвоем, теперь я в этом уверен, мы поистине были «мы». Ни ты и ни я не умели прибавить то время, которое нас разделяло, к тому времени, когда мы были вдвоем, ни ты и ни я не умели вычесть его.

Каждый из нас — это тень, но об этом мы забываем в тени.

Свет между тем подарил мне прекрасные негативы наших с тобою встреч. Я тебя опознал в многочисленных существах, и само их разнообразие мне позволяло давать им всегда одно имя, имя твое, и я называл их, и преображал, как преображал я тебя среди белого дня, как преображаешь воду ручья, ее набирая

в стакан, как преображаешь руку свою, ее сплетая с другою. Даже снег, этот горестный наш заслон, на котором стремительно таяли кристаллики клятв, даже снег жил под чуждой личиной. В подземных пещерах искали настойчиво выход окаменевшие травы.

Глубинная тьма напряженно тянулась к ослепительно яркой сумятице, и от меня ускользало, что имя твое делалось иллюзорным, что оно оставалось лишь у меня на устах и что постепенно возникало лицо искушений, реальное, цельное, неповторимое.

И тогда я к тебе возвращался.

Когда мы встречаемся, а встречаемся мы всякий раз навсегда, твой голос опять до краев наполняет глаза твои, точно эхо, когда до краев оно заливает вечернее небо. Подплываю я к берегу облика твоего. Что ты мне говоришь? Что ты никогда не считала себя одинокой, что ты сновидений не знала с той самой поры, как тебя я увидел, что ты — словно камень, который раскалывают пополам, и получают два камня прекрасных взамен одного, их родившего, что ты — и вчерашняя и сегодняшняя одновременно и что вовсе не нужно тебя утешать, потому что ты делишь себя пополам, чтобы вот так, как сегодня, непорочной предстать предо мной.

Ты вся обнаженная, вся обнаженная, и груди твои, еще более хрупкие, чем аромат побитой морозом травы, держат груз твоих плеч. Вся обнаженная, ты одежду снимаешь с себя удивительно просто. И закрываешь глаза, и это — будто падение тени на тело, падение плотного мрака на последнее пламя.

Осени, лета снопы, снопы зимы и весны рассыпаются, и ты открываешь до дна свое сердце. Это свет жизни вбирает в себя прибитое пламя, это оазис пустыню сосет, и пустыня его удобряет, и отчаяньем кормится он. Чуть слышная легкая свежесть приходит на смену хороводу костров, что тебя научили меня возжелать. Над тобою скользят твои волосы в пропасть, и она — оправданье отчужденности нашей.

*

Почему не могу я, как прежде, во времена моей молодости, объявить, что я ученик твой, почему не могу я, как прежде, согласиться с тобою, что нож и предмет, рассекаемый им, между собою согласны. Фортепьяно и тишина, горизонт и равнина.

Ты надеялась силой своею и слабостью примирить дисгармонию встреч и гармоничность разлук, неуклюжий наивный союз — и науку лишений. Но подоплекой всему была скука. Многие мог ли этот безглазый орел удержать из наших порывов?

На улицах и в полях сотни женщин тобою развеяны по ветру, и в клочья разодрано сходство, объединявшее их, сотни женщин тобою опять сплетены воедино, но теперь ты больше не в силах возвратить им единство их облика, и теперь у них сотни лиц, сотни лиц поражение наносят твоей красоте.

*

И в цельности времени, поделенного нами, возник неожиданно день, день такой-то такого-то года, и я с этим днем примириться не смог. Были всякие дни, были всякие ночи, но этот был слишком мучителен.

Жизнь и любовь потеряли вдруг точку опоры. Уверяю тебя, что не из-за новой любви я отчаялся в нашем союзе. Я себе и представить не мог иной жизни, с другими объятьями, в объятьях других. Я и подумать не мог, что когда-нибудь я перестану быть верным тебе, — ведь я понял тебя навсегда, ведь я понял, что ты существуешь и существовать перестанешь только со мной.

Женщинам, которых я не любил, я сказал, что они существуют постольку, поскольку есть ты.

Но жизнь ополчилась на нашу любовь. Жизнь, в нескончаемых поисках новой любви, взамен прежней, опасной любви, — жизнь решила любовь поменять.

Принципы верности... Но не всегда подчиняются принципы правилам тусклым, начертанным предками на деревянных табличках, они подчиняются чаще обаянию живому, улыбке и взгляду, словам и движениям молодости, страсти и чистоты. Этого не сотрешь.

Я упрямо мешаю свой вымысел с грозной реальностью. Пустые дома, я вас заселил идеальными женщинами, ни худыми ни полными, ни блондинками ни брюнетками, ни вздорными ни рассудительными, все это неважно, просто какой-то пустяк делает каждую пленительней всех на земле. О предметы ненужные, порой даже глупость, сотворившая вас, очаровывала меня. О безликие существа, я зачастую вас слушал, как слушают рокот волны или шум корабельных винтов, предвкушая морскую болезнь. Я призывал к непривычным картинам. Я видел их там, где

их быть не могло. Я их наделял механической точностью, с какою я сам спать ложился или вставал. Площади города раздувались, точно мыльные пузыри, повинаясь моим щекам, улицы города повиновались моим шагам, нога за ногой, одна за другой, вторая за первой, за обеими обе, и так до конца, а женщины перемещались в пространстве отныне лишь лежа в постели, и в распахнутом настежь корсаже виднелся краешек солнца. Разум, гордая голова, позорный колпак безразличия, фонарь с головой муравьиной, разум, жалкая мачта фальшивая для обезумевшего человека, фальшивая мачта на корабле... но об этом выше смотри.

Чтобы к жизни вернуться, я пытался тебя любить. Чтобы вернуться к твоей любви, я жил очень плохо.

После долгой дороги я, может быть, не приду больше к двери, которую оба мы знали так хорошо, я, может быть, не войду больше в комнату, куда столько раз меня привлекало отчаянье и надежда покончить с отчаяньем. Как человек, неспособный понять ни себя ни судьбу свою, я, быть может, уйду к другим существам, не похожим на то, что я выдумал.

Только буду ли нужен я им?

Конец света

Андре Бретону

Обведенные тенью глаза будто замки в ограде руин
Бездонность оврагов между ней и последним
взглядом ее

В чудесную пору весны
Когда землю румянят цветы
Этот отказ от всего
Все помыслы ближних только о ней для нее
Но об этом не знает она
Ее жизнь даже нет не ее просто жизнь
Ее грудь безмятежна и лоб не знает
Как упорно ее волнистые волосы убаюкивают его.

Слова какие слова черный или Севенны
Бамбук дышать или лютик
Говорить это значит ее ногами ходить
Ее руками в муке предсмертной скрести одеяло
Открыты глаза без ключа
Без усилий вот уши и рот
Вот крови пятно а не ярость летнего солнца
Вот бледность а не бесееонная ночь которая может
пройти.

Свобода она непонятнее даже визита врача
Какого врача мерцает в пустыне свеча

Бледное пламя на донышке дня
Вечность она началась и закончится вместе
с кроватью
Но для кого говоришь ты если не знаешь
Если знать не желаешь
Если больше не знаешь
О сжальтесь
Что вообще это значит говорить.

Легкость сама

Нежность твоя твои поражения и мягкая гордость
Легендарная география взглядов и ласк
Органное колдовство
Смешение рук и глаз
Трав и снегов
Трав и весны
И невидимой дрожи моря под прикосновеньем дождя
Смешение тишины и твоей магнетической ясности
И ветра который приносит губам привкус молодости
И далекого поцелуя

Ветра чью руку ты чувствуешь вдруг под одеждой.

Заброшенный дом
безобразные
Дома
нежилые жалкие
Дома
Как пустые тома.

Мираж

Что предо мною
Затравленный взгляд
Взгляд беспокойней чем крыса в звериной
берлоге
Взгляд женщины скрытной
Отвергнутой
Похожей на то
О чем никогда не пишу.

Нуш

Откровенность порывов
Легкость близости
Ласка волос.

Без подозрительности без тревоги
Твои глаза отдаются всему что видят
И на виду у всего на что они смотрят.

Доверчивость хрусталя
Между двумя зеркалами
Ночью твои глаза растворяются в темноте
Чтобы слить пробуждение с желаньем.

Прощенье

Она мне велела завтракать под столом
Простите под облаком

Надежда надежда без края
Детство когда изворотливый холод полям
не давал покоя

На крышах гнездилось удушье
Лаванда
Протяженность женского тела

Она была смирной покорной
Верной
Легкой немой обедненной
Моими мечтами

День выпивал ядовитые сумерки.

Сердечное воспоминанье

Был раскатистый смех печальный
Маятник замер
Рыжая рысь поспешила упрятать своих малышей.

Волны плотного хохота в раме агонии
Нагота обращает в шутку бледность свою
Нагота обращает в шутку
Целомудренный глаз маяка надежду кораблекрушений.

При вспышке молнии

Здесь ее нет.

Женщина в фартуке караулит грозу у окна
Тучи ножку друг другу подставить торопятся
Невзрачная девочка
Синеватая
Играет на дряхлом диване
Тишина угрызается совестью.

Я взглядом окинул дома этой улицы длинной
Камни зелень деревьев
Землю снег и песок
Тени солнца воды
Внешнюю сторону жизни.

И забыть не могу она была здесь
Сад на прогулку водила
Ягоды с шелковицы срывала
Снег ее смеха пеленою ложился на грязь
Целомудренна поступь была.

ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАВ МИР-ОДИНОЧЕСТВО

I

Дневные плоды выношенные землей
Не спит одинокая женщина
Окна легли отдохнуть.

II

Женщина каждую ночь
Отправляется в тайный путь.

III

Деревни усталости
Где голые руки у девушек
Будто струи воды
Где зреет в них молодость
И смеется на цыпочках.

Деревни усталости
Где тождественны все существа.

IV

Увидеть глаза в которые ты погрузился
И смех где тебе оставлено место.

V

Лезут сюда насекомые
Хрусткие тепи огня
Брызгами ржавого пламени
Запятнано ложе сна
Его плоть его целомудрие.

VI

Хочу тебя обнять и тебя обнимаю
Хочу покинуть тебя ты скучаешь
Но на пределе наших с тобою сил
Ты облакаешься в латы острее мечей.

VII

Скалы и море красавица плещется в море
А в прибежище нищих
На выцветшем небе которое служит им тенью
Скрываются тысячи пасмурных ламп.

Поле бликов набухло слезами
Смыкаются веки
Переполнена мера.

Вереницей мелькающих образов
Лавина света рушится в новые сны.

VIII

Тело мирские почести
Немыслимый заговор
Мягких как крылья углов.

Но ласкающую меня руку
Раскрывает мой смех
Укрощает и удерживает
Моя грудь.

Немыслимый заговор
Неожиданностей и открытий.

IX

Призрак твоей наготы
Призрак дитя твоей простоты
Укротитель-малыш чувственный сон
Мнимых свобод.

X

Водяные прозрачные перья хрупкость дождя
Свежесть подернута ласками
Взглядов и слов
Любовью как дымкой подернуто
Все что люблю.

XI

К дыханию к солнцу вчерашнему
Напоившему твои губы
Прибавить поворожденную ласку
Чтобы поплыть голубыми морями твоей стыдливости
И шлифовать в темноте
Жасминовые зеркала
Спокойствие пестовать.

XII

Фарфоровая песенка хлопает в ладоши
На куски разлетается и умирает
Ты вспомнишь о пей о несчастной и голой
В то волчье утро а волчьи укусы это туннель
И ты из него выползаешь в окровавленном платье
От которого рдеет ночь
Сколько живых предстоит разыскать
Сколько огней загасить
Я буду звать тебя Зримой
И множить твой образ.

XIII

Обезоруженная
Больше не знает она врагов.

XIV

Она непоседа с хрустальным челом
Сердце ее в обрамлении черной звезды
Глаза ее поют об ее уме
Глаза ее в знойное лето прохлады
Тепло холодной зимой
Глаза ее постигают себя и смеются
Глаза ее игроки их выигрыш пригоршни света

XV

Она простирается
Чтоб обмануть одиночество.

XVI

Синева за окном я укутан плащом
Будто гонят меня из дня

Гнев под жестокой звездой
Зависти Неправедливость
Самая хитрая

Разгоняй это хмурое небо
Разбей его окна
Кинь их на корм камням

Это лживое небо
Нечистое тяжкое.

XVII

Я любовался когда я к тебе спускался
Пространством где властвует время
Вела меня память

Тебе не хватает места
Чтобы всегда быть со мною.

XVIII

Разорвав поцелуй и страхи
Она просыпается ночью
И с удивлением смотрит на то что ее заменило.

XIX

У причала этих ветвей
Не знать морякам удачи
Сверканьем обрушены веки отзвук огня
У причала голых коленей
Тело пронзая в глухой темноте
Затерялись следы искушений.

Теряются реки только в стране воды
Рухнуло море под своим равнодушным небом
Ты сидишь и за мною идти не желаешь
Чего ты боишься любовь смеется над болью
И кричит над домами про бессилые мира.

Одиночество дышит прохладой у твоей неподвижной
грудь

Я увидел руки твои всё такие же руки
Ты их можешь скрестить
Можешь себя к себе привязать

Что ж хорошо — ведь ты одинока и я одинок.

XX

Свергнутая тюрьма
В глубине небес
Огненное окно
В нем мечутся груди молний
Ярко-зеленая ночь
Ни улыбки в краю одиночества
Стоя дремлет огонь
И пронизывает меня.

Но страхи напрасны
Я даже могу улыбаться
Нелепая голова
Даже смерть не иссушит ее порывов
Голова совершенно свободная
Что сохранит навсегда и улыбку и взгляд.

Если и жив я сейчас
Если даже не одинок
Если кто-то подходит к окну
И окно это я
Если кто-то подходит
Эти другие глаза не видят меня

Монх мыслей не знают
Стать сообщниками не хотят

За любовь предают разлуке.

XXI

При свете права на смерть
Бегство с невинным лицом.

Вдоль текучих ветвей тумана
Вдоль неподвижных звезд
Где царят мотыльки-однодневки.

Время бархатный медный шар
Катится скользкой дорогой.

XXII

У меня за спиною закрылись мои глаза
Свет дотла догорел обезглавлена ночь
Птицы громаднее ветра
Не знают где приземлиться.

В жалких мученьях в морщинах смеха
Близкую душу искать не буду
Жизнь обмякла мои видения тусклы
Все отреченья сказали последнее слово
Им больше не встретиться они друг друга не знают
Я одинок одинок совсем одинок
Я никогда не менялся.

ЗАГОТОВКИ

III

Если скучно тебе
Присмотрись
К любопытным.

VIII

Эти люди всегда едят
Объедаются наслаждаются
А засмеются жаднее едят.

XI

Деревья наполнены запахом птиц
Ночные озера наполнены запахом скал.

XXVIII

Деревья белые деревья черные
Моложе прочего пейзажа
Чтобы дожить до этой грани надо
Состариться.

Критика поэзии

Разумеется я ненавижу царство буржуев
Царство шпигов и попов
Но сильнее стократ я ненавижу людей,
 которые не ненавидят его
Так же как я
Всей душой.

Я плюю в лицо ничтожнейшему пигмею
Который всем стихам моим не предпочтет
эту *Критику поэзии*.

РОЗА ДЛЯ ВСЕХ

Поэтическая объективность

*— это лишь бесконечная смена,
вечная вереница субъективных стихий,
и поэт, пока не изменится этот порядок,
им не хозяин, а раб*

Битва бродяг и туристических справочников
Наперекор страху
Наперекор советам
Вдали от чувствительных берегов
Прочь бежать от здоровья морей
От надежды первого шага
От пчеловеческих красок
Ураганов с их влажными жестами
И большими пустыми телами
От лабиринта бездомных звезд
От океанов вина молока и мяса
От волн меха от волн покоя
От пляжа домашней постели
От кораблей и от их ремесла.

*

Утро разбилось в заснувших объятьях
Утро уже не вернется
Угасающий отблеск рыжих волос
Острые груди мылые руки
В дрожи себя принесение в дар
Ничто не сравнится с несчастьем любить
Ничто не сравнится
Набежавшая пена

Оборви приговор что к губам подступает
Поднимается к сердцу
И рушится с первозданным
Ослепительным смехом.

*

Хрупкая скорбная и клеймом на плече
Отпечаток руки обладавшей ею.

*

Вдоль крепостного вала дряхлые оркестры
Нацеленные в день свинцовыми ушами
Подстерегают ласку молнию таят
Улыбка жнец опущенных голов
И запах звука
И взрывы времени для памяти поспевшие
плоды.

*

Даже когда мы с тобой друг от друга вдали
Все нас роднит

Частица тебя обитает в голосе эха
И в зеркале
В комнате в городе
В каждом мужчине в женщине каждой
В моем одиночестве
И это всегда частица тебя

И это всегда частица меня
Мы разделили наследство
Свою долю ты мне завещала
Я свою завещаю тебе.

*

А твои дождевые руки на жадных глазах
Благодатным цветеньем
Рисовали поляны где обнималась чета
влюбленных
Кольца ясной погоды ленивые весны
Хоровод искрящихся матерей
В подоткнутых платьях
Игольчатые кружева песчаные пряди
Грозу которая обнажает каждый нерв
тишины
Алмазную птицу в зубах кровати
И размашистым чувственным почерком
Я люблю.

*

Сколько в воздухе спов
Сколько окон в бутонах
Сколько будущих женщин
Сколько грядущих детей
И справедливость чревата
Чудесами нежнейшими
Чистыми мыслями

А между тем
В этом мире счастливы бичами свистят

Смех до потери рассудка
Плач до потери жизни
Глаза и рот что морщины
Благопристойности пятна
Мрак среди белого дня.

Гнев что мед иссякает
Пристанище пламени чахнет
Больше никто не летит на постыдную помощь
вчерашним виденьям
Совершенство лесов золотая кормушка солнца
Медали любви тающие на устах
Лица крохи желаний
Грядущие дети сегодняшней сон
Самые верные в мире слова
Все отмечено черными ранами
Даже она которой мно так не хватает.

При погашенном свете

*когда почему-либо, чисто случайно, я, бывает,
не выберу вдруг ни зеленой лошадки, ни
красного человечка, двух самых привычных и
самых свирепых из моих гипнотических тварей,
я пользуюсь неизбежно другими своими
виденьями, чтобы запутать, и озарить, и со
снами смешать последние мечты и иллюзии
своей молодости*

Бузинное утро

Она в этом поле осталась

Что же она завещала мне в путь уходя

Все что я мог пожелать

И прежде всего доспехи выбранные в обломках

Чеканной зари

Доспехи под деревом

Прекрасное дерево

Его ветви ручьи под листвою

Пьют они из источников солнца

В них как жемчужины

Рыбы поют

Это прекрасное дерево

Мне в тоскливые дни заменяет

Аппарат мимолетных видений
Это дерево каждого дня
Превратило меня в господина
Всех желаний моих

*

А потом появляется женщина в ожерелье из алых
роз

Эти алые розы раскрываются словно ракушки
Разбиваются словно яйца
И горят словно спирт

Вечно под деревом
Будто неодолимый магнит
Приводит в отчаянье
Гонимое соками пламя

То хрупкая то всемогущая
Моя одаренная благотельница
С бредом своим и любовью
Ложится к моим ногам
И челноки ее глаз качают меня на волне
Моя улыбчивая покровительница
Прекрасная ясная под своею кольчугой
Забыв про железо про дерево и про алые розы
Мои желания лепит
И мечтает
Мечтает о чем
Обо мне
В пеленах ее глаз кто мечтает
Я

*

У нее проворные руки
Настоящие руки полольщицы
Иссеченные шрамами
Утомленные необходимостью
Вечно показывать на циферблате времени безжалостный
утренний час начала работы
Руки которым влюбленно держать
Букет алых роз без шинов

И этот галоп буйволиный
Все желанья мои
Эта женщина в солнечном свете
Этот сверкающий лес
Этот лоб без морщин
Виденье в корсаже расшитом обломками
Тысячью корабельных обломков на дробящихся пылью
волнах
Тысячью птиц молчаливых в ночи прекрасного дерева

А неплохо бы вспомнить и о других каких-нибудь
праздниках
Даже шествия карнавальные обезображенные
оголенные окровавленные кривлянием масок все
равно достигают порой предосудительной
безмятежности
И какой случайный прохожий на перекрестке учтивых
улыбок не остановится чтобы приветствовать
молнией взмаха неучливое брюхо весны

Бельевая корзина замирает вдруг налету
И клонится венчиком белым к ее разбитым коленям
Никакая грубая краска не посмела ей путь преградить
И сквозь дырочку в кружеве
Исчезает корзина
Тропинкою плоти

115

*То, что скажет обремененный невзгодами,
всегда некстати*

Зима вся в голых ветвях и застывшая точно покойник
Человек на скамейке на улице человек от толпы
убежавший

И одиночеством переполненный
Дайте место отчаянью самому заурядному
Зеркалам свинцовым отчаянья
Струям булыжным отчаянья
Монументам гниющим отчаянья
Дайте место забвению добра
Дайте место воспоминаниям в жалких отрепьях
истины

Черному свету пожару вчерашнему
Волосам в лабиринте потерянным
Человек на скамье ошибся квартирой ключом этажом
Чтобы знать и сильнее любить

Где пейзаж начинается
И в котором часу
Где кончается женщина
Вечер на город ложится
И прохожего догоняет в постели
Прохожего голого
Которому снится не девичья грудь
А звезда кормилица ночи

Но все тише теперь и проникновенней звучит
посреди исчезнувших улиц

Эта песня до края залившая ночь
Неспя заполнившая зрение и слух
И протянувшая руку видениям
Эта всеотрицающая любовь
Любовь которая бьется в заботах
Обливаясь слезами горячими
Эта мечта разбитая искалеченная смешная
Эта гармония в залежных землях
Это нищее племя

Нищее потому что всю свою жизнь
Чистого золота жаждало
И совершенства любви.

*Измученный жаждой
и по холоду изголодавшийся*

Голубая жара небес
Прислонилась к вискам окна

Прекрасная линия перьев до горизонта
Благовонная взрослая роза мак и девственный факела
венчик
Сплетаются в кожу душистую женщин нагих

В дверях сверкают затворы
Нужно пройти невзирая на то что борьба принимает
ласковый оборот
Миновать холмы и соблазны луговых постелей
Пересыпанных солнцем

И дальше идти

Летние грозы как руки без пальцев
Как котята в мешке
Дым спиральями вьется предвещаая тревожное лето
В ядовитой эмали

Многоликая жажда идет по следу туманов
К постоянным дворам верхом на волне
Раскаленных камней над охрипшими глотками
пьяниц.

ПЛОДОНОСНЫЕ ГЛАЗА

Посвящается Нуш

*

Нет невозможно
Знать меня лучше чем ты

В твои глаза мы падаем как в сон
С тобой вдвоем
Они меня огнями одарили
На зависть всем ночам

В твои глаза пускаюсь я как в путь
Они дают движениям дорог
Свободу от земного притяженья

В твоих глазах меняют облик свой
Все те кто открывает перед нами
Безмерность одиночества

Нет невозможно
Знать тебя лучше чем я.

Офорт Пабло Пикассо к сборнику Элюара
 «Плодоносные глаза» (1936)

ПЕРИЛА

К нынешнему времени

С незапамятных пор без песен
Цветы в упаковке цветы на продажу
Букет добродетелей тощих

Как ты ни мойся сам себя ты больше не видишь
Слаще дремать на остывшем пепле
Под укрытием будней

Больше выхода нет
Между домами мрак
В каждом окне таракан
Вывеской счастья смерть

Молодежь в чарующих позах
Старики в смердящих веригах
Все на одно лицо
Но люди желают проснуться
Хоть лоб и живот в морщинах

Их еще привлекает огонь
Несмотря ни на что вопреки нищете
О ужас они не хотят больше верить
В неподвижность крови своей.

Гонимый

Пылинкою больше иль меньше
На дряхлых плечах
Пряди слабости на усталом лбу
Забрызганы медом подмостки ворох высохших роз
Полчища мух повинуются
Черным знакам беды
Сочатся отчаяньем балки моста
Наведенного над пустотой
Каждой улицы каждого дома
Сумасбродства тупые нелепые
Которые скоро будут всеми заучены наизусть
Механические желанья бредовые танцы
Сожаление об утраченной пенависти
Томление по справедливости.

*

Черные тучи медленно катятся всягь
Погружается в мягкую землю лопата
Точно прохладная девушка в теплые
простыни

Наливается ночь луной
Все-таки сила по-прежнему на стороне
торжествующей жизни.

СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Быть

С поникшим лбом со знаменем повисшим
Влачу тебя когда я одинок
По черным комнатам
По улицам промовглым
И милостыню клянчу

Я не хочу я их не отпущу
Твои простые и загадочные руки
Родившиеся в зеркале ревнивых рук моих

Все прочее на свете безупречно
Все прочее на свете бесполезно
Как жизнь

В твоей тени колодец вырыть

В немую воду у твоих грудей
Как камень
Кануть.

ВЕСЫ

I

Обещают любовь и далекие страны
Сулят чудеса и волшебные ночи
И падают сказки в уши глухих
В бездну мертвых сердец.

II

Запретные женщины
Рожают детей
И тянется цепь
От щеки к лугам
От руки к ветвям
От воды к небесам саранчи.

III

Простая глухая
Трава
В снегу появилась
Это было здоровье само
Был мой рот зачарован
Привкусом свежего ветра
Завяла трава.

IV

Быть десятком тысяч из сотни тысяч
И никогда одним из десятка
Дремлет толпа в темноте
В двух шагах от себя самой
Перемешивается рассыпаясь.

V

Есть на свете одна только дверь
Я к тебе прихожу мы уходим вдвоем
Ты уходишь одна ты приходишь со мной.

VI

Из настоящей гавани корней
Уравновешенной
И чуткой
В обнимку листья в плаванье
Пускаются.

Прямолинейная птица острые крылья
Возвращается камнем инстинкта
К зерну полета.

VII

Пустыня раздолье для трав
И множество прочих краев
Чтобы знать что мы здесь.

Свежий воздух

Берег нетвердой рукой
Бросал под дождем
Трап туманов
И ты появлялась нагая
Словно трепетный мрамор
Окрашенный ясным утром
Сокровище под охраной огромных зверей
У которых под крыльями пряталось солнце
Для тебя
Мы зверей этих знали но не видели никогда

А за стенами наших ночей
За горизонтами поцелуев
Заразительный хохот гиен
Глодал одряхлевшие кости
Тех кто жил для себя одного

А нам были в радость солнце море и дождь
Было у нас у обоих море и солнце одно
Наше.

ЛЕГКАЯ

*

Ты встаешь и вода раскрывается
Ты ложишься и вода расцветает

Ты вода от пучин отведенная
Ты земля пустившая корни
Чтобы все стало прочным на ней

Ты пузырек тишины в огромной пустыне скрежета
Ты играешь ночные гимны на струнах радуги
Ты везде и дороги стали ненужными

Приносишь ты время в жертву
Вечной молодости костра
Который природу окутывает воссоздавая ее

Женщина ты на свет производишь тело себе
подобное
Тело твое

Ты извечное тождество.

✱

130

СВОБОДНЫЕ РУКИ

I

Это она

На зеленой звезде газона это она
Это она в этом покинутом доме
Это она в этой улице мрачной
Это она на высоте пьедестала
Это она среди дикарей
Это она на этой молящей груди
Это она вон там на снегу

Всегда за стеной
Как на дне оврага.

Разбитое окно

За рамою ветер
Горизонт вертикальный
Льет небо в твою неумелую руку.

Роза-дерево

Щедрый год земля набухает
Небо выплеснулось в поля
На траве как живот округлой
Пламенеет цветами роса.

Одинокий

Я бы мог в одиночестве жить
Без тебя

Это кто говорит
Это кто без тебя может жить
В одиночестве
Кто

Жить наперекор всему
Жить наперекор себе

Надвигается ночь

Как прозрачная глыба
Я растворяюсь в ночи

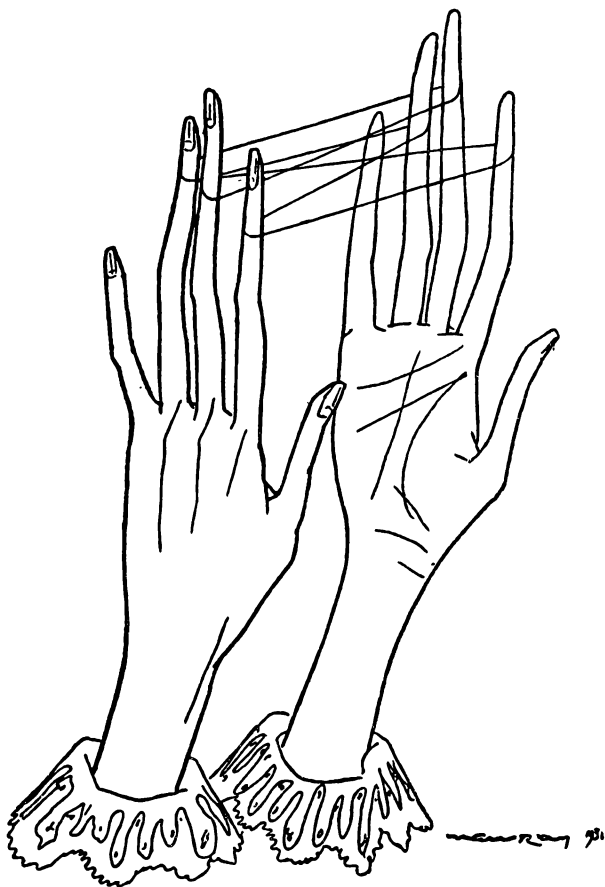

Рисунок Ман Рея к стихотворению Элюара «Одинокий»
(сборник «Свободные руки», 1937)

Свобода

Свобода чуть-чуть голова кружится и спокойны
босые ноги

Свобода ты легче и проще
Чем весна в стыдливой прозрачности.

II

Погода какой она была 14 марта

Птиц заклинатель наперсник детей
Я ожидаю прихода весны

Земля нерешительна и прохладна
Иголки полудня
Шьют шелковый шлейф рассвета

И я свою молодость вижу
Среди мимолетных красок
Первых цветений

На побережьях зелени первой
Где вода становится светом.

Тучи в ладонях

Это отчаянье смутное
Неуловимый источник дождливая почь
Вдалеке от клейкой листвы
Вдалеке от целебных слез
Этот презрительный вызов востока
Этот мертвенно-бледный рай
Это движение вспять
Недоверчивое изнуренное
К обрывкам воспоминаний

Чудо лекарство согласие подарок доверье.

Там где делают карандаши

Последняя ласточка
Плетет корзину
Чтобы свет дневной удержать
Последняя ласточка вычерчивает
Этот покинутый глаз

Вечер клюет
У деревни с ладони
Зерна теплого сна

Мысли спокойной вам ночи

И я тишину окликаю
Тихонько по имени.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД ВЕЩЕЙ

Посвящается Нуш

Ноябрь 1936

Взгляните как работают строители развалин
Размеренные цепкие богатые тупые
Как злобно эти нелюди изводят все живое
Как метко и старательно оплевывают душу
И в прах втоптать торопятся беспечные дворцы.

*

Ко всему привыкаешь
Только не к этим свинцовым птицам
Только не к злобе с какою они затмевают солнце
Только не к мысли им уступить.

*

Говорите про небо очистилось небо
Неважно что осень сейчас на дворе
Хозяева злятся
Мы про осень забыли
Мы про хозяев сумеем забыть.

*

Убывающий город океан вырастающий
из единственной капли спасенной воды
Из единственного алмаза отшлифованного зарей
Мадрид город привычный для тех кто страдал

Страдал от жуткого благоденствия которое нам
ненавистно

Для тех кто страдал
От нищеты без которой благоденствие это немыслимо.

*

Пусть рот к своей вернется правде
Дыханье и улыбка звенья вечной цепи
Пусть человек отринет прошлого нелепость
И к братьям обратит свое лицо как равный

И разуму даст вольных два крыла.

СТРАСТНО

I

Мне и вправду хотелось все изменить

На траве небосвода на улице
Среди тряпок домашних
Везде
Играла она будто в воду бросалась
И застывала потом в неподвижности
Ожидая когда я за ней затворю
Тяжелую дверь в невозможное.

II

Хохот после игры готовность к отплытию
И стол превращается в бабочку и улетает.

III

Она порвала свое платье
Она обняла
Новый и голый наряд.

IV

В осенних подвалах
Она становилась попеременно
То снежным цветком урагана
То угольком.

V

В городе дом
В доме земля
Женщина на земле
Ребенок зеркало око вода и огонь.

VI

Молодость ей давала
Силу жить одиноко
Я не сумел запереть свое сердце
В клетку ее груди.

VII

Ничего кроме ласкового лица
Ничего кроме ласкового птенца
На длинных насыпях где детей охватывает
усталость

У самого выхода из зимы
Когда облака как всегда
Начинают пылать
Когда воздух морозный алеет

Ничего кроме молодости исчезающей в беге
жизни.

*Несколько слов
которые до этого дня
почему-то считались запретными для меня*

Слово кладбище

Впрочем другие если хотят пусть мечтают о нем

Слово домик

Его частенько встречаешь

В объявлениях газетных и в песнях

Все в морщинах точно старик обрядившийся юношей

На пальце наперсток пожилой попугай

Керосин

Это слово благодаря поучительнейшим примерам

Хорошо изучили пожары

Неврастения нет у этого слова ни совести ни стыда

Две черносмородинных тени под пустыми глазами

Слово креол упругая пробка на фоне атласном

Слово ванна его волокут

Распрекрасные кони безобразные как костыли

Вечером под абажуром слово аллея как женское имя

Укрощает оно зеркала и недвижимая комната в них
замирает

MOTS
que j'écris ici
contre toute évidence

avec

le grand souci
DE TOUT DIRE

*Наборная полоса книги Элюара «Несколько слов
которые до этого дня почему-то считались запретными
для меня» (1937)*

Прядильщица слово в котором гамак и беседка

Олива заводская труба литавры мерцанья
Клавиатура многоголосого стада на просторной
равнине

Крепость напрасная хитрость

Яды красного дерева дверца

Этажерка резиновая гримаса

Топор в кости выигранное заблужденье

Гласная колокол гулкий
Рыдание оловянное хохот земли

Слово защелка молниеносность насилья
Мимолетная вен синева

Слово болид алой геранью в окне
Распахнутом в звонкое сердце

Слово широкоплечий глыба слоновой кости
Краюха окаменевшего хлеба влажные перья крыла

Слово расстроить мутное пойло
Лестница без дверей романтическая смерть.

Слово мальчик островок в океане

Лава черника сигара галун
Плавка цирк василек летаргия

Сколько их этих слов
Что меня никуда не вели
Слов чудесных как все остальные слова
Вот оно мое царство земное
Слова что сегодня пишу
Наперекор очевидности
И с великой заботою
Все сказать.

СБОРЩИЦА ЖАСМИНА

I

Ее лучезарная грудь погружалась в кусты
Синим лемехом ясного утра
Родником форштевнем зеленым

II

Ее руки почти неprimетно
Опускались на ветки жасмина
Она работала на солнцепеке
Полунагая
С проворством звенящих льдинок

III

За пределами ее силуэта
Земля и небо дряхлели

IV

Она собирала звезды
Там где их не бывает
Без усталости собирала
Брызги воды в костре.

Точность человеческого сердца

О точность человеческого сердца

Все краски красоты
Отточенные формы
И прочие уловки лишь затем
Чтобы идти прямолинейно к цели

Точность
Неумолимого движения сквозь толщи
Случайных поцелуев и речей

Устойчивость устоев
В умах мужчин и женщин

И странность очертаний облаков
Не выходящая за грани облаков.

Где я был?

Сумерки солнце уходит из комнаты
Нынче вечером я продаю своих коз
Я иду вслед за стадом
Переливчатых бликов
Деревья мои провожатые
Замыкаются
Приобретая надежность

Нынче вечером я воздвигаю необычайную
ночь
Мою собственную
Бесформенно-солнечную
Всю в круглых холмах под руками
крестьянок
Всю исполненную совершенства исполненную
забвенья

Неподвижна танцовщица отяжелела она
Я бы обнял ее
Но вокруг нее вертятся ветреные подруги
Извиваясь в линиях люстры
Я отмечу клеймом темноты крышу и потолок
Клеймом темноты и покоя отсутствия
и блаженства

Между ладонью и вéками пройдет череда
наслаждений
Пока все не канет в пучину бездонного сна
Нынче вечером я разожгу огонь на снегу.

СЛОВА НАПИСАННЫЕ КИСТЬЮ

Затерянный сад

Посвящается Лиз Деарм

Этот сад выходил на море
Грудью гвоздики
Шуму воды подражал
Шелестел голосами лесными

Сердце сада струило свежесть
Спокойно и щедро
А цветы поднимались мягко
К корням рассвета

Этот сад выходил на сушу
Был он спокойно ласков
И на каждом шагу из чащи
Выплескивались аллеи

Пестрая гамма просек
Вливалась в поток пейзажа
И солнце апрельского цвета
Плыло в зеленом небе.

Портрет

Броней бархатной щека
Мазком воздушным нос морским
прибоем лоб
Горячей стружкой рот
Звонящими весами подбородок
И в завершение росчерк птичьего
крыла

И вот рождаются огни
Слова над мягкими холмами
Ее зеленых глаз

И ясный день.
Который вписан в контур головы.

ПАНОРАМА

I

Лодка и запах лимона в соленой воде
Подплывали к причалу спокойному грязному

II

Деревянная глотка изрыгала зеленое пламя
Утренняя трава
Песня умолкших фонтанов

III

В дрожащих ладонях бледного дома
Тосковали влюбленные
Пытка крупца пейзажа

IV

Кто она чтобы требовать ласки такой

V

Я умоляю вас взять приласкать мою голову
В ваших пустых руках томится мое ожидание

VI

Она себе платье скроила из камня

VII

Я от края до края огромные ваши глаза
обойду

VIII

Уменьшались в лазури шары
Лето брало разбег.

Слова написанные кистью

Посвящается Пабло Пикассо

Чтобы все понять
Даже
Дерево со взглядом ладьи
Дерево усладу ящерицы и плюща
Даже пламя даже слепого

Чтобы слить воедино
Крыло и росу день и ночь
Сердце и облако окно и бескрайний пейзаж

Чтобы стереть
Гримасу ничтожества
Которое завтра в золоте будет купаться

Чтобы отсечь
Смешное жеманство
Самовлюбленных колоссов

Чтобы увидеть как все на свете глаза отражаются
Во всех на свете глазах

Чтоб увидеть что все на свете глаза
Так же прекрасны
Как всё что они словно море вбирают в себя

Чтобы люди смеялись радостно
От жары и от холода
От голода и от жажды

Чтобы слова
Были так же щедры
Как объятья

Чтобы соединить
Купальщицу и реку
Хрусталь и танцовщицу грозовую
Зарю и весну грудей
Желанье и детское благоразумье

Чтобы женщине
Задумчивой одинокой
Дать очертания ласк
О которых грезит она

Чтобы пустыня вздохнула в тени
Вместо того чтоб в тени моих дум
Дышала пустыня

Отдать
Свое
Благо
Отдать
Свое
Право.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ БЕДНЯКА

Мрак января

Мрак января дурная надежда пространства
В глубинах зрачка где заря как пустая бутылка.

Итог

Сам удивляясь тому что он пока еще жив
Он оставляет в лапах нужды
Суть своего бытия

Его мотыльки потускнели
Летние дни пожухли
Звезды его утонули
Мертвы его женщины дети мужчины
Потому что они его больше не видят

У него за плечами туман
Отныне ничей
Он погиб.

Плохое слово

Деньгам наличным стоит доверять
Как скрывшемуся солнцу
Деньгам наличным как земле безглазой
Как холоду где греются лишь черви
Деньгам наличным ибо и доверье
Ползет на брюхе по паркету к ним

Кровь даже и она из денег
И нету человека на земле
Который бы ни разу
Ни разу денег не держал в руках.

Последнее письмо

Ролану Пенрозу

Мягкость морского климата
Белокурые волосы в лодке
И земля которая вздыбилась
И трепещет у кромки воды
Мне показывают незнакомку
Бесповоротно ненужную
Я в клетку ее сажаю

И грудью встречаю холод.

Еще дальше

В окно не в дверь отсюда можно выйти

Конечно арестант через окно
Добраться можно до другого мира
До мира где умеют в совершенстве
Подделывать красоту добро и правду
И страсти пылкие
И счастье и твою тюрьму
Короче говоря само пространство

А у тебя желанья цвёта ветра.

НЕПРЕРЫВНЫЕ БДЕНИЯ

НЕПРЕРЫВНЫЕ БДЕНИЯ

I

Беда за бедой
Монотонность копыт
Тайна за тайной
Желанье зыбучесть дорог.

II

В большинстве своем люди почтенного возраста
Лавочники дельцы доктора чиновники
Они показывались на поверхности
Маленькими задумчивыми группками
Пытаясь использовать
Человека с туманным
Непроницаемым лбом.

III

Плоть готовая стать привычкой
Плоть в забвение канувшая
Смерть неудачно исполненная
Скорее не смерть а скелет
Сообщник бескостного тела.

IV

Я вычеркнул к собственной выгоде
Хромоту горбатость и зоб
Однорукого лысого и кривого.

V

Сила моя во всем что пока еще нравится мне.

VI

Утешающий лгун и любезный вор
Не теряют времени зря

Схвачена первой добыча
Цепкими пальцами слов

Они убивают печальное пламя
Расцветавшее на покое
Они вырывают шипы
Скрывавшие пропасть

Скорбь вызывает у них улыбку.

VII

Сотрясаются камни
И джунгли вздыхают

Я лежу на плато
И оно обернулось крылом.

VIII

От материнской груди до спасительных колоколов
От блеклого пламени до сердца которое любит
порядок
От лилипутского глаза до великаньего носа
От невидимого певца до безглазого дурня
Темнота расставляет капканами образы.

IX

Рыжие волосы черные волосы
Русая голова занавешенные портреты.

X

Порядок и стоя и лежа порядок законченный
вежливый общеизвестный.

XI

Яркое пламя в камине
Мягкий ковер на полу
Несколько стульев вокруг стола
Щетки плуги рожки кружева

Все обмазано клеем.

XII

Белая грязь пунцовые травы Неожиданное появление

Тряпки лохмотья видения свежей воды
Ничего кроме воды.

XVI

На дороге дряхлого маяка
Обманчивого пейзажа
И прекрасного сумрака видного отовсюду
Обнаженный невзрачный бюст маленькой девочки.

XVII

На какой стене я увековечен
Если в щели проходит свет

Все весенние краски
Умирующие строптивцы
Со своим онемевшим теплом
Бросают мудрые тени
В крапиву толстого смеха
Под ноги счастливых безумцев

На каком жалком ложе я сплю
Какая зелень во мне прорастает
Где руины которые мне помогают
Жить всем руинам назло.

XVIII

Слушают у дверей
То что кричат в окно.

XIX

Пусть в небе заблудятся птицы
Подвешенные к своим гнездам

Пусть оживут драгоценные камни
На колосьях своих переливов

Пусть хотя бы кустарник покроет
Луга обглоданные скотиной

Пусть город слепым подарит
Счастье бродить без палки

Пусть нахлынет хмельная радость.

XX

Курс на север по улице вниз
Дохожу коридором до цели
Мим продрог неподвижна любовь.

ПОЛНАЯ ПЕСНЯ

Мы существуем

Ты видишь пламя вечера он скорлупу проклянул
Ты видишь лес он кутается в свежесть

Ты видишь обнаженную равнину в оправе
медленного неба

И снег высокий словно море
И море до лазури высотой

И совершенство камня и ласковость деревьев —
тайную союзницу свою

Ты видишь города окрашенные грустью
Позолоченной и тротуары полные застенчивости
милой

И площадь где у одиночества своя улыбчивая
Статуя и у любви свой дом

Зверей ты видишь
Лукавых близнецов друг другу приносимых
в жертву

Невинных братьев чьи немые тени слиты
В пустыне крови

Ты видишь славного ребенка он играет
Смеется он он очень мал еще он даже меньше
Чем птица малая поющая в ветвях

В тени моей двери

Последняя птичья песня черным крылом одарила
Часы тишины часы сновидений
Последний клюв перед глазом моим сомкнулся
Жилище без стен озарилось лучами

Я вспоминаю могучее южное море
Вспоминаю равнину с устами зажатыми
Ладонью горячего солнца и свинцовый пушок
вспоминаю на золоте гроз

Летом мне хорошо я жарой околдован

Я вспоминаю ту сероглазую девушку с желтыми
волосами
Ее лоб ее щеки и грудь омытые зеленью и луною
И марево улицы через которую бледное небо
Пролагает свою дорогу как поцелуи

Я вспоминаю зыбкие жесты своих сновидений
На неверных постелях и упругую тучу
И неистовство тела опутанного желанием и цепями

Шаг за шагом жара отделяет от мира меня
меня обнажает

Вот единственный истинный праздник
Яйцо которое высижено землею и светом
И которому имя спокойствие летней ночи.

Непрерывность стиха

Глазами и пальцами я изучаю улыбки
Ранним утром дремавшие травы
Что распрямляются стадо завидев
Грудь забывающую про голод
Про стыд

Женщину эту сообщницу чуткую
Вялой любви и любви небывалой
Женщину что прислушивается к жизни
К буре рыданья
К зеленому острову тишины

Глазами и пальцами я изучаю улыбки
Я их отражаю
Кто они эти ласковые существа
Которые шепчутся мой покой охраняя
Улыбаясь росе

Солнце мягче кротовой шкурки
Прядь на лбу
Сломана долгая и неподвижная ночь
Сорвана гордая маска
Распалась цепь

Листок разворачивается
Улыбка моя продолжает
Пальцы мои и глаза
Наша молодость нежно
Рождает рассвет над землей.

ПОМОЧЬ УВИДЕТЬ

*Увидеть — значит понять,
оценить, преобразить, вообразить,
забыть или забыться,
жить или исчезнуть.*

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Любимые

Нас двое, и оба мы очень послушны. Наши воззрения всем доступны, наши речи понятны любому. Мы любовью своей управляем, мы законам ее подчиняемся. Мы честь толпе воздаем, мы граница этой толпы.

Сумерки

Была вертикальна пустыня, стекольщик рыл землю, могильщик пытался повеситься, и в дыму моей головы утверждалось забвенье.

Был час между ночью и днем, между смолою и сажей. Миловидное головокруженье. Перед тем как растаять, небо нелепо скривилось. Я жил потихоньку, спокойно, в тепле, потому что свою драгоценную ярость дневную вложил я в жестокую грудь своих побежденных врагов.

Она переодевается

Она вошла в свою тесную комнату, чтобы переодеться, а чайник тем временем пел на огне. Из окна сквозняком потянуло, и за нею захлопнулась дверь. С минуту она поправляла свою наготу, странную, белую и прямую, оживляла ленивые волосы. И во вдовье платье скользнула.

В недрах сердца

В недрах сердца, в недрах нашего сердца длится солнечный день, солнечный день твоих глаз. Нивы, лето, деревья, река. Только река оживляет неподвижность вершин. Наша любовь — это к жизни любовь, это презрение к смерти. Постоянное пламя, мятущийся, полный страдания свет. В глазах твоих день, только день, без движения, без заката, день на земле, день яснее, чем смертные розы в полдневных ручьях.

В недрах нашего сердца глаза твои необъятней небес и их сердца ночного. Стрелы радости, они убивают время, убивают надежду и сожаление, убивают разлуку.

Жизнь, только жизнь, самая суть человеческой жизни вокруг твоих ясных глаз.

*Я убежден что каждую секунду
Дитя и предож всей моей любви
Моей надежды счастье
Фонтаном бьет из крика моего
К зениту в поисках другого зова
Чьим отголоском хочет стать мой зов.*

Жить

Руки у нас у обоих чтобы их отдавать
Возьмите же руку мою я хочу увести вас далёко

Я жил на земле много раз и лицо мое изменялось
С каждым новым порогом и новой рукою
И весна возрождалась привычно
Для себя для меня сохраняя свой снег
И смерть и невесту
Грядущую с пятью крепко сжатыми и безмятежными
пальцами

Годы всегда мне дарили
Силу жить жизнью других
И чтобы наполнилось сердце горячего кровью других
сердец

Я был я остался ясновидцем мальчишкой
Замирающим пред белизною девушек слабых незрячих
Они для меня несравненно прекрасней белокурой
тонкой луны

Уставшей от отблесков наших дорог многоликих
О эти дороги деревьев и мхов
Росы и тумана
И юного тела которое не в одиночку

Восходит в зенит своей жизни
Его обвевают и ветер и холод и дождь
И лето делает из него мужчину

Жить в каждой на свете руке такова моя доблесть
Существует одна только смерть на земле одиночество
От нежности к ярости от ярости к ясности
Я себя самого создаю и во всем живом преломляюсь
Во всех временах на земле и во всех облаках
Сменяется осенью лето но я остаюсь молодым
Я жил на земле в этом сила моя
Кровь моя воздвигается над пеплом пожарищ моих

Руки у нас для того чтобы их с другими сплести
Отныне ничто не сравнится с великим соблазном
Нашей с тобою любви так чаща лесная
Землю вручает небу а небо безлунной ночи

И в этой ночи вызревает бескрайний солнечный день.

Одинокий

А вдруг бы справа от хмурого неба дерево зацвело
Розовым пламенем вдруг взметнулось и хмурое небо
зажгло

Вот я о чем мечтаю этим унылым днем
И зябкая дрожь пробегает в усталом мозгу моем.

Кричать

Все стало сразу проще
Я опрокинул необъяснимые пейзажи лжи
Я опрокинул жесты стертые и дни пустые
Я зашвырнул за край земли расхожих мнений жвачку
Я стал кричать
А до меня все говорили слишком тихо все говорили
и писали

Слишком тихо

Я широко раздвинул границы крика

Все стало проще

Я отобрал у смерти взгляд на жизнь
Которым от меня она скрывала дали

Один лишь крик

И сразу столько призраков исчезло
Что никогда отныне не исчезнет
То что достойно жить

Теперь я твердо знаю пламенное лето
Всегда поет под сводами мороза

Я знаю под доспехами вражды
Бурлят и в сердце отзываются моим
Весна и осень лето и зима
И люди и созвездья
И радостно трепещут осознав свое родство

И крик мой обнаженный шагает по ступеням
Необозримой лестницы надежды

И пламя обнаженное не жжет
А силу нежную и жесткую в меня вливает

Вот зреет яблоко опалено морозом
И ледяной овеяно жарой
Вот на просторе щедром
Спят безмятежным сном мечтатели одни
И небо ясно и пусть могучий крик летит в простор
Чтобы мечтателям спокойнее спалось
На мягких травах слов
Могучих слов дающих небу ясность

Я убежден что каждую секунду
Дитя и предок всей моей любви
Моей надежды счастье
Фонтаном бьет из крика моего

К зениту в поисках другого зова
Чьим отголоском хочет стать мой зов.

Покончить

Ноги в туфельках чистого золота
По колено в холодной глине
Высятся стены покрытые мясом ненужным
Громоздятся мертвые звери
Вот в липком водовороте
Навечно застыли морщины гримасы
Вот гробы в родовых схватках
Вот пустые стаканы
Песком начиненные
Вот утопленники погружаются
В бездонные воды вчерашних надежд

Мертвый лист равнодушная злоба
К желанью и радости
Сон обрел своего хозяина
На ложе камней и шипов

Лемех слов зарастает ржавчиной
На полях человеческой плоти зарастает
любови борозда

Скорбный труд как подачка жалкая
Прожорливой нищете
Рушатся стены расколото зеркало
Глядевшее в душу людей
Одни от стыда почернели
Другие свой срам прославляют
Мутнеют чистые взгляды

Даже собаки несчастны.

Солома

Солома перемешана с зерном
Дым перемешан с пламенем
С бедою жалость.

НИМФЫ

С первым прозрачным словом

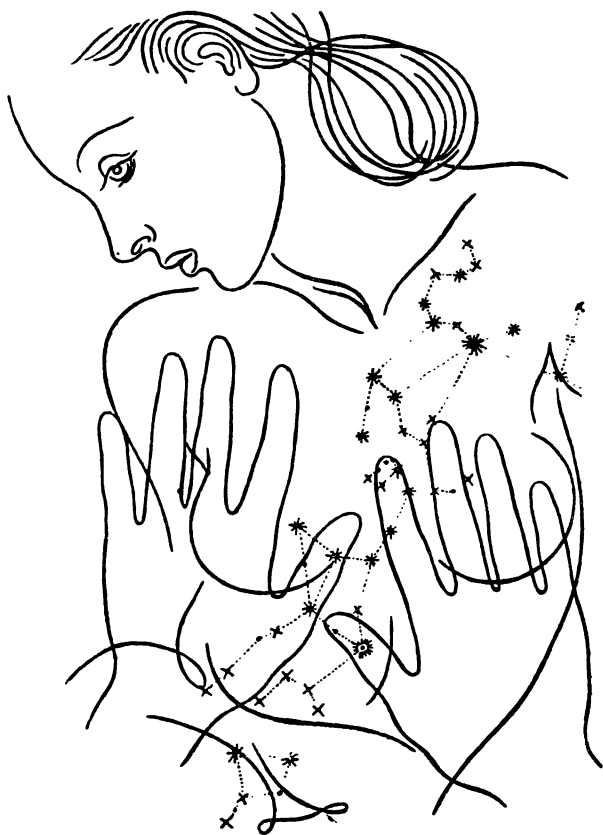
С первым прозрачным словом с первой
улыбкой твоего тела
Исчезает крутая дорога
Жизнь начинается снова

Несмелый цветок неприметный цветок
полночного неба
Оплетенные робостью руки
Детские руки

Глаза к твоему лицу обращенные
и день над землею встает
Первая тайная молодость
Единственное наслажденье

Колыбель земли и росы и запахов
Нет ни возраста ни времени года ни уз

Забвенье без тени.

*Рисунок Валентины Гюго к стихотворению Элюара
«С первым прозрачным словом . . .» (сборник «Нимфы»,
1939)*

ОДИННАДЦАТЬ ПОЭМ СТОЙКОСТИ

Один только свежий воздух

Там у надгробия красок
Где окна теряют силу
Там растворяется дым.

Роль бессилия

Слезы омыли смешливые щеки
Смягчили ребенка с надменным лицом.

Безоблачные дни

Ее груди глаза и руки
Ясные дни воедино сливают.

Пестрота окраски

Ласка мерцанье под пеплом
Под белою розой фиалка.

Первый миг

Между моей одинокой постелью и пламенеющей пеной
Обличителя-дня
Клином досадный закон говорящий Вставай.

Боги

Два великана белый и красный
Хлеб и вино
Взрачивают людей.

Гроза

Моя собака пугается зеркала
От малейшего шороха лоб ее морщится
Ветер уносит крылья.

Пропорции

Если пустынное небо увеличить в размерах
Одинокое дерево
Растворится.

Первый и последний акт трагедии

Ты меня исцели от безумья любовью
Сердцем своим от крови моей исцели
Мы сегодня играем без публики.

Отрешенность

Ибо река улеглась
Чтобы не затеряться.

Непревзойденный

Ни одна мишень не привлекает
Путника пронзенного стрелой
Путника не знавшего покоя.

ЧТОБЫ ЖИТЬ ЗДЕСЬ

I

Лазурь покинула меня, и я развел огонь,
Огонь, чтоб с ним дружить,
Огонь, чтобы войти под своды зимней ночи,
Огонь, чтоб лучше жить.

Я дал ему все то, что дал мне день:
Леса, кусты, и виноградники, и нивы,
И гнезда с птицами, дома с ключами,
Стрекоз, цветы, меха и праздники:

Я жил, дыханье затаив, шум пламени ловил
И теплый запах пламени вдыхал;
Как лодка, что плывет в воде стоячей,
И как мертвец, — я знал одну стихию.

1918

II

Стена окна кровоточит
Ночь ни на миг мое жилье не покидает
Мои глаза могли б во мраке видеть
Когда б не натыкались на руины

И только в сердце у меня
Еще осталось вольное пространство
Пространство смерти это или бегства

Крылом подбитым я его измерил
Моею слабостью оно обведено
Дано ли мне дожить и отхлебнуть рассвета
Достаточно лишь день один утратить
И больше даже ночь не явится ко мне

Ночь надо мной одним раскинула шатер
Я ключ я побережье
Зыбкой жизни.

III

Скрылась луна петухи гребешками трясут
Капля огня спускается в стылую воду
И поет лебединую песню туманов

Чтобы лучше землю увидеть
Два дерева огненных вырастают в глазах
у меня

Последние слезы развеяв
Два дерева огненных возвращают мне жизнь

Два дерева голых
И я голым криком кричу
Земля

Земля живая земля в моем сердце
И больше нет расстояний

Есть только мой новый собственный вечный
Ритм

Холод исполненный жара и звезд
Невесомая осень и холод сгоревший пожаром
Весна бескорыстная первое эхо времен
Благодатное лето безупречность героев

Я стою на земле и все привыкает к огню.

IV

Жану Арпу

Вокруг твоих рук совершенство
Руки бледны и кровь истерзалась
Кровь понемногу вскипает
И журчит нездешнюю песню

Вокруг твоих рук природа
Создает равноценные чары
Окно твоё знает
Один лишь пейзаж
Всегдашнее утро

Торжествующий день

Налитое юностью тело

Землю лаская робко
Земля и сокровище смешаны
Раздвигая две три травинки
Руки твои обнажают солнце
И глядят его как ребенка.

V

Больше нет неприметных людей
Больше нет людей позабытых
Больше нет прозрачных теней

Я вижу повсюду людей даже когда я один
Под лучами счастливого смеха тают
 мои заботы
Я слышу как нежность речей смягчает
 угрюмость голоса моего
Легло на мои глаза дружеских взглядов тепло

Мы горами идем мы идем штормовыми
 морями
Шальные деревья противятся моей колдовской
 руке
Бродячие звери мне жизнь отдают по капле
Все это пустяк ведь образ мой множится вечно
Все это пустяк пусть природа туманом окутана
Все это пустяк пусть небо пустое хмурится
Я больше не одинок.

1939

Поль Элюар.

Фото ок. 1930 г.

Н у ш Э л ю а р
Портрет работы Пабло Пикассо (1937)

ОТКРЫТАЯ КНИГА. II. 1939—1941

*Дано ли мне будет найти
Мой долгожданный облик
На побережьях лица обрести
День и открытую силу
Жаркую жажду жизни.*

Посвящение

*Ты отвагой своей
нашу жизнь продлеваешь,
ты день ото дня
все больше и больше
нас приближаешь к тому безупречному миру,
где нашей надежде
не будут нужны миражи.*

*Пабло Пикассо, тебе,
моему прекрасному другу,
я посвящаю
эту книгу.*

Поль Элюар.

ПО ЭТУ СТОРОНУ РАСТЕРЯННЫЙ ПРОВИДЕЦ

Форма

Я могу еще сделать два-три шага
И не упасть я иду издалёка
В руках я держу свою жизнь
Слабость и грусть вперемешку

Дано ли мне будет найти
Мой долгожданный облик
На побережьях лица обрести
День и открытую силу

Жаркую жажду жизни.

Прекрасные отблески

[II]

Этот бродяга что бьется в агонии
Всю жизнь жевал только прах
Всю жизнь глядел только вниз
Дряхлость дорог поет
И смертью потчует нищих

Эта душисто-пушистая женщина
В теплом шарфике на груди
Не любит ни мужчины ни ребенка ни кошки
Сверкают краски ее эгоизма
Ее пустынного рая

Беднякам никогда не достается мяса
Среди белого дня они одиноки
Бесполезны мои улыбки
Бесполезны мои угрозы
До сути мне не добраться
Они ничего не видят их сердце пусто

Они мою жизнь обложили небытием.

Я зверь лесной

Я вам твержу кричу я вам пою об этом
Струится смех под смертными снегами
Рассвет и смех и радость жить на свете
И в зеркале плодов себя цветы увидят

До срока спят под смертными снегами
Мои друзья чье трепетное сердце
Готовит лето землю будоражит
Чтоб в день урочный воцарилось лето

И сотни солнц струятся под морозом
И сотни ласк под холодом таятся
Я не умру я просто зачеркну
То время краткое что прожил я на свете

Водовороты неумной крови.

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ЗАВЕСЫ

От часов к заре

И стенные часы просыпаются от свинцового сна
И вскипает ручей и тлеет задумчиво уголь
И барвинок сшивает серые сумерки с днем
И в моих закрытых глазах обретает корни заря.

РОЗЕТКИ

Смущались бы

Я помогаю тебе перешагивать через плетни
Не ходить по протоптанным тропам
Не уступать никому нашей мечты

И мы забываем зыбучий песок
Вязкое море и низкое небо
И свинцовые дни терпенья
И бремя ночных расстояний
Бросивших вызов тебе

Наше солнце вручило нам
Горячую плоть свободы
Мы рот голубой целуем
Пьем запах дыхание прозрачность
Загадочнейших полей

И наши признанья в твоих устах
И чистый воздух в твоей груди
Отливают колокол радости.

Союз

Теперь они стали двумя деревцами
Одинокими в легкости поля
Они не расстанутся больше.

ОСНОВА МЕЧТАНИЙ

Отсчитанные мне часы

*Я был человеком я был скалой
Скалой в человеке человеком в скале
Птицею в небе пространством в птице
Цветком в морозе рекою в солнце
Рубином в росе*

Всем братьям брат одинок и свободен.

НА НИЖНИХ СКЛОНАХ

Незапятнанный огонь

Угроза под небом багровым
Исходила от челюстей
От щупальцев от чешуи
От скользких тяжелых цепей

Развеяли по ветру жизнь
Щедрой рукою чтоб смерть
Дань собирала свою
Без счета и без числа

Смерть стала богом любви
Победитель на жертве своей
В истоме лишился чувств
Мразь желала любви

И все же под небом багровым
Над яростной жаждой крови
Над голодом заунывным
Пещера сомкнула края

Заткнула живая земля
Жадные глотки могил
И дети уже не боялись
Материнских земных глубин

Глупость низость и бред
Уступили место свое
Людам братьям людей
Не дерущимся против жизни

Несокрушимым людям.

Свобода

На школьных своих тетрадках
На парте и на деревьях
На песке на снегу
Имя твое пишу

На всех страницах прочтенных
На нетронутых чистых страницах
Камень кровь ли бумага пепел
Имя твое пишу

На золотистых виденьях
На рыцарских латах
На королевских коронах
Имя твое пишу

На джунглях и на пустынях
На гнездах на дроке
На отзвуках детства
Имя твое пишу

На чудесах ночей
На будничном хлебе дней
На помолвках зимы и лета
Имя твое пишу

Liberte

Sur mes cahiers d'écolier
Sur mon fusil et mon sabre
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur toutes les pages blanches
Sur toutes les pages blanches
Pierres sans papier ni cendre
J'écris ton nom

Sur les armes des guerriers
Sur la couronne des rois
Sur les bijoux des capteurs
J'écris ton nom

Sur les images d'anges
Sur les murs des églises
Sur l'échelle de mon enfance
J'écris ton nom

Sur les anneaux des anneaux
Sur le sein blanc des femmes
Sur les sermons des prêtres
J'écris ton nom

Sur tous les chiffres d'acier
Sur l'éclaircie du monde
Sur le feu du monde
J'écris ton nom

Sur les bouffées d'air
Sur la mer sur les nuages
Sur la montagne des nuages
J'écris ton nom

Sur les fils des nuages
Sur les champs fleuris d'acier
Sur la montagne des nuages
J'écris ton nom

Sur la bouffe qui me attire
Sur la bouffe qui m'attire
Sur la bouffe qui m'attire
J'écris ton nom

Sur le fruit d'acier
Sur le fruit d'acier
Sur le fruit d'acier
J'écris ton nom

Sur le fruit d'acier
Sur le fruit d'acier
Sur le fruit d'acier
J'écris ton nom

Sur mon chien qui me suit
Sur les pieds d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur le bouffon de ma vie
Sur les objets d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur toute chair d'acier
Sur le fruit d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur la carte d'acier
Sur les pieds d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur les nuages d'acier
Sur les pieds d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur l'acier d'acier
Sur la carte d'acier
Sur la carte sur la neige
J'écris ton nom

Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
J'écris ton nom

Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
J'écris ton nom

Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
J'écris ton nom

Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
J'écris ton nom

Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
Sur la bouffe d'acier
J'écris ton nom

Рукопись стихотворения Элюара «Свобода» (1942).
Автограф

На лоскутках лазури
На тинистом солнце пруда
На зыбкой озерной луне
Имя твое пишу

На полях и на горизонте
И на птичьих распахнутых крыльях
И на мельничных крыльях теней
Имя твое пишу

На каждом вздохе рассвета
На море на кораблях
На сумасшедшей горе
Имя твое пишу

На белой кипени туч
На потном лице грозы
На плотном унылом дожде
Имя твое пишу

На мерцающих силуэтах
На колокольчиках красок
На осязаемой правде
Имя твое пишу

На проснувшихся тропах
На раскрученных лентах дорог
На паводках площадей
Имя твое пишу

На каждой лампе горячей
На каждой погасшей лампе
На всех домах где я жил
Имя твое пишу

На разрезанном надвое яблоке
Зеркала и моей спальни
На пустой ракушке кровати
Имя твое пишу

На собаке лакомке ласковой
На ее торчащих ушах
На ее неуклюжей лапе
Имя твое пишу

На пороге нашего дома
На привычном обличье вещей
На священной волне огня
Имя твое пишу

На каждом созвучном теле
На открытом лице друзей
На каждом рукопожатье
Имя твое пишу

На стеклышке удивленья
На чутком вниманье губ
Парящих над тишиной
Имя твое пишу

На руинах своих убежищ
На рухнувших маяках
На стенах печали своей
Имя твое пишу

На безнадежной разлуке
На одиночестве голом
На ступенях лестницы смерти
Имя твое пишу

На обретенном здоровье
На опасности преодоленной
На безоглядной надежде
Имя твое пишу

И властью единого слова
Я заново жить начинаю
Я рожден чтобы встретить тебя
Чтобы имя твое назвать

Свобода.

Затемнение

Ну что поделаешь мы жили как в могиле
Ну что поделаешь нас немцы сторожили
Ну что поделаешь в тоске бульвары стыли
Ну что поделаешь сердца от горя ныли
Ну что поделаешь нас голодом морили
Ну что поделаешь мы безоружны были
Ну что поделаешь ночные тениплыли
Ну что поделаешь друг друга мы любили.

Вымуштрован голодом ребенок

Вымуштрован голодом ребенок
У него на всё один ответ Я ем
Ты идешь Я ем
Ты спишь Я ем.

Снаружи

Ночь одиночество холод

Тюремные двери надежны

Но ветви во мраке тюрьмы дорогу
свою искали

Нашла свое небо трава

Небо на ключ замкнули

Но развалилась тюрьма

И холод живой и жгучий по-дружески
обнял меня.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

I

Этот жалкий мирок убийц
Над безвинным занес кулак
Вырывает хлеб изо рта
Предает огню его дом
Срывает одежду с него
Отнимает дни и детей

Этот жалкий мирок убийц
Мертвых бьет и живых
Обеляет грязь возвышает мразь
Заменяет слова трескотней

Полночь спасибо двенадцать винтовок
Безвинному мир вернут
И люди земле предадут
Окровавленный прах непроглядное небо
И на рассвете увидят люди
Слабость его убийц.

VII

Мы охапками темень швыряем в костер
Мы срываем засовы ржавой неправды
Люди грядут которые большие не будут
бояться себя

Ибо верят они в людей
Ибо сгинут враги с человеческим лицом.

СНЫ

Погоня

Погоня по темным залам
В голубом или розовом замке
Ночь светится между колоннами
Ночь искрится между люстрами

Все дозволено ночью

Быть ли мне тем кто убьет
Или тем кто убит.

Судьба

Едва успевал он в сон погрузиться
Какой-то бандит неизменно все тот же
В глухом переулке
Приставлял револьвер к его сердцу

И миг замирало время

Нет к этому сну не привыкнуть.

Спутник

Как домашний зверек
В чащобе лесной
Голос без эха меня окликает.

Осел

Он шагает под солнцем овсяным

И взгляд его только дорога

По которой шагает осел.

ПОСТЕЛЬ СТОЛ

НАШ ГОД

С тобой

Я улицу взял в руку как стакан
Наполненный волшебным светом
Наполненный веселыми словами
И беспричинным смехом
Прекраснейшим из всех плодов земли

По улице идут игрушечные люди
Летают птицы в синей пустоте
И девушка худая с бледным
И вечно озабоченным лицом
На улице безмолвно возникает

Из древних сказок девочка она
Моей мечты живое воплощенье
Она моим желаньям уступает
И дальний отблеск детства моего
На золотую улицу ложится.

Без тебя

Подгнивает солнце полей
Засыпает солнце лесов
Умирает тело небес
Нависает глухая ночь

А у птиц лишь одна дорога
Свинцовая неподвижность
Среди обнаженных ветвей
Ибо там за концом этой ночи
Обнаружится ночь конца
Жестокая ночь ночей

Землю холод проймет до дна
До корней до костей проймет
Будет ночь только ночь одна
Без бессонницы и без сна
Без намека на свет дневной
Воплощение смертной вражды
Горя ненависти беды

Вот что будет к концу этой ночи
Раз ни проблеска нет надежды
Значит и страха нет.

ФРЕСКА

ФРЕСКА

IV

В зарослях звери дóма
В драке звери звереют

В поле земля прекрасна
В яме земля безобразна

В саду побеждает счастье
В пустыне простор для смерти

В нoчí человек закован
В нoчí он ломает цепи

В нoчí он готовит утро.

ЖИЗНЬ НОЧЬ

Сон 21 сентября 1943 года

Мне снилось я торопливо
Иду по дорогам Тироля
Иногда чтобы выиграть время
Опускаюсь на четвереньки
И грубеют мои ладони
И хорошенькие крестьянки
По обычаю этих мест
Приветливо мне кивают
Ласково и степенно
И я добегаю до тюрем

Развешаются в окнах ленты
Распахнуты настежь ворота
Тюрьмы стоят пустые
Хочешь селись в них в тюрьмах
Входи выходи на здоровье
Хочешь займись работой
Хочешь будь просто счастлив
А внизу в богатой конюшне
Воронные оседланы кони
Ждут твоего свиста
Словно вода на солнце
Играли тюремные стены
А на площади заливались

Смехом беспечным крестьянки
То было пиршество снега
В разгар цветущего лета

Глотнул я свежего ветра
И в путь обратный пустился
И снова пришел я к тюрьмам
Все к тем же пустым и веселым

Я проснулся от удивленья
Что ни души не встретил.

Сон 12 ноября 1943 года

Белого камня гора
Проплывает справа налево
Как беспризорная лодка
По невидимой глазу реке

День раскидал повсюду
Охапки серых цветов
Которые вдоль горы
Слева направо плывут

Летучая девушка плавно
Ко мне спускается сверху
Тихо поет на ветру
И нет у нее крыльев

Приманиваю ее как жаворонка
Кусочками белой жести
Она от меня ускользает
И белые на ней одежды

Белый плащ застегнутый наглухо
Потому что ей очень холодно
И белая шляпка на ней
Белый снег на морозном солнце
Это русым очень идет

ЗАРЯ РАЗГОНЯЕТ ЧУДОВИЩ

Критика поэзии

Пламенем лес пробужден
Ветки сердцá и ладони и листья
Счастья огромный букет
Тающий пестрый душистый и легкий
Пробуждается лес друзей
Хороводом вокруг родников зеленых
Веселых полян и доброго солнца

Гарси́я Лорка убит

Дом одного только слова
И губ ради жизни слитых
Ребенок не знающий слез
В его зрачках как в пруду
Завтрашний свет отразился
И капля за каплей до трепетных век
Заполнил всего человека

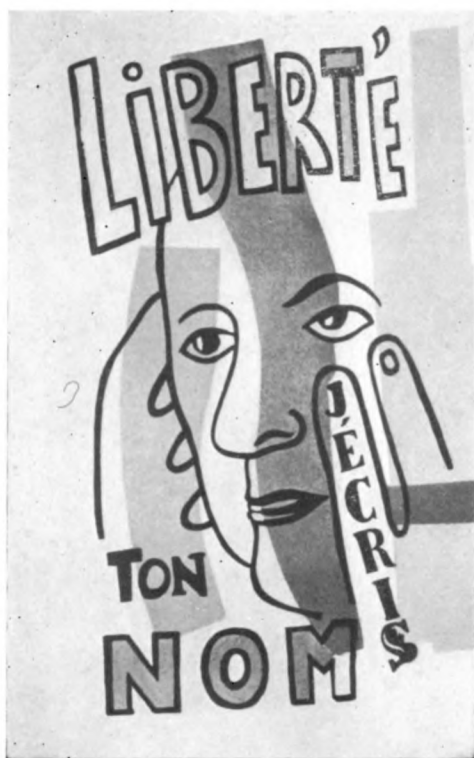
Сен-Поль Ру убит
Над его дочерью надругались

Леденеющий город прямые углы
Я мечтаю о яблонях белых
О небе открытом о голой земле

Поль Элюар.

Фото 1940 г.

Фернан Леже.

*Обложка отдельного издания
стихотворения Элюара «Свобода»
в 1953 г.*

Словно о девушках чистых
В бескрайней любовной игре
Увядавшие камни ватные стены
Я вас улыбкой своей отмечаю

Жак Декур убит.

ДОСТОЙНЫЕ ЖИТЬ

В наше время

Когда наше небо сомкнется
Нынче вечером
Когда наше небо растает
Нынче вечером
Когда вершины нашего неба
Друг с другом сольются
Над домом моим появится крыша
Нынче вечером
И станет в доме моем светло
Но что назову своим домом
Дом мой теперь повсюду
Дом мой теперь где люди
А самым желанным из всех домов
Нынче вечером
Мне будет жилище моих друзей.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С НЕМЦАМИ

Извещение

Была эта ночь перед казнью
Самой короткой в жизни
Он был еще жив и сердце
Сжималось от этой мысли
Тяжесть собственной силы
Камнем легла на плечи
На дне этой черной муки
Он вдруг улыбнулся ясно
Не ОДИН у него товарищ
Миллионы их миллионы
Они отомстят он верил
Для него заалело утро.

Мужество

Парижу холодно Парижу голодно
Париж не ест на улицах каштанов
Париж в лохмотья нищенки оделся
Париж как в стойле стоя спит в метро
На бедняков свалились новые невзгоды
Но мудрость и безумье
Скорбного Парижа
В себя вбирает чистый воздух и огонь
В себя вбирает красоту и доброту
Его изголодавшихся рабочих
Не надо звать на помощь мой Париж
Ты жив ты жизнью удивительной живешь
За наготой за худобой за бледностью
В тебе таится человечность
Она горит в глазах твоих Париж
Прекрасный город мой
Как шпага сильный тонкий как игла
Доверчивый и умудренный ты не можешь
Снести несправедливость
Несправедливость худший хаос для тебя
Ты от него Париж освободишься
Париж мой трепетный далекая звезда
Надежда неугаснувшая наша
Освободишься ты от горя и от грязи
Мужайтесь братья

Нет у нас ни касок ни сапог
Мы ни мундирами ни выправкой не блещем
Но в наших жилах вспыхивает солнце
Наш свет вернулся к нам
Достойнейшие пали ради нас
И вот их кровь клокочет в нашем сердце
И снова утро утро над Парижем
Час избавленья
Ширь весны новорождённой
Тупая сила рабья терпит крах
Рабы враги наши должны это понять
И если понимать они способны
Они восстанут.

1942

Дебет и кредит врага

Вопли Хайль учиняют расправу над достоинством
нашим

Сапоги учиняют расправу над улицей наших
прогулок

Дураки учиняют расправу над нашей мечтою

Подлецы учиняют расправу над нашей свободой

Над детьми учиняет расправу голод

Смотри же мой брат как над братом твоим
учиняют расправу

Смотри как свинец учиняет расправу над самым
прекрасным лицом

Как ненависть учиняет расправу над нашим
страданьем

И к нам возвращаются силы

Мы расправу над злом учиним.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ О ЛЮБВИ НА ВОЙНЕ

IV

Трава стучится
В двери земли
Ребенок стучится
В материнские двери
Вместе с ребенком
Рождаются ливни и солнце
Вместе с травой растут
Вместе с ребенком цветут

Рассуждают смеются.

*

Подсчитали сколько боли
Можно причинить ребенку
Сколько слез ему пролить
Сколько проглотить обид

Шаги под зияющим сводом
Ужаса и темноты
Вытоптана трава
Унижен ребенок

Бедой и тоской.

V

Уголочек сердца нежно они говорили
Уголок любви и ненависти и славы
Мы отвечали и в наших глазах отражалась
Истина служившая нам приютом

Наша любовь не знала начала
Мы друг друга любили всегда
И потому что мы любим друг друга
Мы хотим всех людей избавить
От их одиночества ото льда
Мы хотим значит я хочу
Хочешь ты значит мы хотим
Чтоб солнечный свет скрепил
Влюбленные пары в расцвете сил
Влюбленные пары в дерзкой броне
Что видят подобно тебе и мне

Цель своей жизни в счастье других.

ОРУЖИЕ СКОРБИ

*Памяти Люсьена Легро
расстрелянного
в свои восемнадцать лет.*

I

Старик-отец из Развалин
В шляпе пробитой пулей
С глазами запавшими
В черном огне
Под небом пустым
Ворон рожденный для долгого века
В мечтах ты видел себя счастливым

Старик-отец из Развалин
Мальчик твой умер
Убит

Старик-отец по имени Ненависть
О жестокая жертва
Мой по двум войнам товарищ
Наша жизнь искалечена
Окровавлена изувечена
Но мы поклянемся с тобою
Завтра взяться за нож

Отец твое имя Надежда
Надежда всех
Ты везде.

II

В стране обетов наших три зámка я воздвигла
Один для жизни один для смерти один для любви
Я точно сокровище прятала
Таила заботы и горести
Жизни счастливой своей

В стране великой ласки я три плаща соткала
Один для нас для двоих и для мальчика два плаща
У нас были руки похожие
И мы друг о друге думали
Мы украшали землю

В стране ночного мрака три огонька нашла я
Темная ночь наступала и все мешалось во сне
Наш мальчик надежда цветок зеркало глаз и луна
Мужчина без внешнего лоска но с ясной и мудрой
Женщина тоже без лоска но с певучими нежными
речью
пальцами

Внезапно пустыня вокруг
И я одна в темноте
Из мрака вынырнул враг
И я одна на земле
Одна с любовью своей.

III

Этот ребенок мог бы солгать
Мог бы спастись

Дряблая бескрайняя равнина
Этот ребенок лгать не любил
Он бросил им правду в лицо

Он с правдой вдвоем
Против них стоял
Он правдой как шпагой пронзил палачей
Как шпагой вышею правотой

И палачи отомстили ему
Они его смерть показали ему
Надежду и смерть надежду и смерть
Был он помилован и казнен

А сначала его пытали
Перебили руки и ноги
Сказал кладбищенский сторож.

IV

Одна только мысль одна только страсть
И оружие скорби.

V

Бойцы в крови и в огне
Мир принесут земле
Крестьяне рабочие
Воины в гуще толпы
И чудеса ума
Чтобы разить верней

Воины как ручьи
Для истомленных полей
Как яростный крыльев взмах
В заболоченных небесах
Выметут волчью мораль
Палачей

Наша ненависть ради любви

Воины ради надежды
Ради жизни самой
И всем понятного слова
Ради жажды победы
Ради жажды зло покарать
Зло причиненное нам

Воины наших сердец
Может думать о смерти один
И не думать о ней другой
Спать один и не спать другой
Но у всех лишь одна мечта
Избавиться от врага

Каждый стал тенью всех.

VI

Хмуры одни другие наги
Одни поют другие молчат
Одни свою боль про себя таят
Другие надежду поют

Дорогами тысяч снов
Путями тысяч дорог
Идут из своей страны
И страна входит в их сердца
И ветер страны в их грудь

И стать должна их родная страна
Настоящей страной чудес
Страной чистоты.

VII

Огнеупорные люди
Под небом для всех людей
На единой и доброй земле

И солнце яблоком спелым
И солнце горящим сердцем
И солнце ради людей

Сердцевиною спелого яблока
Солнце как чистое сердце
Всё солнце ради людей

Все люди ради людей
И вся планета и время
И неделимое счастье.

*

Говорю я о том что вижу
О том что знаю
О том что правда.

Убить

В эту ночь на Париж легла
Странная тишина
Тишина невидящих глаз
И бесцветного сна
Стучащего в стены домов
Тишина бесполезных рук
Опущенных лбов
Ушедших мужчин
Женщин в прошлое канувших
Бледных холодных без слез

В эту ночь на Париж легла
В тишине
Непонятная мгла
Над Парижем
Над добрым сердцем его
Рдеет заревом заговор
Суровый и чистый
Против убийц
Против смерти.

Тупые и злобные

Идут и идут
Изнутри ползут
И лезут снаружи
Это наши враги
Спускаются с гор
Выползают из нор
Справа и слева
Идут и идут
Вблизи и вдали
Идут и идут
В серой одежде
В зеленой одежде
В коротких мундирах
И в длинных шинелях
С косыми крестами
Идут и идут
Играют ножами
Гордятся шпиками
И палачами
И в ранцах свой траур несут
Идут и идут
Оружьем бряцают
Словно своими костями бряцают
И застывают
Честь отдавая
Погонщикам стада

Пропитаны пивом
Пропитаны бредом
Идут и идут
Идут и поют
Проклятую песню
Солдатских сапог
Идут и не знают
О том что на свете
Бывает любовь
И стоит им только
Выкрикнуть «да»
Тотчас в ответ
Слышится «нет»
Стоит о золоте
Речь завести
Им отвечает свинец
Но золотом чистым
Станет земля
В день когда мы
Вышвырнем их
Пусть убираются
Пусть подышают
Нам больше от них
Ничего не надо.

Мы любим людей
Сгинут враги
Вот что будет
Нашей заботой
В то славное утро
В том новом мире
В мире с лица
Не с изнанки.

Габриэль Пери

Погиб человек он другого не знал оружия
Кроме рук протянутых жизни навстречу
Погиб человек он другого не знал пути
Кроме того где запрещен язык картечи
Погиб человек но он продолжает бороться
Против смерти против забвенья

Ибо все чего он хотел
Мы так же хотели как он
Мы и сегодня хотим
Чтобы счастье лучилось в глазах
В глазах и сердцах
Чтобы стал справедливым мир

Есть слова дающие силу жить
Это бесхитростные слова
Слово «доверие» слово «тепло»
«Справедливость» «свобода» «любовь»
Слово «ребенок» и слово «дружба»
Многих цветов и плодов имена
Слово «мужество» слово «открыть»
Слово «товарищ» и слово «брат»
И еще названия стран городов
И женщин любимых и друзей имена

Теперь мы добавим к ним имя Пери
Умер Пери чтобы жили мы
И мы с ним на «ты» перейдем
Спасибо пробитому сердцу его
Мы лучше узнали друг друга друзья
Перейдем с ним на «ты» ведь его надежда жива.

*Песнь об огне
победившем огонь*

Этот огонь пылал в крови
И вровень с огнем вставала заря
Этот огонь пылал в руках
В голосе и зрачках
Ему повинуюсь я шел вперед
И я пустыню сжигал
И я лелеял этот огонь
Огонь земли и огонь насилья
Насилья против насилья ночи
Насилья против насилья пещла
Огонь прочерченная прямая
Огонь пеизбежность агонии мрака
Огонь как след на песке
Огонь в огне и во гневе
Кричащий над крышами

Смерть швырните в огонь

Этот огонь пылал в крови
Этот огонь кидался на цепи
На цепи на стены засовы кляпы
Кидался на слепоту на слезы
На уродство
На смерть которую злостно

Я произвел на свет
Огонь кидался на мертвые звезды
На сникшие крылья увядшие розы
Огонь кидался на пепелища
И возрождал на пожарищах травы
Жизнь без мучений без тени
Свежую зелень жаркую жатву
Жатву ликующих кличей
Жаркую жатву лучей
Брошенных гимном в зенит

Огонь без творца

Вслед за огнем роса
Вслед за огнем весна
Дети вслед за огнем
И значит вера в людей
В их неделимое сердце
В их непорочное сердце
Ясный огонь насквозь просветивший
Все оголенные формы
Ясный огонь прозрачная струйка
Чистого света и цвета
Огонь горизонта и слова
Бесконечная ласка
Любовь и простая надежда
Надежда и значит знание
Мечта и ни грана грезы

Мечта добродетель огня.

*В апреле сорок четвертого
Париж еще дышал!*

Мы спускались к верной реке; ни ее волна,
ни наши глаза не покидали Парижа.

Не маленький город, но город материнства и детства.

*

Город идущий через сердца, как солнечным летом
тропинка, город, полный цветов и птиц, как поцелуй
влюбленных, полный детских улыбок и хрупкости
материнской.

Не в развалинах город, но город запутанных улиц.
город, отмеченный своей наготой.

*

Город между запястьями нашими, как разорванные
оковы, город перед глазами у нас, как с детства
виденный глаз, город, читаемый наизусть,
как стихи.

Город похожий на самого себя.

*

Старый город... Между городом и человеком
больше не было даже стены.

Город прозрачности и простодушия.

*

Между одиночеством человека и пустынею города
было теперь только зеркало.

Был только город в красках земли и плоти,
человека, крови и соков древесных.

*

День играет в струе воды, ночь мерцает в бликах
луны,
Ритмы парижского воздуха чище и звонче войны.

Город с протянутой к другу рукой, город смеха
и радости, город — гордость страны.

*

Никто не сумел разрушить мосты, что вели нас ко сну,
от сна к мечте, от мечты к вечности.

Вечный город, где я пережил нашу победу
над смертью.

БЕЛОКРЫЛЫЕ БЕЛОШВЕЙКИ

Сент-Альбан

На горных полянах вода
У нас под ногами о чем-то бормочет
Опускается вечер и наши глаза
На нашей дороге друг друга встречают

Молодые друзья нас с тобою ждут
Как хорошо нам в деревне
Наши листья прибились к своим ветвям
Наши травы нашли свою ночь цветенья

Будет вечером смех и немного слез
И любовь наречет эту ночь именами
Цвѣта наших с тобой обнаженных тел
Роза красный колпак наденет

Роза белая сбросит черный колпак.

Поцелуй

Вся еще теплая от сброшенного белья
Ты закрыла глаза и потягиваешься
Словно песня которая зарождается
Смутно но всюду

Душистая вкусная
Ты остаешься самою собой
Преступая пределы собственной плоти

И перешагнув через время
Ты предстаешь обновленной
Перед лицом бесконечности.

Обнаженный пейзаж

Обнаженный пейзаж
Где мне жить и жить
Где нежны луга
Твоего тепла

Где в ручьях грудей
Отразился день
Где тропой двух ртов
Разбежался смех

Где взметнулись ввысь
Птицы век твоих
Где ни облачка
На высоком лбу

Этот милый мир
Где природе в лад
Тихо дышит твоя
Обнаженная плоть.

Благо

Ты всегда немного другая
Всякий раз наслаждение ново
Наше счастье всегда в полете
Нет гнезда у него только крылья

Синева или туча в небесах моих сновидений
О будущем ты не знаешь
Ты его в себе воплощаешь
И жизнь твоя беспредельна.

НЕПРЕРЫВНАЯ ПОЭЗИЯ

ТРУД ПОЭТА

Гильвику

I

Ты знаешь как вести себя с друзьями
На солнечной лужайке летом
Под белоснежным бегом облаков

Как с женщиной вести себя ты знаешь
В старинном теплом доме
Под простыней прозрачной

И как себя вести с самим собой
Перед нетронутым листом бумаги

Перед угрозою бессилья
На стыке двух времен и двух пространств

На стыке скуки и желанья жить

II

Что вам понадобилось
В комнате знакомой

Книга которую никто не откроет

Что вы сказать хотите
Женщине болтливой

То что повторить невозможно

Что вы хотите увидеть
Здесь на виду у всех

То что и слепой увидит

III

Дорога коротка
Приходишь очень скоро
К цветным камням
Потом
К пустым камням

Приходишь очень скоро
К словам бесцветным
Легковесным
Потом
К бессмысленным словам

Поёшь не ведая о чем
И вот уже заря осталась позади
И нет ни дня
Ни ночи
Лишь эхо нескончаемых шагов

IV

Давний далекий день
Прогулка с бьющимся сердцем
Казалось сама природа

Наши слова и жесты
За нас завершала
Аллея бежала от нас
Мы шли с деревьями вровень
И укрощали скалы

И все затихало кругом
Жара становилась лаской
Солнечный свет отрадой
Мы пели пели с тобой
И был заодно с нами мир
И мы друг друга любили

И нас обгоняли люди

Шли следом за нами люди
Навстречу бежали пели
Так всегда бывает когда
Не в счет ни время ни люди
И в чем-то кается сердце
И сердце на волю рвется

V

А раньше я был одинок
Я дрожу до сих пор
Вспоминая об этом

О простота одиночества
О противник прелестных случайностей
Признаюсь тебя я знал

Признаюсь меня бросали
Признаюсь и я бросал
Тех кого я любил

С годами все стало спокойней
Растянулось в цепочку огней
На залитой луною реке
В линию парусов
Под синим безоблачным небом
В языки хрустящего пламени
Горящего в добром камине

С годами тебя я обрел
О несказанное чувство
Необъятность пространство любви

Многоликой

VI

Я близнец существам которых люблю
Их двойник доказательство лучшее
Их реальности ибо спасаю облик
Тех кого я избрал чтобы жизнь свою оправдать

Они бесчисленны и многолики
Вот идут они улицей ради себя и меня
Носят имя мое я их имя ношу
Мы похожи точно плоды одной яблони

И это самый высокий залог

VII

Я знаю поскольку я так говорю
Желанья мои справедливы
Я не хочу чтобы мы оказались
В грязи
Хочу чтобы солнце лечило
Наши невзгоды хочу чтоб оно
В нас вливалось до головокруженья
Хочу чтобы наши глаза и руки
Пройдя через ужас остались открытыми
чистыми

Я знаю поскольку я так говорю
Мой гнев справедлив
Было небо истоптано плоть человека
Разорвана в клочья
Заморожена предана продана

Я хочу чтоб воздали ему по заслугам
Без снисхождения
Я хочу чтоб обрушился грозный удар кулака
В лицо палачам
Хозяевам утратившим корни средь нас

Я знаю поскольку я так говорю
Мое отчаянье несправедливо
Всюду есть нежные чрева
Рождающие людей
Таких же как я
Но гордость моя права
Старый мир не получит меня я свободен
Не сын королевский я человек
Я на ногах
Меня не свалили

ЖАРКАЯ ЖАЖДА ЖИТЬ

*Когда я писал эти стихи,
я знал, что они будут
иллюстрированы рисунками
Марка Шагала*

Марку Шагалу

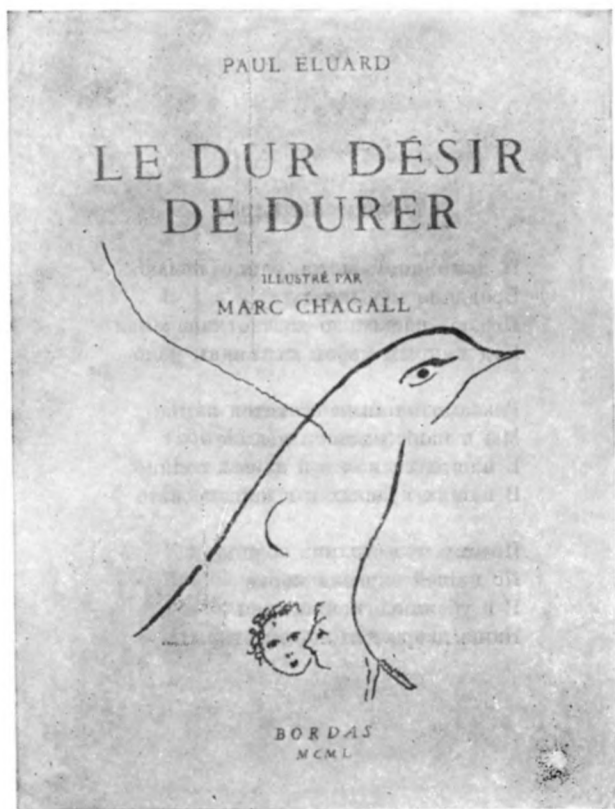
Корова осел петух или конь
И вот уже скрипки живая плоть
Человек одинокая птица певец
Проворный танцор со своей женой

Чета окунувшаяся в весну

Золото трав неба свинец
Разделенные синим огнем
Огнем здоровья огнем росы
И кровь смеется и сердце звенит

Чета самый первый блик

А в подземелье снежном
Гроздь винограда чертит
Лунные губы лицо
Никогда не спавшее ночью.

Титульный лист сборника Элюара «Жаркая жажда жить» работы Марка Шагала (изд. 1950)

Одним поцелуем

В доме днем и на улице ночью
Бродячие музыканты
Играют насколько хватает молчанья
Под хмурым небом мы видим ясно

Глазами нашими светится лампа
Мы в нашей живем долине
В наших стенах и в нашем солнце
В наших красках и в нашем свете

Потому что столица солнца
По нашей скроена мерке
И в убежище наших стен
Наша дверь для людей открыта.

Движение вечера

Огонь мимолетный зеркало
Пчела и перо шальное
Вдали от букета улиц
От семейных домов уютных

Огонь перед твоими глазами
Твои подымает веки
Мелькает и прочь уходит
В ясный прохладный вечер

К другим таким же глазам
Все более омраченным
Все более совершенным
Все более неуловимым.

Даже когда мы спим

Даже когда мы спим мы охраняем друг друга
Охраняем нашу любовь спелых плодов тяжелей
Даже без смеха и слез длится она века
День за днем и долгую ночь когда нас уж
не будет.

От штриха к штриху

Эльзе Триоле

В дымке утренних чащ где земли колыбель
Луч упруг и звенящ стелет морю постель

Солнцем вымытый лист молча смотрит на нас
Простодушен и чист как забывчивый глаз

И сегодняшний день гонит призраки прочь
И швыряет их тень во вчерашнюю ночь.

*От одиночества сквозь одиночество
к жизни*

*В то время необычная покорность
пришла на смену ужасу и мятежу.
Святые девы и мученики
так и кишели вокруг.*

I

Я добрая с сильным
Я слабая с добрым
Я знаю какие слова
Навевают забвенье

Я дочь волшебного озера
Которое не тускнеет
И ясного синего неба
До ног спокойных моих

И дочь волшебной весны
Которой не будет предела
Смешна мне нелепость насилья
Я буду всегда в цвету.

II

Чтобы выдержать до конца
Роль свою в темноте
Он забился в тюрьму
Двойником ее стен

Его кружка полна гнилья
Хлеб его голоду брат
Нет надежды в его ночи
Никому его дверь не нужна

Сгустком крови сгустком огня
Комом колючих шипов
Воздуха каждый глоток
Рвет голую душу его

Его заржавелым сердцем
Побрезгуют даже черви
И останется место пустое
В вечной пустыне.

III

Он рожден от святой и от мученика
Но он само совершенство
В сокровенных лучах рассвета

Невесом и тяжел как ребенок
Он миру приносит доверье
И солнечное и ночное

Звонят в ручьях его руки
Танцуют уста в поцелуях
И верными псами глаза

В сумерках он неприметен
Сновиденьем и сном укутан
Он растет и смеется в любви.

Декабрь 1945

Величие вчера и сегодня

I

Волны стен и безликие лица детей
Серая штукатурка мертвых домов
Мертвый камень вокруг бесполезных дверей
И детей малорослых а стены им явно к лицу
Как весенняя грязь сверканью воды
Как тупая гримаса девственной красоте

Мечтательная тошнота перекачивается в траве.

II

Две тени на одноглазой земле
Плохое слово
Плохая ночь

И колокол плоти под скользким бельем
Затаенного страха

Две тени на мерзлой земле
Где червям теплей
Чем хлебам

На мерзлой земле умирают слова
И женщина гибель мужчины

Две тени а ночь одна
Последняя Негодяи
Почешут всласть языки

Грязные стекла спертый огонь
Битые стекла убитый огонь
Безнадежная нищета.

III

Что в мире бедней ребенка
Что в мире бедней его матери
Что в мире бедней солдата
Собаки и служащих банка

Нелепость земля одноглаза
Глаз выколот чтобы не видеть
Глаз в небо чтобы не помнить
Зима убивает как скряга вслепую

Сердце его угасает уж поздно
Прошедшую жизнь не вернешь
Не вернешь ни рожденья в подвале
Ни золотой поры в лохмотьях морщинах
В отменных заботах и в тяжести дня.

IV

Но внезапно силою речи своей я становлюсь
победителем
Делаюсь чище яснее достойней и лучше

И к солнцу ближе и ближе к бессмертью
И ребенок во мне рождается не нынешний нет

А вечный рождается силою поцелуя
Беспечнее первого мотылька
На рассвете весна ему подарила секунду
И это победа над смертью и ребенок выходит
на свет из руин

И руины и ночь отступают.

ЛИШНЕЕ ВРЕМЯ

Посвящаю Ж. и А.,
последним отблескам моей любви,
которые сделали все, чтобы рассеять
охвативший меня мрак.

Устами живого глаголет мертвец

Знай, благое грядущее: вытекший глаз — это я,
И разверстый живот, и лохмотья кровавого мяса —
Это я. Я — червями кишущая масса.
Я не сын короля, сын я тлена и небытия.

Лик размывается мой и медлительно падает в бездну.
Я уже по земле не хожу, я в земле, я лежу,
я в могиле.

Рассыпается сердце измученной горсточкой пыли.
Мой единственный долг — умереть, раствориться,
исчезнуть.

23 ноября 1946

*

Нам не дано состариться вдвоем
Вот день
Ненужный: время
Стало лишним.

Моя живая покойница

Моя печаль застыла неподвижно
Я жду напрасно не придет никто
Ни днем ни ночью
И не приду я сам такой как прежде

Мои глаза разлучены с твоими
Они утратили доверие и свет
Мои уста разлучены с твоими
Мои уста разлучены с любовью
Со смыслом бытия разлучены
И руки у меня разлучены с твоими
И у меня все валится из рук
И ноги у меня разлучены с твоими
Им больше не ходить ~~им~~ больше нет дорог
Им ни усталости ни отдыха не знать

Увидеть мне дано как жизнь моя уходит
С твоею вместе
Уходит жизнь подвластная тебе
Она мне представлялась бесконечной

Одна надежда впереди могила
Как и твоя в ограде безразличья

Я рядом был с тобой мне холодно с другими.

Золотистая

Сырые ноябрьские простыни
Меня навсегда погребли
Время сквозь пальцы уходит
Подо мною кружится земля

Где она легкость улыбки
Начавшейся майским днем
Она на губах умерших
К великому горю живых

Где письмо без ответа
Суетный прах речей
И где доверие к жизни
Замолчавшее навсегда

Я отвергаю слезы
Мой плач не от мира сего
Я в прошлом все стало прошлым
Я черная тень в ночи

Росток смятенья.

Наша жизнь

Не в одиночку мы к цели идем а вместе
с любимой
Понимать научившись любимую мы научимся
всех понимать
Все мы друг друга полюбим наши дети будут
смеяться
Над черной легендой о человеке который
был одинок.

ПАМЯТНОЕ ТЕЛО

Об одном, о двоих — обо всех

Я зритель, актер и автор,
Я женщина, ее муж и ребенок,
Первая любовь, последняя любовь,
Случайный прохожий, и снова любовь без ума.

И снова я женщина, платье ее и кровать,
Ее разделенные руки, и работа мужчины,
И его пронзившее наслаждение, и женская зыбь
морская.
Моя плоть, простая, двойная, никогда не бывает
чужой.

Ибо где начинается тело, я дух обретаю и форму.
И даже в тот миг последний, когда умирает тело,
Я с ним вместе страдаю, в себя его муку вбираю,
И безобразие смерти о жизни мне говорит.

П о л ь Э л ю а р .
Фотопортрет работы Изиса

П о л ь Э л ю а р .

Фото 1945 г.

Поль Элюар и Пабло Пикассо во Вроцлаве.
Фото 1948 г.

Доминика и Поль Элюар.

Фото 1952 г.

Вес плоти

Я человек в пустоте
Я глухой слепой и немой
Только молчание черное цоколем подо мной

Я забвение без границ
Абсолют бесконечных нулей
Одиночество до краев

День безоблачен ночь чиста

*

Иногда я беру твои туфли
И навстречу тебе иду

Платье твое надеваю
У меня твоя грудь и живот

В твоем себя вижу обличье
И узнаю себя.

*ВНУТРЕННИМ ВЗОРОМ
8 ЗРИМЫХ ПОЭМ*

Первая зримая поэма

Бледна и задумчива она сказала
Я вижу источник вашего смеха
Увидеть его нетрудно
Потому что вы простодушны

Высокие травы ма́ки
Липы над стенами сада
Сезон обнаженного сердца
По вечерам поделун

Я вижу источник вашего смеха
В самых простых движенъях
Которым мешает панцирь
Голубь и черепица

И медленно вы идете
Через каменный мостик
И ваши сплетенные тени
Сгущаются в ночь любви

Я вижу источник вашего смеха
В ночном потолке над вами
В водовороте постели
В окне вашей спальни

Виджу источник моих слез.

Пятая зримая поэма

Я живу в бесчисленных образах вереницы сезонов
И лет
Я в бесчисленных образах жизни живу
В причудливом кружеве
Очертаний и красок и жестов и слов
В красоте неожиданной
И в привычном уродстве
В свежей ясности мыслей желаний
Я живу в нищете и тоске им я не поддаюсь
Я живу невзирая на смерть

Я живу в пламенеющей и приглушенной реке
Прозрачной и хмурой
В реке зрачков и ресниц
В душном лесу на беззаботном лугу
Устремленном к далекому морю а оно сливается
с небом

Я в пустыне живу заселенной застывшей толпой
В муравейнике одинокого человека
И в братьях своих обретенных
Одновременно живу в голоде и в изобилье
В сумятице дней и в черном порядке ночей

Я отвечаю за жизнь за сегодняшний день
И за завтра

Я превыше пространств и пределов
Превыше дыма и пламени
Разума и безумия
Я живу невзирая на смерть и на земные оковы
Превыше бесчисленных образов смерти
Я живу на земле и со мною
Все живое живет на земле
И в глазах моих светятся звезды я на свет порожаю
тайны
Соразмерные только с землей

Для надежды и памяти тайна пределом не станет
Надежда и память сегодня и завтра создают жизнь
на земле.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ

ДО

В Испании

Если в Испании есть дерево цвета крови
Это дерево свободы

Если в Испании есть неумолкший язык
Он говорит о свободе

Если в Испании есть чистый стакан вина
Выпьет его народ.

Испания

Глаза всех на свете прекрасней
Поют молчаливую песню
Хотят они видеть дали
Да стены тюрьмы мешают
Мешают набухшие горем
Воспаленные веки

Прутья тюремных решеток
Поют о свободе
Песня растет и крепнет
Идет по дорогам людей
Летит под яростным солнцем
Под неистовым солнцем бури

Воскресают погибшие жизни
Ночи сменяются днями
Вы изгнанники узники плешники
Разжигаете пламя во мраке
И пламя зарю приносит
Росу и прохладу утра

Победу

И радость победы.

Vencer juntos *

Здесь наша жизнь ограничена
Черной чертой кровавой
Которая нас отделяет
От могил и от тюрем

Все мы унижены здесь
Смертной мукой Испании
Сама наша жизнь под угрозой
Границы Испании

Но если воспрянет Испания
Наша кровь станет жаркой плотью
Плотью живой счастливой
И Франция выиграет свою войну.

* Сообща победить (исп.).

ПОСЛЕ

*«Целью поэзии должна стать
практическая истина»*

Моим требовательным друзьям

Если я вам говорю что закатное солнце в лесу
Женскому чреву подобно отдающемуся в постели
Вы верите мне вам доступны мои порывы

Если я вам говорю что кристалл дождливого дня
Еле слышно звенит напоенный любовным томленьем
Вы верите мне вы время любви продлеваете вместе
со мною

Если я вам говорю что на ветках моей кровати
Вьет гнездо свое птица не говорящая «да»
Вы верите мне вы тревожитесь вместе со мною

Если я вам говорю что в заливе ручья
Река поворотом ключа завесу листвы приоткрыла
Вы верите мне больше того вы меня понимаете

Но если я просто без околичностей пою свою улицу
И страну свою всю целиком словно улицу бесконечную
Вы мне больше не верите вы в пустыню уходите

Потому что бредете без цели не зная что люди
Объединиться хотят надеяться и бороться
Чтобы мир объяснить и его переделать

Я вас сердцем своим за собой увлеку
Мало сил у меня долго жил я но я еще жив
И меня удивляет что я завораживать вас пытаюсь
Тогда как должен открыть вам глаза чтобы вы
приобщились
Не только к деревьям и к дрожи пруда на заре
Но и к братьям моим которые свет создают.

Невыполнимое желание

Я всюду видел лишь бесчеловечность
Корону и ярмо хозяев и рабов
Я драму изучил и автор мне известен
Ночь всюду предо мной ловушки расставляла
Гордыня и покорность путались в ногах
И преступленье в сумерках чадило
Я видел раскаленное железо
Уродует прекрасное лицо
Кулак крушит незащищенность чуда
Живых зверей живых людей терзают
И давят как в давяльне виноград
А чистоплюй-палач брезгливо кривит губы
Мучение моим мученьем стала скука
Отшельничества жухлая трава
Я бессловесным жертвам не сообщник
Мне ненавистны игры палачей
Один как перст я цепи разорву
Я имя человека не унижу

*

Я лгу я не могу один без братьев
Я не один я с ними до конца
Отныне и всегда товарищи я с вами.

ГРЕЦИЯ РОЗА МОЯ

III

Молитва вдов и матерей

Мы свои руки в молитве сложили
От счастья смеялись наши глаза

Оружьём и кровью оружьём и кровью
Избавьте избавьте нас от фашизма

Мы солнце баюкали в колыбели
Наши груди были полны молока

Дайте дайте нам в руки винтовку
Мы будем мы будем в фашистов стрелять

Мы были псточником и рекою
Мы океаном мечтали стать

Дайте дайте нам в руки оружие
И мы фашистов не пощадим

Их меньше меньше чем наших мертвых
Наши мертвые не убивали людей

Мы их любили мы их любили
Ни о чем не думая кроме жизни

Дайте дайте нам в руки винтовку
И мы со смертью сражаясь умрем.

VII

Чтоб больше не быть одинокими

Словно черные птицы они танцевали в ночи
Было чисто их сердце я не мог различить
Кто из них юноши кто из них девушки

У всех за спиною винтовка

За руки взявшись они танцевали и пели
Старую песню новую песню песню свободы
И темнота пламенела от песен

Враг уснул

Горное эхо славilo жизнь вслед за ними
Молодость их была точно пляж неоглядный
Которому море несет все поцелуи планеты

Но немногие видели море

Но жить справедливо это и есть путешествие в мир
Жили они справедливо жили они для людей
Люди их братья во всем нашем мире огромном

И двинулись горы навстречу пляжу и морю
И горное эхо вторит мечте и безумной победе
И тянутся руки к рукам точно к морю источник.

Июнь 1949

УРОК МОРАЛИ

Нуш

Во зло:

Нуш мне так не хватает тебя
Одинокому дереву так не хватает зеленого леса
Я стихов никогда не писал без тебя
Я по горло в холодной воде
Одиночества горя
И слова тяжелы как бинты на ноющей язве
И тисками зажаты виденья
И все то что пишу говорю выражает одну лишь
разлуку
День для меня все равно что мотыга для клада
Хоть как-нибудь время убить я других наслаждений
не знаю

Лес зеленый сторел весь окутанный дымом
Ни листвы и ни пламени не было видно
О звезда моя черная ты уходишь все дальше
и дальше

И становится точкой твой диск
И весь мир мой сжимается в точку

Ты о мечта моя ставшая глухонемой и незрячей
Уничтожь отражения отзвуки лжи
Уничтожь моей совести муку
И сотри поцелуи которые мне не нужны.

Во благо:

Любимая ночами мы видели с тобою вместе сны
И вместе по утрам с тобой смеялись
Всегда все отведенное для жизни время вместе

Всю вечность вместе
И день за днем в моих глазах все больше
Сливалась ты с восходом солнца с летом

Спокойно спать все выше чище грезить
И друг для друга утром просыпаться
Таков закон любви и чистоты

И жить все выше чище чем в мечтах
Друг другу равными в доверии друг к другу
Прекрасней мы не знали наслажденья

И в этом мире вечно молодым
Могли ли думать мы о холоде о нашей смерти
И верить что закончится весна

О разум были мы счастливым воплощением твоим
Как в первый раз румянцем тронутые щеки
О разум были мы свободны победили мы.

Куранты летучих обручений

Во зло:

Почему я всегда утопаю в дремоте безвольной
Почему темнота поглощает меня неуклонно

Мне так больно всегда если нет надо мной ореола
Мне так тягостно без королевской тяжелой короны

А когда засыпаю мне слышится звон колокольный
И моя равнодушная дрема колышется в такт
перезвона

И я в сон погружаюсь на дне своей юности сонной.

*

И вот уже время рождает иные законы
Распорядок осенний в немой кутерьме листопада

Я родился я умер открылись захлопнулись двери
Я заблудился в аллеях смертельно цветущего сада

Я не помню дороги назад я в спасение больше
не верю
Мне неведомы судьбы мои я бреду как в бреду
наудачу

Я гримасу отчаянья в серые простыни прячу.

Во благо:

На́ гору сонного неба вползли облака грозовые
Стерта скука унылая сновиденья

И разразилась гроза и тогда я очнулся впервые
И впервые вздохнул и обрел завершенность рожденья

Стал я тучной землей стал весенним предвестьем
травы я

Стал подобен всему в чем движенье смятенье
цветенье

Стал опорой земле и она даровала прощенье.

*

Тысячи песен земных виноградной заискрились
влагой

Каждое слово опять обретает бывшее величье

Вдаль разлетаются неугомонной ватагой
Тысячи вольных дорог человеческих звериных
и птичьих

Ночь зарю целовала в холодные губы
Раскрывались бутоны в лучах сумасшедшего свега

Слабость и сила лучились из сердца поэта.

Я ее люблю она меня любила

Жаклине

Во зло:

Ненавижу ее и себя ненавижу обожаю ее и меня
она любит

Мы с нею всегда и друзья и враги неизменно

Пожалуй ни разу она не увидела солнца
В любимых глазах которые ей улыбались

Незаметно неслышно в крошечной ночи она роет
Нору чтобы в ней стареть беспредельно.

Во благо:

Наше сердце колотится в каждой груди
На твоём говоря языке я на своём говорю языке
Есть одна только дверь а не две
Чтобы мир этот странный покинуть

Мы с тобой были маленькими царьками
В человеческий рост
Детишками малыми были которые верят
Всему что им взрослые скажут

А между тем наш рассудок звенел как земная струна.

Язык красок

**Я хорошо вас знаю краски мужчин и женщин
Краски свежих цветов искореженных нимбов
 подгнивших плодов**

И гармонических граней и молочных ночных туманов
Живые теплые краски глазá раскрываются радостно
Серые тусклые краски горло сдавила тоска

Знаю вас краски здоровья краски желанья и страха
Нежности ласки краски и краски завтрашних дней
Краски убийства безумия краски мужества бунта
Краски беспечного смеха когда мы шалеем от счастья
Краски спокойного разума что нам дуралеям претят

И все-таки разума краски и мы становимся чище
И кровь молодая пульсирует в жилах земных дорог
И сколько бы краски отчаянья черную ночь
ни терзали

И смутные краски бессонницы сколько бы нас
ни пугали
Над землей разгораются краски человеческой
красоты

В сердце моем в одной половине гнездится невзгода
А другой половиною сердца я жду надеюсь смеюсь
И как зеркало отражаю жизнетворную радость плоти
И хмелея от радостных красок за краски жизни
сражаюсь

И в сиянье идущем от ближних обретаю победу свою.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Слово прядильщиц

Справедливость есть или нет
Нет справедливости нет
Но может она наступить
Если мы сами ее создадим

У несправедливости руки из золота
Ногти из золота и суставы
И золота полные пригоршни
Золота и ядовитого мрака

А у нас полезные руки
Мы стучим кулаками в стены
Мы хотим справедливости
И рушатся стены

И наши руки восторжествуют.

29 ноября 1948

Счет к оплате

Илье Эренбургу

Десять друзей пали на войне
Десять женщин пали на войне
Десять детей пали на войне
Сто друзей пали на войне
Сто женщин пали на войне
Сто детей пали на войне
И тысяча друзей и тысяча женщин и тысяча детей

Да мы умеем считать мертвецов
На миллионы умеем считать
Умеем считать но время летит
Забывается все от войны к войне

Но если хоть один из убитых войной
В памяти нашей встанет в рост
Вся наша жизнь против смерти встает
И мы сражаемся против войны

За жизнь.

Вроцлав, 26 августа 1948

СУМЕТЬ ВСЕ СКАЗАТЬ

Все сказать

Все в том чтобы все сказать но мне не хватает слов
И не хватает времени и смелости не хватает
Я как во сне наугад нанизываю строки поэмы
И говорить прозрачно не научусь никак

Я должен всё-всё сказать о мостовых о дорогах
Об улицах и прохожих о полях пастухах
О нежном пушке весны о ржавчине зимней
О холоде и жаре сплетенных в единый плод

Хочу показать толпу и каждого человека
И то что дает ему крылья и то что к земле пригибает
И каждый человеческий возраст и то что озарено
человеком
Надежду его и кровь историю и труды

Хочу показать толпу огромную разобщенную
Перегородками разделенную как на кладбище
мертвецы
И толпу что стала сильнее собственной тени нечистой
Толпу сокрушившую стены и своих вчерашних господ

Показать листву и сплетенье рук
И безвестного зверя неслышный шаг
Плодоносную влагу реки и росы
Справедливость на страже и счастье в цвету.

Счастье ребенка сумею ли я объяснить
Мячиком куклой или просто солнечным днем
Счастье мужчины отважусь ли я показать
Глазами жены его и детей

Сумею ли я рассказать любовь и ее истоки
Свинцовые ее драмы соломенные ее фарсы
И привычные жесты придающие ей повседневность
И ласки которые снова возвращают ей вечность

И смогу ли когда-нибудь я связать урожай
С удобрением зарытым в землю связать добро
с красотой
Хватит ли сил у меня потребность с желанием
сравнить
И бездушную схему порядка с теплым порядком
живым

Хватит ли слов у меня чтобы под крыльями гнева
Оружием ненависти ненависть уничтожить
И показать как жертва своих палачей побеждает
И революции слово красками всеми горит

Вольное золото зорь в уверенных ясных глазах
Ничто на вчера не похоже все ново все снова
бесценно
Я слышу в простых словах гулкую бронзу пословиц
Мудрость пройдя через муки обретает свою
простоту,

*

Против сумею ль сказать что всем сердцем
я против
Нелепых причуд одиночеством сотканных
Я погибал не умея от них укрыться
Как умирает пленник в наручниках с кляпом
во рту

В них растворялось тело и сердце мое и рассудок
В этой бесформенной массе полной бессмысленных
форм
Которыми прикрывают гниение и упадок
Угодливость и убийство безразличие и войну

Еще бы совсем немного и меня б мои братья изгнали
Ничего в их борьбе не смысла я только себя
утверждал
Я у жизни хотел взять больше того чем она владеет
Я не умел представить облик грядущих дней

Против конца всех начал Всем что я есть я обязан
Людам которые поняли жизни истинный смысл
Я этим обязан повстанцу выверяющему прицел
винтовки
Выверяющему свое сердце и дающему руку друзьям

Люди В груди человечества непрерывно и неустанно
Новая ширится песня извечная песня тех
Кто наше грядущее гордо поднимает в бой против
смерти
Против сырых подземелий где жалкие тени кипят.

Смогу ли сказать наконец что распахнуты двери
Из подвала где мшистые бочки во мгле громоздятся
На виноградник на волю где гроздьями поймано
солнце
Смогу ли об этом я вам языком винодела сказать

Изваяны женщины по образу воды или камня
Нежные или суровые неуловимые или прямые
Птицы летят через горы пересекая просторы
В поисках старой кости плетется знакомый пес

Отзывается эхом полночь на голос древнего старца
Который талант расточает на затасканные куплеты
Но даже и этот час не до конца потерян
Я не усну пока не проснутся другие вслед

Смогу ли сказать наконец одна только юность
прекрасна
И не скрывать при этом морщин на своих щеках
Прекрасна лишь вереница сменяющихся отражений
Начиная с порыва зерен с прекрасного старта цветка

Начиная с открытого слова и зримых предметов
Человеческое доверье не знает дороги вспять
Я хотел бы чтобы ответ приходил не дожидаясь
вопроса
И ни один язык чужим языком не звучал

И пусть не захочет никто чтобы рушились крыши
И города пылали и высились горы трупов
Пусть будут в устах поэта только слова созиданья
И люди поверят что время это источник жизни

И люди будут смеяться от сознания здоровья
и счастья
Оттого что вокруг тебя братья сейчас и потом
и всегда
И со всеми людьми ты будешь точно таким же добрым
Каким бываешь с собою когда знаешь что ты любим

Не легкой мгновенной дрожью радость нахлынет
волною
Радость нахлынет сильнее свежее морской волны
И никто сомневаться не станет в правде моей поэмы
Которой уже сегодня я стираю вчерашний день.

Сентябрь 1950

Миру грозят но мир победит

Берегись затуманилось зеркало жизни

Первый шаг крови и капелька крови
И грозная поступь войны и крови
Пожара развалин страха пустыни
Гибель людей неразумных
Гибель разумных людей
Смерть конец нищеты
Конец угнетенья

И конец всего что живет.

*

Надо не гибнуть а жить

Проходит по лугу влюбленная пара
Трава зеленеет цветы расцветают
Всюду где люди по жизни проходят
Там и зимою пахнет весной
Где есть поцелуи там ржавчина тает
Счастливы люди счастливы толпы
До горизонта веселые дети

Мир и становятся люди моложе.

*

Больше не нужно нам быть начеку

Весна и дождливое лето и солнце

Осень и отдых зима и надежда

И на любой границе

Времени и пространства

Только людское братство

И та же заря и тот же закат

Весна и лето осень зима

Отблеск и эхо бескрайней жизни.

Добрая справедливость

Есть горячий закон у людей
Виноград превращать в вино
Создавать из угля огонь
Из поцелуев людей

Есть суровый закон у людей
Сохранять чистоту несмотря
На войну и на нищету
Несмотря на грозящую смерть

Есть сердечный закон у людей
Делать свет из речной воды
Из мечтаний земную явь
Из заклятых врагов друзей

Это древний людской закон
Это новый людской закон
Он из детского сердца идет
К высшей мудрости всех времен.

ЛИК ВСЕОБЩЕГО МИРА

1

Я знаю все места где голубь гнезда вьет
И лучшее из них сознание человека.

2

Любовь к справедливости и свободе
Взрастила редкостный плод
Он неподвластен гниению
Потому что в нем счастья чудесный вкус.

3

Пусть земля цветет пусть земля поет
Пусть живую плоть и живую кровь
Никогда не приносят в жертву.

4

Пусть лицо человеческое познаёт
Красоты высокую пользу
Под сенью спокойной мысли.

5

Хлеб для всех и розы для всех
Такова наша общая клятва
Шагом гигантским идем мы вперед
И не так уж длинна дорога.

6

Долой покой и усталость долой
Пока мы штурмом весну не возьмем
Пока пространство и время не станут
Достойными нашей мечты.

7

Ослепительное озаренье
Вера в то что все прекрасное свершится.

8

Человек взалкавший мира увенчал себя надеждой.

9

Человек взалкавший мира улыбнулся
Вспоминая пройденные битвы.

10

Плодоносное пламя семян и ладоней и слов
В пламени радости каждому сердцу тепло.

*Литография Пабло Пикассо к 4 стихотворению
книги «Лик всеобщего мира» (1951)*

11

Опора победы братство.

12

Величию нет предела.

13

Победителем станет каждый.

14

Хрустальная лампа мудрости
Под каждым горит потолком.

15

Свет опускается тихо на землю
Озаря чело старика озаря улыбку ребенка
Которому больше не надо бояться цепей.

16

Только подумать, как долго люди ужас внушали людям
Люди ужас внушали птицам доверчивым нашим
друзьям.

17

Лицо свое солнцем омыв
Жажду жить человек обретает
Жажду новую жизнь созидать
Жажду любви.

18

Счастье мое это наше счастье
Солнце мое это наше солнце
Мы жизнь по-братски поделим
Пространство и время для всех.

19

Любовь за работой любовь неусыпна.

20

То было в девятьсот семнадцатом
Храним мы память
Об освобождении своем.

21

Мы созидаем ближних своих
И они созидают нас
Все мы друг другу нужны.

22

Птица в полете своим доверяется крыльям
Мы своей доверяем руке
Протянутой к брату.

23

Мы невинность наполним силой
Которой так долго
Нам не хватало
Нам никогда одиночества больше не знать.

24

Наши песни призывают к миру
Наш ответ борьба во имя мира.

25

Не гибель фатальна а наша надежда
И неизбежен мир.

26

Здание безоблачного мира
Мы возводим на фундаменте Земли.

27

Лик прекрасный крылья распахни
Быть разумной прикажи планете
Мы сильны решимостью своей.

28

Мы сильны своей решимостью великой
Злые тени растворить в потоке
Золотистых солнечных лучей.

29

Станет сила легкой и крылатой
Наши песни полетят в зенит.

ФЕНИКС

*Феникс — это чета — Адам и Ева,
первая и не первая чета на Земле.*

Уверенность

Если я что-то тебе говорю
это чтоб лучше тебя услышать

Если я слышу тебя
я уверен что я тебя понял

Если ты мне улыбаешься
это чтоб лучше меня покорить

Если ты мне улыбаешься
я вижу весь мир пред собою

Если я обнимаю тебя
это чтобы стихи мои никогда не кончались

Если мы живы с тобой
будет все радостно в мире

А когда я с тобой расстаюсь
мы и в разлуке помним друг друга

И расставаясь с тобой
мы друг друга опять обретем.

Смерть любовь жизнь

Я думал что сумею разорвать пространство
Своей печалью голой одинокой
Я распростерся на полу своей тюрьмы
Как здравомыслящий и опытный покойник
Увенчанный своим небытием
Я распростерся на волнах абсурда
На зыби яда на влечение к праху
И одиночество казалось мне сильней
И горячей чем кровь

Я жизнь хотел разъять и расчленить
Я смерть пытался обвенчать со смертью
И сердце с пустотой и пустоту с вселенной
Все зачеркнуть стереть чтоб даже не осталось
Ни иная на окнах ни самих окон
И ничего ни в прошлом ни в грядущем
Я выбросил ледышки рук сплетенных
Я выбросил продрогший до костей
Скелет желанья жить изжившего себя.

*

Явилась ты и ожил вновь огонь
Мрак отступил заискрился мороз
Земля покрылась снова

Твоею светлой плотью
И я себя почувствовал крылатым
Явилась ты и одиночество ушло
И на земле вожатый появился
Я знал куда идти я силу знал свою
Я шел вперед
Я покорял вселенную и время

Я шел к тебе я шел упрямо к свету
Жизнь обретала плоть звенел надежды парус
Мечтами сон журчал и ночь глядела
Доверчиво и просто на зарю
Лучами пальцев ты раздвинула туман
Твой рот был от росы рассветной влажен
Усталость отдыхом сверкающим сменялась
И я как в юности уверовал в любовь.

*

Распаханы поля и солнечны заводы
И гнезда выют хлеба в бескрайней зыби
И нет конца и края урожаю
Полей и виноградников
Ничто не одиноко не странно и не замкнуто
в себе
И блещет океан в глазах ночей и неба
Лес каждому кусту дарует безопасность
И стены всех домов свет ловят чуткой кожей
И все пересекаются пути

Явились люди в мир чтобы понять друг друга
Услышать и понять и полюбить
Их сыновья отцами стать должны

Их сыновья голодные нагие
Должны опять изобрести огонь
И заново людей изобрести
Природу воссоздать и воссоздать отчизну
Отчизну всех людей
Отчизну всех времен.

Про одного зверя

Люблю зверье я знаю Маяковский
Так говорил Люблю зверье и тут же
Свою любовь доказывал он улыбался
Собакам и встречал ответную улыбку

У нас была собака с мордой слишком черной
Для туловища серого потом она взбесилась
Ее пришлось убить я слышу до сих пор
Звук выстрела убившего ее

Источник жизни клонится к концу
Мы с каждым днем склоняемся все ниже
Над нашей мертвой и взыскательной собакой

И улыбка

В мире нет беспросветных ночей
Вы мне верить должны если я говорю
Если я утверждаю
Что всегда даже в самой крошечной печали
Есть открытое настежь окно озаренное светом
В мире есть мечта на чеку
Есть желанье которое нужно исполнить
Есть голод который нужно насытить
В мире есть благородное сердце
И пожатие надежной руки
И внимательные глаза
И жизнь которая хочет
Чтоб ее разделили с другими.

Заутреня

Мне снилась пустая дорога
Ты шла по дороге одна
Заслышав шаги твои птица
Проснулась в прозрачной росе

В чаще зеленой и влажной
Потягивалась заря
И вспыхивали деревья
Ты открывала день

Казалось все было обычным
Обычным был летний день
Я спал как малый ребенок
А ты поднялась на заре

И мне подарила
Бесконечное детство.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛЬ ЭЛЮАР

Вехи жизни и творчества

I

Эжен-Эмиль-Поль Грендель (двадцать лет спустя он станет подписывать книги фамилией своей бабки по материнской линии — Элюар) родился 14 декабря 1895 г. в городке Сен-Дени близ Парижа. Мать его была портнихой, отец служил бухгалтером, пока не занялся перепродажей недвижимости. Впрочем, скромность достатка в семье вовсе не означала бедности. Дело отца благополучно расширялось, и в 1908 г. Грендели уже смогли перебраться в Париж.

Летом 1912 г., когда Элюар с матерью отдыхал в Швейцарии, у него открылось чахоточное кровохарканье. Врачи почти на два года поместили его в горную лечебницу. Здесь он встретился с русской девушкой Еленой Дьяконовой, а через четыре года она сделалась его женой. Он звал ее Галá, и ей были посвящены его первые стихотворные пробы пера. И хотя вскоре Элюар отрекся от двух своих юношеских книжечек, сочтя их слишком по-ученически неловкими, тем не менее это — пусть робкие, но все же непосредственные подступы к тому «долгому любовному раздумью», каким ему виделось все его сорокалетнее творчество.

Залечив болезнь, хотя и не вылечившись вполне (слабость легких давала о себе знать на протяжении всей его жизни), Элюар едва успел завершить учебу,

как разразилась военная катастрофа 1914 года. Солдат нестроевой службы, он был назначен санитаром в госпиталь и четыре с лишним военных года провел в тылу, досаждая на свой недуг, вынуждавший его отсиживаться вдали от передовой. Всего на несколько недель в январе-феврале 1917 г. ему удалось добиться отправки с пехотным полком на фронт, откуда его вскоре отослали назад с острейшим приступом бронхита.

Незадолго до этого испытания себя в траншеях Элюар отпечатал на ротаторе тетрадку своих стихов под заголовком «Долг» (*Le devoir*, 1916). Скупое и просто рассказал он здесь об участии своей и своих вчерашних однокашников, ныне однополчан, увязших в окопной грязи, среди холода, слякоти, горя и уже уставших надеяться на возврат похищенной у них радости жить, не остерегаясь каждую минуту смерти. К этой печали и усталости солдата, оторванного от родного очага, через год, в расширенной и напечатанной типографским путем книжке под названием «Долг и тревога» (*Le devoir et l'inquiétude*), прибавятся пронизанные едкой горечью мысли фронтовика, побывавшего в окопной мясорубке и уже не склонного послушно принимать навязанный ему «долг». Обыденные подробности солдатских трудов и дней у раннего Элюара развенчивают батальную болтовню ура-патриотов и складываются в личное свидетельство об исторической трагедии «поколения потерянных».

У Элюара пока, впрочем, не встретишь того гневного вызова, какой был брошен тогда же Барбюсом от лица ожесточившихся, доведенных до отчаяния «пуалю» вишновикам кровавого лихолетья. Но он да-

лек и от покорного всепрощения. «Одни ответственны за жизнь. Мы ответственны, — писал он отцу в январе 1916 г. — Другие несут ответственность за смерть, и они должны быть нашими единственными врагами»¹. Летом 1918 г., когда по обе стороны колючей проволоки еще истекали кровью враждующие армии, Элюар выпустил без разрешения цензуры «пораженческую» листовку со «Стихами для мира» (*Poèmes pour la paix*). Он рисовал здесь возвращение домой усталого солдата, который обнимет близких и снова обретет «ненужное» ему прежде лицо — «лицо, чтобы быть любимым, чтобы быть счастливым». Греза Элюара о тихом непритязательном счастье казалась пока несбыточной, но от этого еще сильнее звучала призывом. Вместо заповедей разрушения и убийства она славил заповеди иной мудрости — труда работника, сменившего винтовку и лопату для рытья братских могил на рубанок, плуг, заступ каменотеса, перо.

Еще в окопах у Элюара зародилась и окрепла прометеевская мечта об огне, без которого не прожить здесь, на изрытой, вытоптанной, вымерзшей земле. «Чтобы жить здесь» — так и озаглавил он стихи, написанные им в 1917 г., но напечатанные лишь двадцать с лишним лет спустя и могущие служить неизменным «верую» всей его жизни и работы:

Лазурь покинула меня, и я развел огонь
Огонь, чтоб с ним дружить,
Огонь, чтобы войти под своды зимней ночи,
Огонь, чтоб лучше жить².

¹ P. Eluard. *Lettres de jeunesse*. P., 1962, p. 139.

² Здесь и далее в статье стихи Элюара даются в переводах М. Ваксмахера. Прозаические подстрочные переводы отдельных строк, встречающиеся по ходу анализа, принадлежат мне. — С. В.

Каждая из строк здесь вбирает огромный запас раздумий, вместе составляющих целую выработанную философию. В эту притчу, отзвук древней легенды о жизнетворном пламени, вложено не прочитанное книжником, а пережитое солдатом — и еще столькими его сверстниками! — в пору крушения ценностей, прежде рисовавшихся им незыблемыми. Военная разлука поглотила «осиянную лазурью» благодать детства, клубы порохового дыма затянули небосвод: на пороге зрелости человек оказался одиноким. Больше нет синевы над головой. Ночь опустилась на землю. И в непроглядном мраке предстояло либо сгнуться, либо среди обломков «лазурной идиллии» заново изобрести способ выстоять.

Первым делом несдавшегося человека стало разведение огня. Вызов тьме, стуже, вызов ненастью. Источник жизни сотворен собственными руками, вопреки недоброй судьбе. Разожженное пламя освещает, согревает, возрождает. Простым актом созидания человек вступает в противоборство со стихией, перед которой беспомощно страдательное созерцание.

Но огонь — это не только свет и тепло. Он отменяет затерянность. Сотворивший пламя больше не одинок, он обрел друга, «чтоб другом быть ему», он заложил фундамент братства. Покончено с изгнанничеством: оправдание моего бытия — в бытии другого, в том, чтобы охранять и поддерживать костер. Пламя, в свою очередь, заставляет отступить морозную мглу. Оно приобщает к тому скрытому под покровом тьмы и льда круговороту вселенной, что готовит не близкий пока рассвет и весенний рост побегов. И потому огонь возвращает надежду, придает силу, пролагает дорогу к иной, лучшей жизни.

От безмятежного погружения в житейский поток, когда доверчиво принимается все от века данное, — через утрату беспечного детства и испытание катастрофой — к убежденности в своем призвании строителя, созидателя, — таково становление личности Элюара, как оно понято им самим. Отныне для него «жить здесь» значит творить жизнь. «Жить здесь» значит делить жизнь с другим. «Жить здесь» значит искать, как сделать жизнь лучше. И пусть тому, кто развел в ночи костер, и, словно поглощенный своим кумиром огнепоклонник, «затаив дыхание, шум пламени ловил и теплый аромат вдыхал», еще не скоро предстояло постичь, что огонь становится по-настоящему прометеевским лишь тогда, когда его поддерживают вместе с товарищами. «Чтобы жить здесь» — манифест рано сложившегося элюаровского гуманизма, для которого «созидание» и «братство» — понятия краеугольные.

Провидеть в деревьях доски,
Провидеть в горах дороги,
В лучшем возрасте — возрасте силы —
Ткать железо и камни месить,
И украшать природу
Человеческой красотой,
Работать, —

провозгласил Элюар вскоре после приезда домой свое намерение быть прежде всего жизнестроителем.

II

В растерзанной послевоенной Франции эти добрые побуждения слишком быстро были, однако, отравлены тем, что жизнь постепенно входила в слишком знакомую и до отвращения постылую колею, однажды

уже приведшую к пропасти. В стране хозяйничали те же, ради чьих доходов недавно истреблялись миллионы. Среди интеллигентов поколения Элюара, как всегда, нашлось множество приспособившихся; из осторожности, цинизма или просто по лености душевной они предпочли потихоньку врасти в наспех залатанный мирный быт, по возможности заполучив местечко потеплее. Другие, кто не хотел и не мог забыть недавнее, ощутили себя окончательно выбитыми из жизни с ее заскорузлым укладом — ниспровергателями и отщепенцами. Их душила ярость, презрение к культуре, еще вчера поставленной под ружье и послушно обслуживавшей братоубийственные лозунги. И они поднимали бунт против духовных ценностей, которые достались им от поколений благонравных предков.

В литературе зачинщиками одного из таких запальчивых «мятежей» были приверженцы «дада» — этим словечком из лепета несмышленных детей румын по происхождению Тристан Тзара, живший в Швейцарии, еще в 1916 г. окрестил затею кружка своих друзей по устройству всяческих издевательств над привычными понятиями о словесности, живописи, музыке. В 1920 г., по приглашению столь же вызывающе настроенных основателей авангардистского журнала «Литература» Андре Бретона, Луи Арагона и Филиппа Супо, вождь «дада» переехал в Париж. Вскоре дерзкое озорство ватаги дадаистов, наивное в своих претензиях с помощью шумных богемных выходок разрушить дотла здание христианско-торгашеской цивилизации Запада, оказалось если не самым значительным, то самым скандальным событием литературно-артистической жизни французской столицы.

Элюар сразу же примкнул к «дада». У него была

та же безбедная юность, что и у всех этих отпрысков добропорядочных семейств, он тоже впервые в окопах почувствовал себя отверженным и разгневанным «блудным сыном» общества. Схожими были у них и духовные устремления. Элюар не менее пылко ратовал за уничтожение обветшавшей рутины, прежде всего в культуре, и помышлял о неведомых дотоле приключениях мысли и поэтического слова. Годы «дада» стали для него порой, когда кристаллизовалось его стихийное возмущение буржуазным укладом, когда в стиливых исканиях, нередко весьма отчаянных, он вырабатывал свое особое лирическое видение жизни и неповторимую манеру письма.

Впрочем, среди близких ему «дада»-разрушителей Элюара уже тогда выделяла отчетливая склонность поскорее перейти от звонких пощечин обывателю, какими они часто и охотно тешились, к вдумчивой экспериментальной работе. Журнальчик «Пословица» (*Proverbe*), основанный им в 1920 г., был не столько листком широковегательных анафем и всеиспелющих прокламаций, сколько языковой лабораторией, и выходил с эпиграфом из Аполлинера: «О уста, человек ныне в поисках неведомого наречия, которому ничего не дадут грамматики былых времен». На страницах «Пословицы» Элюар пробовал выявлять те скрытые или заглохшие родники свежей, незахвачанной речи, которыми располагает самый ходовой язык — газетные штампы, лозунги и сентенции, застывшие фразеологические обороты, разговорные при словья, поговорки. «Постараемся — а это трудно — остаться совершенно чистыми, — наметил он еще в 1919 г. задачу. — Тогда мы обнаружим, что связывает нас друг с другом. И ту противную речь, какой

довольствуются болтуны, речь столь же мертвую, как венки на наших похожих лбах, обратим, преобразим в речь чарующую, подлинную, пригодную для взаимного общения»³.

Наивность мудрого в своей детской чистоте лирического взгляда на вещи, закрепленного в языке столь же простом, не засоренном шелухой клише и навязших в зубах штампов, — к этому стремится Элюар и в тогдашних стихах, составивших книги «Животные и их люди, люди и их животные» (*Les animaux et leurs hommes, les hommes et leurs animaux*, 1920), «Потребности жизни и последствия снов, предваряемые Примерами» (*Les nécessités de la vie et les conséquences des rêves précédé d'Exemples*, 1921), «Повторения» (*Répétitions*, 1922).

На первых порах элюаровский поиск, имея своей установкой анархический разрыв с традиционным складом лирического мышления и изгнание обычной логики — самого заклятого недруга дадаистов, поскольку ее-то и пускали вчера в ход для оболванивания умов рассудительные «отцы отечества», — давал иной раз причудливо-загадочные плоды темной «языковой алхимии», как обозначали вслед за Артюром Рембо свое словесное изобретательство его продолжатели. Но рядом с этими ребусами без ключа в изобилии встречаются и подлинные находки, открытия мастера «фосфоресцирующей обыденности»⁴,

³ P. Eluard. Œuvres complètes, t. I. P., Bibl. de la Pléiade, 1968, p. 37. В дальнейшем в сносках это двухтомное издание обозначается сокращенно *ОС*, римская цифра указывает том, арабская — страницу.

⁴ Cl. Roy. Vues sur Paul Eluard. — «Europe», 1953, N 91/92, p. 64.

Поль Элюар.
Фото ок. 1920 г.

умеющего легким сдвигом в самом заурядном языковом обороте заново явить как бы только что сотворенной, во всей ее прелестной первозданности, совсем, казалось бы, примелькавшуюся и обезличенную жизнь. Позже Элюара не раз назовут певцом «райских» прозрений, тех моментов, когда греза о счастье словно сбывается и все кругом сияет улыбками безоблачного детства, так что вселенная выглядит средоточием прозрачной и лучистой чистоты. Такие «звездные миги» знакомы уже раннему Элюару.

Однако в подобной одержимости небывалой чистотой помыслов, дел, слога есть и свои подвохи. Элюар их не избежал, коль скоро он вместе с товарищами по «дада» в своем «восстании духа» не останавливался и перед самыми крайними перехлестами, доходя подчас до приписывания изначальной ущербности всему земному, обремененному житейской плотью. «Однажды будет сказано, — вырвалось как-то у Т. Тзара, — что глаза, которыми смотрел мятеж, были пусты, в них не было человеческой радости»⁵.

В самом деле, окрест себя молодые бунтари с их запальчивой безудержностью не желали видеть ничего или почти ничего, достойного сохранения, и в таком случае «чистота» оказывалась «не от мира сего», неким невоплощенным и невоплотимым кумиром. Упаси бог внедрить желаемое в жизнь — белоснежное платье мечты замарается, как только она коснется этой грязи. Элюар горько сетовал, что его мучительно преследовали «галлюцинации добродетели», что он ощущал себя «повешенным на дереве морали» — того максималистского «нравственного абсолюта, пред-

⁵ Т. Tzara, *Le surréalisme et l'après-guerre*. P., 1947, p. 18.

полагавшего недостижимую чистоту побуждений и чувств»⁶, к которому было, по признанию Тзара, устремлено все «дада». И самым жутким из этих наваждений был, пожалуй, мираж совершенства, столь же безупречного, сколь и безжизненного:

Все наконец распылилось
Все изменяется тает
Разбивается исчезает
Смерть отступает

Наконец
Самый свет теряет свою природу
Становится жаркой звездой голодной воронкой
Утрачивает лицо
И краски

Молчаливый слепой
Он везде одинаков и пуст.

Лирической исповедью об этом мысленном путешествии в пустыню мертвого безлюдья, опустошенного умом, который впал в недоброе пренебрежение к жизни, и была следующая книга Элюара «Умирать оттого, что не умираешь» (*Mourir de ne pas mourir*, 1924). Столь взыскуемый край обетованный на поверку обернулся краем отчаяния, да и вряд ли мог быть чем-нибудь другим, коль скоро дорогой туда был выбран лихорадочный мятеж против всего и вся, подобный исступлению тех христианских отшельников, что поворачиваются спиной к «мирской суетности». 24 марта 1924 г., за день до выхода книги, надеясь разом разрубить узел своих трудностей — философских, творческих, житейских (ниспровергатель торго-

⁶ Т. Tzara. Introduction, in: — G. Hugnet. L'aventure Dada. P., 1957, p. 3.

шества, он был вынужден зарабатывать тем, что помогал отцу в его сделках), Элюар втайне от родных и друзей скрылся из дому. Он сел в Марселе на первый попавшийся корабль, пустился в кругосветное плавание, был на Антильских островах, Малайском архипелаге, в Океании, Новой Зеландии, Индонезии, на Цейлоне и, наконец, застрял в Сайгоне, без денег, больной. Лишь через полгода после «идиотского», по его словам, путешествия, о котором он избегал вспоминать, он вернулся на родину вместе с выехавшей за ним женой.

В подготовленной им вскоре книге стихотворений в прозе «Изнанка одной жизни, или Человеческая пирамида» (*Les dessous d'une vie ou La pyramide humaine*, 1926) различимы глухие намеки на то изнурительное душевное распутье, где очутился однажды искатель, который, поддавшись «тяге к небу, откуда птицы и облака изгнаны», «возжаждал одеревенения и торжественности мертвецов». Он долго «кружил по подземелью, где свет только подразумевался», пока не понял, что «ему недостает пищи света и разума» и что есть «лишь один способ вырваться из этой темноты: связать свои помыслы с самыми простыми невзгодами». Отныне Элюар бережно и растроганно склоняется «над мельчайшими проявлениями жизни, которым нежность служит единственной поддержкой». В самом что ни на есть заурядном — здесь, вокруг себя, — старается различить он ростки той чистоты, которая не разлучена с каждодневной обыденностью. Кризис доверия к жизни, вызванный резким расщеплением в анархическом бунтарстве желаемого и сущего, завершился не усталой сломленностью. В конце концов он укрепил решимость

искать в самых недрах бытия, под наносным мусором, рядом с изъянами и искажениями, то, что заслуживает заботы и помощи и что, в свою очередь, является залогом искоренения этой ущербности, помогает сопротивляться ее засилию.

III

Сдвиги, происходившие тем временем во взглядах его товарищей по авангардистскому кружку, давали теперь, как думал Элюар, ряд точек опоры для его устремлений. Провозглашенный «дада» бунт против подгнивших устоев западной цивилизации продолжался, но после выхода в свет в декабре 1924 г. журнала «Сюрреалистская революция» он миновал сугубо разрушительную полосу и вступил в пору изысканий некоего созидательного начала, которое предполагалось открыть в области «сверхреального». Сюрреализм, по крайней мере по замыслу его вождя А. Бретона и его ближайших соратников, всерьез претендовал на роль не столько очередной литературной школы, сколько научно-философского, точнее натурмагического, исследования, между прочим прибегающего к технике художественного образотворчества и в конечном счете призванного в корне «изменить жизнь». Все надежды возлагались на раскрепощение человеческого духа от оков разума (в нем, вслед за Фрейдом, усматривали злокозненного носителя мещанских «табу»), на вольный разлив той стихии подсознательного, что бушует в глубинных недрах души. Дать этой лаве прорвать запруды логической мысли и вольно выплеснуться в мечтах, сновидениях или даже без-

умном бреде — не значило ли это, по всем расчетам, даровать человечеству, скованному кандалами рассудочности, столь желанную свободу духа? И не заговорит ли тогда языком восхитительных грез и жутковатых фантазмагорий сама древняя первозданная природа, от которой личность XX века пока отгорожена глухой стеной культуры? По сути сюрреализм тяготел к изобретению некоей черной магии, имевшей психоаналитическую закваску и предназначавшейся ее жрецами для полного переворота в мышлении. Причем последний рисовался им поначалу гораздо более скорым и надежным путем избавления страждущих от гнета и бед, чем революционная перестройка социального уклада. Что касается литературы, и особенно лирики, то она, будучи по самому своему строю менее всего зависимой от умозрительных предпосылок, должна была овладеть лишь некоторыми особыми приемами, чтобы вплотную приблизиться к искомой «натурмагии». Среди таких приемов прежде всего поощрялись запись снов и «автоматическое письмо» — нанизывание с предельной скоростью, так чтоб не успеть задуматься, первых пришедших в голову выражений, каким бы ошарашивающим и противным здравому смыслу ни было их соседство. И даже чем сильнее ошеломляет подобное сопряжение того, что несопоставимо в привычном логическом ряду, тем ярче вспышка внезапного озарения может осветить неразведанные залежи души и всего мироздания.

На протяжении пятнадцати лет Элюар оставался одним из самых знаменитых приверженцев сюрреализма, его признанной поэтической гордостью, и тем не менее его подход к учению Бретона отнюдь

не однозначен, а в чем-то не лишен серьезных огорчений, предвестий их будущего разрыва.

Элюар был в числе вдохновителей самых разных — как вполне серьезных, так и скорее забавных — выступлений кружка, от протестов против разбойничьей карательной войны Франции в Марокко до призывов распустить обитателей сумасшедших домов, от срыва проходившей в 1931 году в Париже Колониальной выставки до поездок с лекциями в Прагу и Мадрид и устройства Международной выставки сюрреалистов в Лондоне. Он был неперменным сотрудником почти каждого выпуска их журналов, особенно «Сюрреализма на службе революции», как они переименовали свой орган в 1930 г., в пору сближения с французскими коммунистами, хотя краткого и затруднявшегося левацкими срывами. Разделял Элюар и философские установки Бретона. После недавнего тупика, когда «одинокчество преследовало его своей злобой» и он в ужасе восклицал: «Лицо мое больше не видит меня. И нет вокруг других лиц», — его несомненно искушал предлагавшийся теперь способ подключиться к токам могучей энергии, которая совершает безостановочную работу где-то в космических недрах вселенной и без всяких помех переливается в сокровенные хранилища подсознания, откуда ее можно черпать пригоршнями. Он даже присоединился к Бретону и Рене Шару в сочинении текстов для двух книг 1930 г. «Замедлить работы» и «Непорочное зачатие», подсказанных бретоновскими мистическими выкладками. Привлекала, наконец, Элюара и раскованность воображения, достигаемая в произвольном — без оглядки на благоразумно-принятое — словотворчестве, равно как и обещанное

вторжение в никогда не иссякающую волшебную кладовую сновидений наяву.

И все же была грань, за которой кончалось его подчинение даже самым благожелательным с виду советам и самым заманчивым теориям друзей. При всем своем мягком нраве, он упрямо не соглашался подменять работу поэта «автоматическим письмом»: последнее, по его мнению, лишь подсобно, оно «без конца распахивает двери в подсознание... преумножает наши сокровища»⁷, но само по себе составляет только случайный хаос сырых заготовок. Стихотворение же требует обдумывания, труда, подчиненного строгой задаче, это «плод достаточно определенной воли, эхо какой-то четко обозначенной надежды или отчаяния»⁸. Элюар отказывался от опасной подмены творчества нагромождением строк по наитию, за что уже тогда вызывал, как признался Бретон двадцать лет спустя, подозрения в «архиретроградных» пристрастиях⁹.

Упрек этот, разумеется, звучит достаточно нелепо и лишний раз подчеркивает неслучайность того факта, что почти вся история сюрреалистского движения была историей ухода из него недюжинных мастеров, одного за другим осознававших вред для себя предписаний и запретов этого авангардистского сектантства навыворот, и, напротив, прихода под его знамена многочисленной рати ремесленников как во Франции, так и за ее пределами. И если Элюар покинул его ряды позже других, позже Супо, Десноса,

⁷ P. Eluard. *Le poète et son ombre*. P., 1963, p. 67.

⁸ Ibid., p. 102.

⁹ A. Breton. *Entretiens*. P., 1952, p. 105.

Превера, Кено, Арагона, Шара, Тзара, то одной из причин здесь была, очевидно, как раз его непреклонность в самом для него дорогом и существенном — в писательстве: «советы» со стороны меньше сбивали его с толку и причиняли меньше ущерба его самобытности, внушавшей невольное почтение, вынуждая воздерживаться от попыток уличить этого скрытого «еретика» в рутинерском отступничестве.

Впрочем, даже беглое знакомство с Элюаром свидетельствует, что он отнюдь не архаист, а лирик отчетливо поискового склада, так что манера его своей непривычностью вызывает поначалу известные затруднения. И тут важно не столько свыкнуться с ее внешними приметами, сколько понять ее исходные предпосылки, как они мыслились самим Элюаром.

Элюаровской поэтике, какой она сложилась к середине двадцатых годов и оставалась без особых изменений вплоть до начала сороковых, прежде всего чужд «классический» принцип подражания природе (пусть и в широком, аристотелевском его значении). Здесь Элюар отправляется от общих эстетических представлений, утвердившихся во французской лирике со времен Рембо и Малларме и особенно прочно возобладавших благодаря Аполлинеру. Ранний Элюар равно пренебрегает зарисовкой, рассказом, воспоминанием об однажды случившемся, внезапно подмеченном — короче, строит свою вселенную без опоры на происшествие. Его можно было бы назвать визионером, который создает своим вымыслом независимый микрокосм, подчеркнуто неприкрепленный к историческому или биографическому календарю, да и вообще обходящийся без отсылок к чему-либо вне самого себя. Плод совершенно вольного вообра-

жения вместе с тем обладает всей полнотой и насущностью бытия. «Я не изобретаю слова. Я изобретаю предметы, живые существа, события, и мои чувства способны их воспринять. Я создаю себе переживания. Я страдаю от них или испытываю счастье. Они могут быть для меня безразличны. Я храню о них воспоминания. Случается, что я их предвижу. Если бы мне пришлось усомниться в их действительности, все сделалось бы для меня сомнительным — и жизнь, и любовь, и смерть. Мой разум отказывается отвергнуть свидетельство моих чувств. Предмет моих желаний всегда реален, ощутим»¹⁰.

В чем же суть этого «словесного предмета», так же не нуждающегося в жизнеподобии, как камень, дерево или, скажем, звезды? В том, считает Элюар, что он есть воплощенное несогласие оставаться на земле покорным созерцателем, попытка хотя бы мысленно подчинить запросам личности косную материальность, перекрыть ее по мерке нашей мечты о счастье, ибо «человеку нужно сознавать свое превосходство над природой, чтобы обороняться против нее, чтобы ее побеждать»¹¹. Труд лирика для Элюара, как и труд близких ему живописцев Пикассо, Брака, Кирико, Эрнста, Танги и других, в ком он видел своих «наставников свободы»¹², не есть поэтому наведение

¹⁰ *ОС*, I, 526.

¹¹ *ОС*, I, 514.

¹² Элюар был собирателем и знатоком живописи, посвятил ей множество статей, заметок, вошедших в книги «*Donner à voir*» (1939), «*Anthologie des écrits sur l'art*» (1952), а также в сборник «*Le poète et son ombre*» (1963). Особенность всех его высказываний о художниках состояла, в частности, в том, что разговор об их работе тут одновременно осмысление и провозглашение собственных творческих установок.

Поль Элюар.
Рисунок Ман Рея в книге «Свободные руки» (1937)

зеркала и даже не глубинная рентгеноскопия вещей, но «смертельная схватка с видимостями»¹³, когда происходит «разгром логики»,¹⁴ и «воображение, изжившее в себе инстинкт подражания»¹⁵, расчленяет сущее на простейшие частицы, а потом заново составляет их уже по собственным понятиям о желаемом и должном. В каждом из таких сопряжений вещи, явления, признаки, переживания, принадлежащие к самым разным и подчас полярным областям, встречаются, смешиваются вопреки всем физическим законам и обычному здравому смыслу. Возникающий таким путем образ (скажем, знаменитое и «загадочное» сравнение из «Любви поэзии» «земля вся синяя как апельсин»)¹⁶ есть вполне самостоятельная данность, приглашающая не к проверке «верности природе» или логической оправданности сопоставления внешних примет, но к непосредственному, на веру восприятию его в качестве доказательства творчески-преображающего, а не созерцательно-отражающего присутствия человека во вселенной. И чем невероятнее подобные «доказательства», чем сильнее подчас озадачивают, тем явственнее пьянящее торжество свободного духа, на миг уподобляющегося богу из легенды о семи днях творения.

Возникшие таким путем словесные узлы—строки

¹³ *ОС*, I, 431.

¹⁴ *ОС*, I, 540.

¹⁵ *ОС*, I, 514.

¹⁶ Земля преображена грезящим взором, рисуется средоточием счастья: лазурная безоблачность и вместе с тем душистая золотистость делают ее похожей на земной рай. Ср. другой подобным же путем полученный образ: «Твой златогубый рот звенит в моей груди».

в элюаровском свободном стихе («верлибре», для которого дробящее период неравнострочие вообще важнее размеренной повторяемости и в котором нет заранее заданного рисунка рифм, ассонансов, метрических ходов) не скреплены вместе жестким обручем заранее predetermined размера. И потому они то вытягиваются, то сжимаются до одного-двух слов, а иногда и вовсе отрываются от соседних, «выламываются» из отрывка и существуют сами по себе на отшибе, получая особую весомость. В свою очередь, строки непосредственно стыкуются одна с другой, они сопоставлены или противопоставлены, точнее поставлены рядом без повествовательных, хронологических, рассудочно-логических или иных очевидных переходов. Между отдельными смысловыми «вспышками» завязывается неоднoliniейное «перемигивание»: лучи пересекаются, преломляются, отражаются друг от друга, взаимно притягиваются и отталкиваются. Здесь нет непрерывного и последовательного движения мысли по проводу синтаксиса и версификации, тут скорее переключки огней в фейерверке. Гроздь их создают вокруг себя известный духовный микроклимат, но не складываются в повествование или четкое раздумье.

Так, в результате образуется метафорическая кардиограмма взрывов восторга и горестных метаний, через которые прошел «поэт — бодрствующий сновидец»¹⁷. Лично пережитое закреплено не в прямом рассказе или размышлении, а в иносказательной лирической композиции, оставляющей широчайший простор для бесчисленных подстановок. Эта очень

¹⁷ *ОС*, 1, 515.

осязаемая неопределенность «не отсылает (к уже известному. — С. В.), а внушает и вдохновляет», она «дает пищу надежде или отчаянию», будит отклики, «словно живое существо, заставляет грезить наяву»¹⁸, как бы приобщает и нас к победе надо всем от века предначертанным. И тогда можно с горделивым ликованием возвестить вместе с Элюаром: «Я в силах существовать без судьбы». Не бретоновские вещания безвольного передатчика мистических позывных, агуманистическое мифотворчество, одновременно вызов всякому стеснению, застылости, приниженности и пророчество счастья человека, сделавшегося хозяином земли и повелителем стихий, — такой мыслилась лирика Элюару и такой старался он сделать ее в каждой клеточке словесной ткани.

IV

Пробьет суровый час, когда потрясения истории вынудят Элюара понять, что грезу не претворить в повседневную явь до тех пор, пока не вмешаешься в самую гущу жизни, не овладеешь ее независимыми от нашего хотения законами. И тогда в структуре его лирики наметится частичная перестройка. Пока же это ворожащее визионерство легко и полно вбирало ту песнь разделенной, хотя и не избежавшей трагедий, любви, которая составляла стержень всех книг Элюара, от «Града скорби» (*Capitale de la douleur*, 1926), через «Любовь поэзию» (*L'amour la poésie*, 1929), «Саму жизнь» (*La vie immédiate*, 1930), «Розу

¹⁸ *ОС*, I, 514.

для всех» (*La rose publique*, 1934), «Плодоносные глаза» (*Les yeux fertiles*, 1936), «Естественный ход вещей» (*Cours naturel*, 1938), «Полную песню» (*Chanson complète*, 1939) и вплоть до «Открытой книги» (*Le livre ouvert* I, 1940). Складывавшиеся на протяжении полутора десятков лет, книги эти очень различны, хотя бы потому, что посвящены не одной и той же вдохновительнице: после 1930 г., когда Гала ушла к одному из приятелей Элюара, Сальвадору Дали, спутницей поэта сделалась Нуш, резко не похожая на свою предшественницу¹⁹. Да и сам он шел отнюдь не гладким путем. И все же огромная, на тысячи стихотворных строк, «песнь песней» Элюара, оборванная всего за несколько дней до смерти и заслуживающая отдельного разговора о каждой из ее частей особо, обладает отчетливой устойчивостью исходных моментов, указанием на которые приходится довольствоваться при обзоре, когда он по необходимости краток²⁰.

¹⁹ Биограф, близко знавший семью Элюара, описывает Гала как «интеллигентную женщину, страстно преданную авангардному искусству, волевою, честолюбивую, хотя, впрочем, вполне практичную, подавлявшую Элюара своим беспокойством, которое она неизменно поддерживала и в нем». Зато Нуш, в девичестве Мария Бенц, дочь бедных бродячих артистов из Эльзаса, юность которой была весьма трудной и трудной, — «насоящее дитя народа и по своему прошлому, и по душевному складу. Ей были присущи какой-то спокойный реализм, энергичная мягкость, покровительственная нежность, которые отбрасывали на Элюара свои успокаивающие тени» (*L. Decaunes. Paul Eluard. Biographie pour une approche*, Rodez, 1964, pp. 37—41).

²⁰ Подробнее см. R. Pantanella. L'amour et l'engagement d'après l'œuvre poétique de Paul Eluard. — «Publications des Annales de la Faculté des Lettres». Aix-en-Provence, série:

Элюаровское «люблю» неизменно звучало у него подобно прославленному «мыслью...» Декарта. «Мужчины, женщины, постоянно рождающиеся для любви, в полный голос заявите о своем чувстве, кричите «Я тебя люблю» вопреки всем страданиям, проклятиям, презрению скотов, хуле моралистов. Кричите это вопреки всяческим превратностям, утратам, вопреки самой смерти... Слова любви — плодоносящие ласки... Любить — это единственный смысл жизни. И смысл смыслов, смысл счастья»²¹. В этой пылкой прокламации вечного влюбленного, переданной по радио в 1947 г., Элюар повторил то, что он не уставал твердить всегда: без любви человек — лишь тень самого себя, от любви зависит, быть ему или не быть, знать или не знать о том, что он существует, что он есть. И потому его любовная лирика, будучи задушевнейшей исповедью о самом сокровенно-личном из переживаний и никогда не соскальзывающая к особенно корящей в таких случаях ходульности, вместе с тем глубоко мирозерцательна, в ней не просто заложена философия нашей земной судьбы, она сама, в каждом признании, в каждом обороте есть эта философия.

В XX веке на Западе броский и грустный афоризм «Ад — это другие», принадлежащий Сартру, который

travaux et mémoires, N XXII, 1962; R. Jean. Paul Eluard par lui-même. P., 1968; а также: H. Eglin. Liebe und Inspiration in Werke von Paul Eluard. Bern—München, 1965; на русском языке более развернутый, хотя тоже не вычленяющий каждую книгу в отдельности, анализ любовной лирики Элюара, равно как и всего его пути, можно найти в моем очерке «... к горизонту всех людей» (М., 1968).

²¹ P. Eluard. Le poète et son ombre, p. 161.

чутко уловил ход дел и склад чувств там, где каждодневно кипит «война всех против всех», нередко выдается за непреложную истину. Для уверовавших в него любовь — взаимное мучительство, тщетные судороги двух узников, бессильных выбраться из тюремных одиночек своих душ. Элюар даже в самые тяжелые минуты отчаяния не делал уступок этой философической безнравственности мещанства, и если в его общественных поступках подчас прорывалось анархическое своеволие, то в сугубо частных, сердечных переживаниях он до конца был свободен от индивидуалистической замкнутости. Для него нет ада страшнее, чем одиночество, и «я» вообще становится самим собой только вместе с «ты», без этого личность и для себя — всего лишь зияющая пустота, загадочное нечто.

Зато с момента встречи двоих все тайны рассеиваются, смутное безличье замещается отчетливым обликом. словно волшебное зеркало, глаза, губы, руки, тело возлюбленной при взгляде на нее вспыхивают пестрой радугой отсветов, возвращая любящему его истинный портрет, одухотворенный настолько, что зримы мельчайшие движения сердца, тень улыбки или печали, проблески мысли, пробуждение желаний. «Я заключен в круг зеркала такого чуткого, что если даже воздух струится во мне, у него есть лицо, любимое лицо, твое лицо». Воскрешенный из небытия этим жизнетворным чудо-зеркалом, которое одновременно и отбрасывает падающие на него лучи, и прозрачно, как кристалл горного хрусталя, Элюар с не меньшей жадностью всматривается в распахивающиеся перед ним дали зазеркалья. Нежные слова и ласки обнажают его подругу так, что старое при-

словье о потемках чужой души выглядит унылой глупостью. «Вскоре я стану читать по твоим венам, кровь твоя пронизывает тебя и тебя освещает». Самопознание завершается познанием другого, исчезают все тени, все перегородки, «звезда любви восходит отовсюду — кончено, больше нет следов ночи». Нет помех к тому, чтобы два существа, вдохнувшие друг в друга жизнь и ставшие прозрачными друг для друга, слились в неразлучное одно, породнились так, что ни одна из половин не может оторваться, не обрекая на гибель другую:

Даже когда мы с тобой друг от друга вдали
Все нас роднит

Частица тебя обитает в голосе эха
И в зеркале
В комнате в городе
В каждом мужчине в женщине каждой
В моем одиночестве
И это всегда частица тебя

И это всегда частица меня
Мы разделили наследство
Свою долю ты мне завещала
Я свою завещаю тебе.

Возникшая в такой любви — взаимном сотворении нерасторжимая цепочка жизни «я» — «ты» на этом не обрывается, возлюбленная здесь — посредница, соединительное, а не заключительное звено. Ведь для «полюбившего любовь» она — «одна за всех», заместительница «всех женщин, волнующих меня». «Слушай себя, ты говоришь за других, и если ты отвечаешь, другие слышат тебя. Высоко в небе под солнцем, которое избавляет тебя от тени, ты занимаешь место каждой». И оттого близость с ней не есть отгорожен-

ность, затворничество вдвоем в стенах темной комнаты, а предвестье и зародыш всесветного родства, которое личность устанавливает с себе подобными, больше того — со всем беспредельным мирозданием. «Во всех шорохах вселенной» Элюар улавливает «звучанье ее голоса», а «нежные дороги, прочерченные ее прозрачной кровью, соединяют все земные создания». Между ней и ими устанавливается вечная перекличка:

Ты встаешь и вода раскрывается
Ты ложишься вода расцветает

Ты вода от пучин отведенная
Ты земля пустившая корни
Чтобы все стало прочным на ней

Ты пузырек тишины в огромной пустыне скрежета
Ты играешь ночные гимны на струнах радуги
Ты везде и дороги стали ненужными

Приносишь ты время в жертву
Вечной молодости костра
Который природу окутывает воссоздавая ее.

В таком повороте любовные признания Элюара, при всей их утонченной и хрупкой изысканности, чем-то напоминают пантеистическое язычество лириков древности и Возрождения. Женщина — владычица и душа природы, постигшая язык ее недр, вхожая в ее святая святых. И каждое слово в разговоре с ней — как бы прямое общение со всем сущим, каждая ласка — прикосновение к самой плоти земной, каждая минута близости — слияние с бытием, от обычных вещей до космических стихий. Элюар, как замороженный, перебирает в уме бесценнейшие чудеса, которые он получил в дар от женщины — все-

могущей фен жизни: «дневная листва и мох росистый, камыш на ветру, благоухающие улыбки, крылья, покрывшие землю светом, корабли, груженные небом и морем, уловители шумов, источники красок, пахучий выводок зорь, что покоится на соломе звезд».

И еще один, быть может, самый дорогой подарок: «ночь, которая была, наверное, не последней, но все же первой ночью без страхов, ночью, подобной дню без трудов, без забот, без отвращения». А потом были еще и еще эти сказочные ночи-дни, ночи-праздники, ночи-путешествия в радость. Значит, любви дано избавить нас от невзгод, как избавляет она от одиночества, значит счастье — не выдумка утешителей, оно вокруг, рядом, до него рукой подать. Вопреки всем скептикам и плакальщикам, вопреки сдавшимся и поникшим в отчаянье, Элюар поет надежду. Он сам извещал: «Несправедливость немыслима, пока есть на свете одно дорогое тебе существо». Опровергнув легенду о роковой разобщенности людей, любовь разрушает и миф об изгнанничестве греховной твари в юдоли земной. Христианское недоверие к плоти — источнику грехопадения — у Элюара начисто отбрасывается, как отбрасывается и угар чувственности болезненной, дурманящей. В блаженстве, в том числе и доставляемом плотским наслаждением, он не усматривает ничего зазорного, запретно-унизительного. И потому о женском обнаженном теле, о «пылающей лампе желания, что зажигается на твоём лице среди ясного дня», о «разделенных ночах» и «расстеленной кровати — усыпанном звездами кусте метаморфоз» у него говорится откровенно и прямо, без ханжеской стыдливости и ее постоянной спутницы — скабрёзности. Эрос Элюара светел, радостен,

не омрачен разладом чистоты и плоти, духа и материи, потому что для всякого живого существа он изначален и естествен, как дыхание.

Исполнение в любви самых заветных, самых исконных запросов человека окрыляет его так, что самые отчаянные дерзания кажутся ему по плечу. И тогда он принимается вдохновенно переделывать все вокруг по образу и подобию своей мечты. По манию ее волшебной палочки на земле воцаряется золотой век. Земной шар приобретает невесомость пылинки, срывается с места и кочует в межзвездном пространстве. Твердые тела струятся, плотные предметы прозрачны, тусклые поверхности флуоресцируют. Огонь и снег вовсе не враждуют, дождь обжигает, яркие лучи несут прохладу, ночи озарены снопами искр, день не знает теней. Чудится, что повсюду дворцы из какого-то неведомого, радужно-переливчатого хрусталя, мерцающего изнутри мириадами звезд. Чистота его сохраняет все тепло их живого свечения. Когда Элюар хочет представить этот материал нагляднее, он попросту смешивает природные стихии воды, огня, света: так появляются «родники света», «свелящиеся слезинки», «дождь языков пламени», «блуждающие капельки огня в холодной воде», «звезды, плавающие в озерах»...

Залитая полуденным солнцем, омытая росой, элюаровская сказочная страна счастья под стать разве что ее хозяевам — двоим влюбленным. Неподвластные земному притяжению, не ведающие границ времени и пространства, пренебрегающие причинностью и необходимостью, они обладают восхитительной легкостью птиц, столь стремительных в своем полете, что возникает впечатление, будто они бесплотны

и «у них никогда не было тени», будто это какие-то дневные светляки — «хрустальные птицы», «птицы-брильянты», «орлы из чистейшей воды». Любимая похожа на «воздушного водолаза в легчайшем оперении», и, когда она несет поэта «на крыльях своих глаз», он верит: «больше нет ничего, кроме их полета, стряхивающего прах моих невзгод, кроме их звездного и светозарного полета». Оба они, он и она, делаются ядром, средоточием жизни своего чудесного края. Элюар обнаруживает источник жизнетворного тепла в себе самом: «дремлет стоя во мне огонь», чаще — в подруге, чье «лицо — обнаженное солнце», чьи «зрачки — башни света», чьи «руки в зарослях трав рождают день», чью шею сама «заря обвила ожерельем». «И вижу я, как в ладонях ее вновь зажигается свет, и они взмывают ввысь, точно языки пламени после дождя. Пламя пальцев тянется навстречу небесному огню». Происходит встреча любимой и солнца, огня души и огня мироздания. И поэт, через нее обручившийся с самим владыкой вселенной, отныне и навсегда постигает, что он не жалкая пылинка, не червь в норе своего отшельничества, но богоравный собрат самого светоносного огня. Так в лирике Элюара смыкаются ее пафос и ее обличье, красной нитью тянувшийся через нее мотив и словесная структура, его воплотившая: любовь дает толчок прометеевской грезе, которая, в свою очередь, дает материал для лучезарных снов, чтобы зримо передать восторг и блаженство, суметь высказать несказанную радость.

V

В той мере, однако, в какой Элюар не хотел закрывать глаза на то, что навешанные ему любовью головокружительные дерзания — все же лишь подвиги вымысла, что он только «воображает свое всемогущество», предоставляя всему идти по-прежнему своим чередом, отнюдь не обнадеживавшим, — его визионерство далеко не всегда настроено на одну счастливую волну. Случается, и не так уже редко, что радужные видения вдруг меркнут, заслоняются совсем иными — сумрачными, кошмарными, залитыми апокалипсическим «черным светом». Вместо алмазных россыпей возникают груды булыжников, вместо чистых озер — гнилые болота, вместо зеленых полей — заброшенные пустыри. По-весеннему безмятежные улыбки природы стягиваются в жуткие гримасы зимы, дворцы оборачиваются лачугами. Смятение липкой паутиной обволакивает мозг, промозглый холод леденит сердце: «Бодრствуя, я часто испытывал чувство изоляции, страха, страданий, агонии». Тягостность подобных пробуждений не случайна: ведь каждый раз очнувшийся от сладких снов счастливец вынужден вспоминать, что грезы — мнимое, кажущееся «приручение» враждебных судеб, что, сколько бы им ни предаваться, беда за каждым углом по-прежнему стережет счастье и устроенные в мечтах пиршества всепобеждающего духа — едва ли не пир среди чумы. Что — короче — слово и дело вещи разные. И тогда, в дни горьких отрезвлений после пьянящих взлетов вымысла, Элюара нередко охватывает досада и раздражение. В приступе ярости он бывает готов раз-

валить, как карточные домики, им же заботливо возводившиеся воздушные замки:

Разумеется я ненавижу царство буржуев
Царство шпигов и попов
Но сильнее стократ я ненавижу людей
которые не ненавидят его

Так же как я
Всей душой.

Я плюю в лицо ничтожнейшему пигмею
Который всем стихам моим не предпочтет
эту *Критику поэзии*.

«Критика поэзии», завершавшая сборник «Сама жизнь», вводит нас в суть метаний, бывших уделом и Элюара, и многих его товарищей по сюрреализму. С первых своих манифестов шумно заявляя о своем крайнем бунтарстве, сподвижники Бретона всячески подчеркивали, что они гораздо больше озабочены перестройкой «склада мышления» и «созданием нового мистицизма», чем «изменением внешнего физического порядка вещей»²², проще говоря — чем социальной революцией. По сути за их архимажными лозунгами вырисовывается замысел достаточно безобидного «душеспасения», не посягавшего всерьез на устои общества, где они жили, и довольствовавшегося попытками вытравить из самих себя скверну филистерства и мещанской псевдокультуры. Вмешательство же в ход истории ими сперва отвергалось вовсе как суетная возня из-за пустяков, а позже снисходительно допускалось, но лишь постольку, поскольку обслуживало их психоаналитическую натур-

²² M. Nadeau. Documents surréalistes. P., 1948, p. 42.

магию. Понятно, что жрецам этого культа — лирикам в кружке Бретона строжайше возбранялось столь «недостойное» их занятие, как сочинение гражданских, революционных вещей, более или менее прямо откликавшихся на насущные заботы дня («обстоятельства»). Тем самым творец обрекался на пекие бдения наедине с тайной своего подсознания и в стихах ему было заказано хоть как-то касаться того, что происходило в обществе и что, быть может, страстно волновало его в повседневной жизни. А это могло рождать у него болезненное чувство невосприимчивости сделанного за письменным столом, своей непричастности к чему-то едва ли не более важному, чем все его писания. Отсюда, из этого мучительного раздвоения, — запальчивый вызов элюаровской «Критики поэзии».

От года к году раздвоенность эта делалась для Элюара все более явной и все более невыносимой. Одна за другой выходили его книги, в них все так же разматывался клубок проникновенно-нежной тревоги, но там не найти отклика на то, что лихорадило Францию накануне и в пору Народного фронта и к чему сам Элюар вовсе не оставался равнодушен. Напротив, он сразу и безошибочно распознал врага в рвавшемся к власти фашизме, отечественном и зарубежном, и без колебаний встал в ряды левой интеллигенции, которая пыталась вместе со всеми французскими трудящимися преградить ему дорогу. В феврале 1934 г., после провала фашистского путча в Париже, он участвовал в составлении «Призыва к борьбе», где, в частности, говорилось: «События последних дней со всей грубостью и неслыханной быстротой поставили нас перед непосредственной угрозой фашизма... Нельзя терять ни минуты... Мы обра-

щаемся ко всем трудящимся, организованным или нет, но исполненным решимости преградить дорогу фашизму, с лозунгом: ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ»²³.

А три года спустя в письме к дочери (напомним, что ее мать была русской) он еще прямее разъяснял свою позицию: «Ты хорошо знаешь, что я за коммунизм, против фашизма... Только режим, основанный на равенстве, способен обеспечить мир и исчезновение богатых и бедных. В настоящий момент мне просто хочется, чтобы ты была за угнетенных и против угнетателей. А угнетатели это те — вся буржуазия, — кто непрестанно, ради обогащения самих себя, заставляет людей работать, кто для этого держит людей в невежестве, твердя им, будто необходимо, чтобы были бедные (следовательно, и богатые). И вот эти-то хозяева даже не умеют разумно править, не умеют предотвращать кризисы, безработицу, войны... Чудовищное неравенство царит в современном обществе. В СССР, твоей стране, этого больше нет»²⁴. Гуманизм Элюара, до сих пор скорее утопический, обретал отчетливо революционные установки.

Тщетно было бы искать, однако, вплоть до 1936 г. следов этих сдвигов в самих стихах Элюара. Правда, его взывающая счастья лирика уже сама по себе была вызовом всему, что калечит и принижает человека, но пока что она словно бы страшилась запачкаться, погрузившись в общественный поток, все больше затягивавший ее создателя. Нужен был, видимо, резкий толчок извне, и такой пробуждающей встряской для Элюара оказалась гражданская война

²³ М. Nadeau. Documents surréalistes, p. 252.

²⁴ Р. Eluard. Choix de lettres à sa fille (1932—1949). — «Europe», N 403/404, 1962, p. 28.

в Испании. В самом начале 1936 г. он ездил туда с лекциями о Пикассо, а осенью выступил с «Ноябрем 1936» — криком боли и тревоги за осажденный франкистами Мадрид, презрительной отповедью «строителям развалин». Затем, с перерывами, последовала «Победа Герники», «Вчерашние победители погибнут» и другие отклики на трагедию республиканской Испании. Тогда же, в лекции «Очевидность поэзии», Элюар открыто обосновал поворот своего творчества лицом к сегодняшней истории. «Пришло время, когда право и долг всех поэтов настаивать, что они глубоко погружены в жизнь других людей, в общую жизнь... Все башни из слоновой кости будут разрушены... Сегодня одиночество поэтов исчезает. Отныне они люди среди других людей, у них есть братья», «они вышли на улицы, они оскорбляют владык, они отвергли богов, они выучили мятежные песнопения обездоленной толпы и, не падая духом, стараются обучить ее своим песнопениям». Отныне для самого Элюара «истинная поэзия заключена во всем, что освобождает человека... она равно в изобретении радио, в подвиге ледокола «Челюскин», в Астурийском восстании (и, затем, в поразительной защите испанского народа против его врагов), в забастовках во Франции и Бельгии»²⁵.

После столь непочтительного нарушения заповедей «папы сюрреализма» Бретона, с узостью фанатика накладывавшего табу на подобное вторжение лирики в самую гущу событий, размежевание Элюара с его вчерашними попутчиками было лишь вопросом времени. Оно и произошло к концу 1938 г. Последние

²⁵ *ОС*, I, 513—514, 519, 521.

предвоенные книги Элюара — «Полная песня» с ее «поиском большого зова, чьим отголоском хочет стать мой зов» и особенно «Открытая книга», где «серый сумрак» кануна катастрофы «сошелся в схватке с вечными чудесами» жизни, — отмечены устремлениями, об отличии которых от прежних он сам сказал достаточно четко: «Дневной свет и ясное сознание осаждают меня теперь столькими же тайнами, столькими же невзгодами, как прежде ночь и сновидения»²⁶.

VI

Осенью 1939 г. Элюар снова был мобилизован. Томительные месяцы «странной войны» он провел на железнодорожной станции, которую охраняла его часть. Разгром Франции в июле 1940 г. забросил его далеко на юг страны, откуда к концу лета он вернулся в Париж, занятый гитлеровцами. А через год вышла в свет, пока что легально, тоненькая книжка Элюара «На нижних склонах» — одна из первых ласточек патриотической поэзии, которая поначалу, до ухода в подполье, прибегала к зашифрованному языку намеков. Уже тогда в «серой, бесчувственной, притихшей стране» Элюар сумел различить, как «перекликались немые, переглядывались слепые, слушали друг друга глухие». Он предрекал: в замерзших «пристыженных владениях, где и у слез одни лишь грязные зеркала... солнце скоро стряхнет с себя пепел». Первые же отклики Элюара на поражение — не плач отчаявшегося, а песнь побежденного и все же вос-

²⁶ ОС, I, 867.

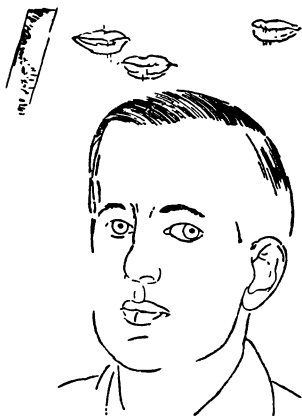
стающего против своей рабской доли. В полном смысле — лирика сопротивления.

Вскоре Элюар посвятил себя всего без остатка делу освобождения Франции. Он оказался хладнокровным дерзким подпольщиком. Те, кто знал давно этого хрупкого человека, не привычного к лишениям и невзгодам, поражались, встречая его теперь на улицах бедствующего Парижа с портфелем в руках, который был набит рукописями, корректурами, листовками. Почти каждое утро он пускался в рискованное путешествие по городу, чтобы повидать типографов, получить очередной материал, наладить распространение отпечатанного накануне, подыскать явочную квартиру, установить связь с заключенными в тюрьмы и намеченными к отправке в «лагеря смерти». Один из тех, кто возглавлял тогда французскую интеллигенцию, Элюар брался за самую черновую и опасную работу. Он сделался душой крупнейших нелегальных изданий: был среди руководителей «Полночного издательства», сотрудничал в газете «Летр франсез», составил две антологии «Честь поэтов» (*L'honneur des poètes*, второй выпуск назывался *Europe*), выпускал книги «Французской библиотеки», в 1944 г. основал журнал «Вечное обозрение» (*L'éternelle revue*). Когда жить в его парижской квартире на улице Ла Шапель стало крайне опасно, он вместе с женой нашел тайное убежище у друзей. Зимой 1943/44 г. Элюар скрывался в горной психиатрической лечебнице Сент-Альбан, куда к нему приезжали связанные. В канун Освобождения он снова в Париже. И хотя сам Элюар прямо не сражался в рядах макизоров и повстанцев, вышвырнувших в августе 1944 г. из столицы немецкий гарнизон, партизанская медаль

Сопrotивления, которой он был награжден, — справедливое признание его боевых заслуг перед Францией.

Еще весной 1942 г., когда были казнены первые патриоты-заложники и за одно подозрение в принадлежности к Коммунистической партии Франции карали смертью, Элюар стал коммунистом. Шаг, требовавший огромного гражданского мужества, был вызовом захватчикам, данью восхищения «партий расстрелянных». И вместе с тем он как бы венчал искания всей его предшествующей жизни. От гуманизма добрых пожеланий и крылатых грез он окончательно приходил к гуманизму революционному, исторически действенному. Подвиги народа, который в трудные дни был возглавлен коммунистами, предстали перед Элюаром благодаря Сопrotивлению как воплощение на деле священных для него идеалов чистоты, созидания и братства, его давней мечты о человеке-работнике, который хочет быть творцом своей судьбы, миллионов судеб. Примкнув к «партии Франции», заявил Элюар, «я хотел быть заодно с людьми моей страны, которые идут вперед к свободе, миру, счастью, к подлинной жизни». В пору оккупации к Элюару, как и к многим интеллигентам его поколения, пришло то живое, непосредственное чувство локтя в сомкнутом строю товарищей по борьбе, без которого он тосковал и метался на протяжении многих лет.

А вместе с ним самим в школе подполья мужала и его лирика. Ее лозунгом стало «петь, сражаться, кричать, драться и спастись», ее сутью — поиск «правды, совсем обнаженной, очень нищей, жгуче пламенеющей и всегда прекрасной». Своему очеред-

П о л ь Э л ю а р .

Рисунок Маркуси на фронтисписе сборника
«Белокрылые белошвейки» (1945)

ному сборнику, появившемуся в мае 1942, Элюар подчеркнуто дал заголовок, заимствованный у Гете и лишь уточненный датой: «Поэзия и правда 1942 года» (*Poésie et vérité 1942*).

Правда сорок второго года вторглась на эти страницы прямо из жизни поистине оголенной, кровоточащей («Вымуштрован голодом ребенок»). Она не скрывала трагедии. Но не умалчивала она и о том, как «закованный в ночи человек» «ломает цепи» и «готовит утро». Правда Элюара взывала к отмщению, внушала мужество («Последняя ночь»). Он преподавал науку ненависти и лечил надеждой.

Вступая на дотоле ему почти неведомое поприще гражданской лирики, Элюар миновал подводные рифы

декларативного риторства, на которых нередко застревают в подобных случаях поэты, долго замыкавшиеся в пределах сугубо личных переживаний и сновидческих озарений «Поэзию и правду 1942 года» открывала прославленная «Свобода». Листовки, на которых она была отпечатана, сбрасывали тогда с самолетов над городами и партизанскими краями Франции. А между тем это исповедальное заклинание, сделавшееся исповедью миллионов соотечественников Элюара, продолжало быть все таким же, какие он прежде слагал в честь возлюбленной (кстати, «Свобода» и была задумана как обращение к Нуш, чье имя должно было стоять в последней строке). Элюар, как и раньше, сплетает друг с другом безыскусные обозначения самых обычных и совершенно неожиданно поставленных рядом вещей, которые он мысленно испещряет дорогим словом «свобода». Перечень этих вещей будто бы вовсе произволен, зиждется на отработанной еще в годы сюрреализма технике бесконечного прихотливого потока образов, которые всплывают в сознании пишущего и кажется, перенесены на бумагу без тщательного отбора, без вмешательства логики. Непосредственность такого «инвентаря», включающего все, на что невзначай упал взгляд, что внезапно мелькнуло в уме, и прежде очищала признания Элюара от малейшего налета заданности, умозрительности, делая их на редкость доверительными, проникновенными.

И все-таки хаотичность этого нагнетания вразброс лишь кажущаяся. Она-то как раз несет в себе, внушает мысль о всепроникающей, одухотворяющей все бытие — от простейших предметов обихода до сложных достижений духа — страсти, с детских лет за-

владевшей человеком. О ней, этой приверженности к одному, самому важному и насущному, говорит уже само построение: мастерски найденное соответствие общего композиционного хода со структурой каждой отдельной строфы (элементарное перечисление, стянутое концовкой в узел). Виртуозный двадцатикратный синтаксический повтор, усиленный еще и буквальным повторением последней его строки, обрывающей фразу на полуслове, всякий раз усиливает ожидание заключительного слова-разрядки. Неупорядоченность в частностях получает полновесную смысловую нагрузку, из кирпичиков, случайно оказавшихся под рукой, складывается здание, являющее собой высший поэтический порядок. И сама свобода предстает не чем-то внеличным, не кумиром, которому должно поклоняться, но стихией, проникшей в плоть и кровь каждого, растворенной в любой клеточке его личности, посылающей ему свои позывные из всех уголков вселенной. Оттого-то она чрезвычайно близка всем. Элюар говорит лишь от своего имени, но сказанное им отливается в формулу умонастроения всех и каждого в отдельности, дающую возможность «присвоить» ее как свою собственную, лично выстраданную. И это сделало элюаровский текст патриотической молитвой французов, псалмом вольнолюбия, к которому прибегали, когда надо было выразить самое сокровенное, «символом веры» порабощенного, но не ставшего на колени народа.

Разумеется, далеко не всегда запас навыков мастера мог удовлетворить Элюара теперь, когда он овладевал оружием лирической публицистики. Книга «Лицом к лицу с немцами» (*Au rendez-vous allemand*, 1944), где он собрал патриотические стихи

времен гитлеровского нашествия, свидетельствует, что, не отрекаясь от себя прежнего, Элюар блистательно освоил не знакомые ему прежде жанры гротескного памфлета («Тупые и злобные»), листовки-призыва («Извещение»), надгробного слова у могилы павшего товарища («Габриэль Пери»), злободневного отклика («Продавцы индульгенций»). А это, в свою очередь, требовало несколько иной, чем до того, работы и с самим языковым материалом. В его поэтике тех лет заметны следы изменений, которые произошли в исходных позициях Элюара, переставшего чураться истории и озабоченного тем, чтобы сказанное им было услышано и понято даже самыми неискушенными. Обыкновенное расхожее слово, с которым он всегда предпочитал иметь дело, но которое в эллиптической метафоре прежнего Элюара вступало с другими такими же словами в самые неожиданные сочетания, подчас сбивавшие с толку своей причудливой загадочностью, теперь у него гораздо более оголено. И потому особенно прозрачно, выпукло, как самородок, уже освобожденный от примесей и еще не обработанный, пока не загнанный в роскошную оправу.

Языкотворчество позднего Элюара, имевшее прежде одним из основных источников резкое смещение семантических рядов и подрыв отстоявшихся привычных соответствий, начинает вообще тяготеть к укреплению логических опор, к тому, чтобы из расплывающегося и зыбкого словесного сырья строить высказывание крепко сбитое, отточенное, лаконичное. Жестче, проработаннее делается ритмическая основа стиха, весомее звукопись, четче гранение с помощью синтаксиса. Простое слово все чаще оборачивается

словом крылатым, афоризмом, лозунгом, заповедью. Охотно прибегает Элюар и к старинным фольклорным приемам: сказовым зачинам, песенным повторам, подхватам («Затемнение», «Мужество», «Той, о которой они мечтают»). Напевность, которой он прежде избегал, дает теперь ту неброскую подспудную музыку, какая была присуща когда-то Шарлю Орлеанскому, тому из средневековых лириков, кто был ближе других Элюару. И эта негромкая, скромная манера Элюара говорить о беззаветной отваге и безутешном горе, о нестерпимом страдании и пылкой мечте голосом нежным, чуть задумчивым, по-детски бесхитростным и чистым потрясала его соотечественников ничуть не меньше, чем меднотрубная пламенность иных его собратьев по перу и подполью.

VII

«Целью поэзии должна стать практическая истина» — словами Лотреамона, одного из «проклятых поэтов» XIX столетия, озаглавил Элюар стихотворение, где он подытожил то, что сделал в Сопротивлении, и вместе с тем выступил с манифестом всей своей послевоенной лирики. За это соединение «грезы и дела», пропасть между которыми сто лет назад с болью обнаружил Бодлер и которая вплоть до наших дней мучит едва ли не каждого крупного поэта Франции, Элюара не раз укоряли в отступничестве, в подчинении безбрежной свободы словотворца нуждам и заботам действительной перестройки жизни. На упреки своих «взыскательных друзей» он неизменно и твердо отвечал, что не видит ничего зазорного в том, чтобы

«служить общему делу, ибо все люди, уважающие себя, служат делу — вместе со своими вчерашними братьями, сегодняшними братьями, братьями завтрашними» ²⁷.

Подобно Жолио-Кюри, Пабло Неруде, Эренбургу, чьи имена в пору «холодной войны» стали известны на всех континентах, Элюар последние годы жизни отдал сплочению людей доброй воли, взаимному сближению народов и культур, развенчанию расистских и милитаристских мифов, натравливающих друг на друга ближних и дальних соседей. Как посланец Франции и международного движения борцов за мир он в эти годы побывал в Бельгии, Англии, Швейцарии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Мексике. В 1946 г., в разгар кампании за установление республики в Италии, по приглашению итальянских коммунистов он проехал от Милана до Неаполя с циклом выступлений. Оттуда он направился в горные партизанские районы Греции, а через три года вновь посетил их вместе с Ивом Фаржем. Дважды, в 1950, а затем, по случаю юбилеев Гюго и Гоголя в 1952 г., он приезжал в нашу страну, которая рисовалась ему «страной воплощающейся надежды». За сухим перечнем этих поездок — тысячи километров до суши, воде, воздуху, тысячи дружеских бесед, митингов, интервью, встреч, — каждодневный труд, требовавший огромного напряжения, добродетельности, стремления понять, умения убедить.

И все, что сделано, передумано, узнано за эти годы кипучей жизни в самой гуще событий, находит живой

²⁷ *ОС*, II, 550.

Поль Элюар.
Рисунок работы Марка
Сен-Санса (1950)

отклик в таких книгах Элюара, как «Политические стихи» (*Poèmes politiques*, 1948), «Греция роза моя» (*Grèce ma rose de raison*, 1949), «Посвящения» (*Hommages*, 1950), «Лик всеобщего мира» (*Le visage de la paix*, 1951). Он писал о «товарищах-печатниках» и шахтерах-забастовщиках из департамента Нор, о греческих партизанах и испанских подпольщиках, о вожде бразильских коммунистов Престесе и мексиканском живописце Сикейросе, брошенном в тюрьму, о борце против «грязной войны» во Вьетнаме Анри Мартене и работницах парижского района — «сестрах надежды», о Марселе Кашене и Жаке Дюкло — обо всем, что составляло тревоги и надежды тех дней. Для него нет тем запретных, и, словно спеша навер-

стать упущенное за то время, когда всяческие запреты отгораживали его лирику от «внешних обстоятельств», он теперь жаждет «сказать обо всем». Именно так — «Суметь все сказать» (*Pouvoir tout dire*) — названа выпущенная им в 1951 г. книга, своего рода *ars poetica* позднего Элюара.

Сейчас, когда отодвинулись в прошлое многие из имен, дат и случаев, послуживших толчком для Элюара, немало из его тогдашних вещей выглядят всецело достоянием истории и его общественной биографии. Но далеко не все. Тогда, когда происходило, по его словам, «совпадение обстоятельств внешних с обстоятельствами внутренними»²⁸, когда писавшееся по горячим следам событий позволяло подхватить, углубить, заново осмыслить то, что издавна было ему близко и дорого, его лирика опять обретала окрыленность.

Смолоду счастье в глазах Элюара было неподдельным в той мере, в какой оно счастье разожженного огня и дружеского рукопожатия, в какой оно — со-творение. Однако тогда он скорее грезил им, теперь же открывает хранителей прометеева пламени в самых своих скромных товарищах по жизни и делу. Они есть среди заключенных франкистских тюрем, что «разжигают пламя в мраке, и пламя зарю приносит, росу и прохладу утра, победу и радость победы», среди партизан Греции, добывающих в сражениях «свободу, подобную морю и солнцу, и хлеб, подобный богу, хлеб, роднящий людей». Они, эти огненосцы, есть и совсем рядом, их можно встретить в ничем не примечательном парижском квартале,

²⁸ ОС, II, 942.

«где мужество жить, несмотря на нищету, вопреки нищете, сверкает на грязной мостовой, рождая чудеса». Ведь ныне даже обитатели тихих забытых уголков Парижа «знают, что улицы их — не тупики, и они не напрасно протягивают руку, чтобы соединиться с себе подобными. В моем прекрасном квартале сопротивление — это любовь. Женщина, ребенок — сокровища. А судьба — побирушка, чьи лохмотья, рухлядь и хищную глупость однажды, в ясный день, сожгут дотла» («В моем прекрасном квартале»). Элюар не отворачивается от убогой изнанки жизни, от тягот, остающихся уделом тех, кто в поте лица добывает свой хлеб. И все же еще никогда, пожалуй, даже в самые светлые минуты, его лирика не прониклась столь неколебимой убежденностью, что горе не неизбежно, что человек — не былинка, подвластная слепому року, а «строитель света», своим каждодневным трудом подчиняющий недобрую судьбу.

Гражданская лирика входила в творчество Элюара не только не тесня «долгое любовное раздумье», но даже раздвигая его горизонты. Гитлеровское нашествие на первых порах заставило, правда, Элюара резко отгородить свой семейный очаг от всего остального, укрыться здесь от хмурой исторической непогоды, очертить вокруг этого последнего прибежища магический круг, сквозь который не проникнуть смертоносным стихиям извне: «Вечер крылья сложил над Парижем в отчаянии, наша лампа поддерживает огонь, как узник — свободу». Но уже в книге «Постель стол» (*Le lit la table*, 1944) славословие этому хрупкому оплоту нежности и тишины — не попытка хоть на миг забыться, а вызов и свидетельство несломленности. Коль скоро любовь уберегает от отчая-

ния, оставаясь неколебимой и посреди катастрофы, значит наша, на первый взгляд такая беззащитная, тяга к радости крепче самой прочной брони, значит, дух наш наделен безграничным запасом жизнестойкости. И «в годину эту мы сохраним сопротивление детства, обнаженность листвы, обнаженность твоих светлых глаз». Любовь на войне укрепляет мужество уже одним тем, что она не умерла, что ее не согнул и не сломал ураган человеконенавистничества. И в этом смысле она — урок, помогающий выстоять не только самим любящим, но и многим другим, всем, с кем они делят невзгоды, утраты, подвиг. Элюар с полным правом полагает: «О ближний мой, мое раздумье о любви — и для тебя, и для меня».

Близость двоих, впрочем, не просто духовная опора среди разрухи и бед. По мере того как во Франции нарастал отпор захватчикам, Элюар укрепляется в ином, чрезвычайно требовательном взгляде на любовь. В «Семи стихотворениях о любви на войне» «нежное товарищество» двоих оказывается и предвестием товарищества всесветного, и побуждением к борьбе за то, чтобы последнее восторжествовало. Отныне любовь не воспаряла над историей и не скрывалась от нее. Отныне для Элюара «мы двое» также немислимо без «мы все», как раньше «я» было немислимо без «ты». «Не в одиночку мы к цели идем, а вместе с любимыми, понимать научившись любимых, мы научимся всех понимать, все мы друг друга полюбим, наши дети будут смеяться над черной легендой о человеке, который был одинок».

Оттого, что в книгах позднего Элюара «Белокрылые белошвейки» (*Lingères légères*, 1945), «Жаркая жажда жить» (*Le dur désir de durer*, 1946), «Леда» (*Léda*,

1949), «Феникс» (*Le phénix*, 1951) и других страсть двоих стремится вырваться из уютного дома и измерить себя масштабом жизни многих, накал переживаний только возрастает. Любящая пара, супруги, мы — это по-прежнему союз, наделенный волшебной силой давать тепло, радость, саму жизнь. «Сперва я назову стихии: твой голос, твои руки, твои губы. Разве был бы я, если б не было тебя» — так рисуется Элюару ветхозаветное предание о сотворении жизни на земле. Вначале было двое: встреча мужчины и женщины, Адама и Евы (Элюар упоминает чегу библейских прародителей в эпиграфе к «Фениксу») — начало всех начал. То, что предшествовало, — предистория, первоначальный хаос, из которого человек пока не выделился: один, он «очаг без огня, пустой колодец, гавань без кораблей». Плоть, кровь, дух наполняют эту полую оболочку лишь тогда, когда к ней устремится «взгляд глаз столь же чистых, как и мои», когда прозвучат первые слова приветя, когда к ней «протянутся руки, неустанные труженики сегодня, мужественные даже во сне». «В пустыне, которая обитала во мне и меня одолевала, она обняла меня и, обняв меня, приказала мне видеть и слышать». И «я», отразившись в «ты», — стало. И с этой минуты перед обоими распахнулись, чтобы впустить их, врата лучезарного «града солнца», во всем противоположного давнему «граду скорби».

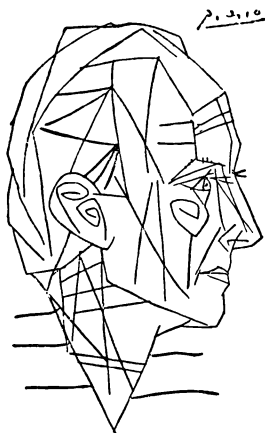
Счастье обитателей этого «города», где всё в ласковом согласии с их запросами, где «судьба» — лишь продолжение их желаний, не может не быть вкладом в завоевание счастья всеми другими. Ведь уже одно то, что оно стало чьим-то уделом, развенчивает в глазах остальных ханжеские доводы проповедни-

ков долготерпения, кричит во всеуслышанье, что человеку дано не просто гнаться за счастьем, но и достигнуть его. И в этом смысле любящие вносят в общую сокровищницу свой личный дар, чтобы человечество воспользовалось им и его стократ приумножило. У «любви всегда столь значительные поля, что силы надежды находят там прибежище, чтобы вернее добиться освобождения». Супруги — словно сеятели, бросающие в плодородную почву семена, которые дадут щедрые всходы в умах и сердцах:

Но первое слово
Обетованного счастья людского
Что начинается счастьем двоих
Это доверчивый голос песни
Против голода против страха
Это всеобщий сбора сигнал.

Было время, когда для Элюара любовь была помощницей вымысла, феей-повелительницей грез. Теперь она, по-прежнему вдохновляя, вместе с тем возвращает на землю, побуждает сегодня и здесь утвердить справедливый, человеческий порядок вещей. Она — соратница в общем историческом творчестве. Когда любящий рассказывает о себе и своей подруге, его звездная быль откликается в сердцах слушателей приглашением в свою очередь преломить хлеб радости. Самое личное из чувств — и призыв, и первый шаг к тому содружеству людей-братьев, которое грядет, коль скоро их потребность в раскрепощении воплотится в дела.

В ноябре 1946 г. элюаровская «нить братства» оборвалась: смерть пришла в его дом и унесла Нущ. Для Элюара эта гибель казалась пропастью, куда рухнули в один миг обломки рассыпавшейся на куски жизни.

Поль Элюар.
Рисунок работы Пабло
Пикассо (1959)

«Увидеть мне дано, как жизнь моя уходит с твоею вместе». Все, что прежде выглядело осмысленным, погрузилось в ночь, где он сам — лишь «черная тень в ночи», лишь «росток смятенья», «нуль», расплзающийся вширь. Приступы отчаяния были так сильны, что Элюар очутился на пороге самоубийства.

Исповедь Поля Элюара у свежей могилы Нуш в его книгах «Лишнее время» (*Le temps déborde*, 1947), «Памятное тело» (*Corps mémorable*, 1947), «Урок морали» (*Une leçon de morale*, 1949) и особенно в тексте «От горизонта одиночки к горизонту всех», предпосланном «Политическим стихам», принадлежит к самым трагическим и самым мужественным стра-

ницам французской лирики. Длительная острая ставка Элюара с мертвой, это жуткое «свидание с небытием», — история человека, прошедшего все круги духовного ада, но все-таки не поддавшегося искусству превратить свою муку в наслаждение и в конце концов сумевшего вернуться к живым с самого дна отчаяния. В нисхождении вслед за призраком умершей по ступенькам все более беспросветного одиночества однажды наступил момент, когда он с предельной ясностью ощутил, что подлинная верность той, «чье сердце устремлялось навстречу другим сердцам», — не зачарованность маской, снятой с ее лица на смертном ложе. Верность ей совсем в другом, в сохранении того, что было добыто и завоевано вдвоем, когда они были вместе и твердо знали: «Жить — значит разделять жизнь с другими... Единственное возможное убежище — весь мир». И этим воспоминанием собеседник смерти «был возвращен к себе подобным как законный брат». Он робко протянул руку навстречу тем, от кого еще вчера, казалось бы, был навеки отделен внезапно выросшим могильным холмиком, его лицо вновь озарила слабая улыбка надежды, на которую получил право победитель, одолевший смерть в собственной душе. После этой «прожитой и побежденной смерти» становится возможным воскресение к жизни, а следовательно, через несколько лет, встреча с другой женщиной — Доминикой, которую Элюар узнал в 1949 г. в Мексике и которая была с ним до его последних дней. Ей посвящена книга «Феникс» — книга о восставшей из праха любви:

Явилась ты и ожил вновь огонь
Мрак отступил заискрился мороз

• • • • •

Я шел к тебе я шел упрямо к свету
Жизнь обретала плоть звенел надежды парус
Мечтами сон журчал и ночь глядела
Доверчиво и просто на зарю
Лучами пальцев ты раздвинула туман
Твой рот был от росы рассветной влажен
Усталость отдыхом сверкающим сменялась
И я как в юности уверовал в любовь.

Поль Элюар умер после приступа тяжелой болезни 18 ноября 1952 г. За его гробом шли тысячи парижан. Соболезнования, поступавшие к его близким со всех континентов земного шара, на свой скорбный лад подтверждали мысль, высказанную им незадолго до смерти: «Поэт следует собственной идее, но эта идея приводит его к необходимости вписать себя в кривую человеческого прогресса. И мало-помалу мир входит в него, мир поет через него»²⁹.

Когда оглядываешься на сделанное Элюаром за «сорок лет, бросается в глаза даже не столько его редкая одаренность, сколько умение, мужая и меняясь, быть верным самому себе, своему призванию, рано осознанному долгу на земле. С первых шагов в лирике он понимал счастье как «изобретение огня» и обретение братства. Шли годы, разной была почва, на которой Элюар пробовал развести свой житнетворный костер. Но это был все тот же костер — созидания и дружеских уз. И поскольку пламя, которое он всегда разжигал, по самой своей природе было сродни тому пламени, что, несмотря на все катастрофы и срывы, разгоралось в большой истории, — логика элюаровского становления неизбежно совпала с логикой его века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый перевод из Элюара на русский язык был сделан в 1923 г. В. Парнахом, еще до того, как молодой французский поэт получил широкое признание у себя на родине (см. журнал «Современный Запад», 1923, кн. 3). С тех пор в различных русских журналах, альманахах, антологиях изредка появлялись отдельные стихи Элюара, а после 1945 г. их количество резко возросло, теперь они зачастую печатались уже более или менее обширными подборками. Исподволь нараставший поток журнальных публикаций завершился выходом двух книг: *Поль Элюар. Стихи*. Сост. О. Савич. Предисл. И. Эренбурга. М., Гослитиздат, 1958 и *Поль Элюар. Избранные стихотворения*. Предисл. и перев. П. Антокольского. М., ИЛ, 1961. Ряд стихотворений Элюара переводились у нас неоднократно разными переводчиками, среди которых такие мастера, как Б. Лившиц, С. Маршак, П. Антокольский и другие (см. библиографический указатель: «Поль Элюар». Сост. А. В. Паевская. М., ВГБИЛ, 1968).

Настоящая книга, таким образом, — третий сборник избранной лирики Элюара на русском языке. От двух предыдущих ее состав отличается прежде всего широтой охвата всех периодов сорокалетней работы Элюара в поэзии, а не только его позднего творчества.

В книгу вошли стихи из всех наиболее значительных поэтических сборников Элюара. За редкими исключениями, оговоренными в примечаниях, стихи располагаются в хронологическом порядке и с сохранением их последовательности внутри каждого отдельного сборника. Во избежание чрезмерного дробного расчленения материала они даются в соответст-

вии с тем местом, которое они занимали в крупных «сводных книгах» Элюара, куда они входили, хотя далеко не всегда это была их первая публикация. Дело в том, что Элюар зачастую печатал сперва небольшие книжечки своих стихов с рисунками друзей-художников малыми тиражами и сам распространял их среди знакомых, а уж затем объединял их, как циклы, в книги, выпускавшиеся и поступавшие в продажу обычным путем. Поскольку циклы не всегда имели, однако, такую предысторию, то случаи подобного рода оговариваются в примечаниях.

Переводы М. Ваксмахера выполнены по текстам полного критического собрания сочинений Элюара: *Paul Eluard. Œuvres complètes, t. I—II, Edition établie et annotée par Marcelle Dumas et Lucien Scheler. Paris, «Bibliothèques de la Pléiade», Gallimard, 1968* (отсылки к нему — *ОС*, с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской); те из них, которые ранее появлялись в нашей печати (начиная с 1952 г.), заново выверены.

Составитель комментария видит свой долг в том, чтобы высказать здесь искреннюю признательность Люсьену Шелеру, товарищу Элюара по подполью в годы Сопротивления и одному из создателей этого двухтомника с образцово подготовленным справочным аппаратом, за дружескую помощь и советы, серьезно облегчившие работу над материалами, которые были нам недоступны.

Первые стихотворения

Premiers poèmes. 1913—1918 (1948)

В книге под этим заголовком, вышедшей в Лозанне в издательстве Мермо, Элюар собрал в 1948 г. ту часть своей лирики 1913—1921 гг., которую считал заслуживающей внимания и, по свидетельству друзей, предназначенной открывать его будущее собрание сочинений. Помимо включенных им целиком книжечек ранней поры, таких как «Долг и тревога», «Животные

и их люди, люди и их животные» и других, сюда вошли также несколько разрозненных стихотворений 1913—1918 гг., до того печатавшихся в журналах или оставшихся в рукописи, как все три приводимые нами здесь.

Следует заметить, что это не первые пробы пера Элюара-лирика. Им предшествовали две небольшие книжки, подписанные еще его настоящим именем — Эжен Грендель: одна из них также называлась «Первые стихотворения» (*Premiers poèmes*, 1913), другая — «Диалоги бесполезных» (*Dialogues des inutiles*, 1914). Многие стихи этих сборников посвящены невесте Элюара, Елене Дмитриевне Дьяконовой. Дочь московского адвоката, она в гимназические годы была приятельницей сестер Цветаевых (Марине Цветаевой Элюар послал в 1917 г. с дарственной надписью один из первых экземпляров своего «Долга и тревоги»). Элюар встретил свою будущую жену в горном легочном санатории Клавадель, близ Давоса, в Швейцарии, где он лечился с конца 1912 до февраля 1914 г. Гала (Gala — как звал ее Элюар, а вслед за ним и все их друзья) — вернулась на родину, но между ними продолжалась оживленная переписка. В феврале 1917 г., несмотря на все опасности и трудности военной поры, Гала морем приехала из Петербурга во Францию, чтобы обвенчаться с Элюаром, получившим для свадьбы короткий отпуск с фронта, где он тогда служил в 22 пехотном полку. Добавим, что он обязан своей первой жене ранним знакомством с русской поэзией. В 1918 г. молодые супруги пробовали, в частности, перевести на французский язык «Балаганчик» Александра Блока (к сожалению, эта рукопись позже затерялась).

Позже Элюар уничтожил почти все экземпляры своих первых сборников и никогда не включал стихи из них в антологии своего творчества; они впервые перепечатаны лишь в 1968 г. в приложениях ко второму тому *ОС*.

«*Малышка-девчушка...*» — По-видимому, стихотворение написано по поводу первого приезда Гала в Париж.

Долг и тревога

Le devoir et l'inquiétude (1917)

К концу 1916 г. Элюар изготовил на ротаторе семнадцать экземпляров тетрадки, где под заголовком «Долг» (*Le devoir*) были собраны десять его стихотворений, созданных летом того же года, когда он был писарем-санитаром в эвакуационном госпитале. Он разослал их знакомым и некоторым из тогдашних поэтов-пацифистов, в частности, некогда близкому к унанимизму мастеру «верлибра» Андре Спиру (1868—1966). Через несколько месяцев Элюар дополнил эти стихи еще одиннадцатью, а также циклом стихотворений в прозе «Смех другого» (*Le rire d'un autre*) и издал за свой счет, на сей раз уже типографским путем, с помощью своего давнего друга, переплетчика Аристиды Гона (1877—1946), под заголовком «Долг и тревога». Гравюра живописца и рисовальщика Андре Делиньера (р. 1880) на фронтисписе изображала солдата, заснувшего, прислонившись к стенке окопа.

На обложке «Долга» и «Долга и тревоги» впервые значился псевдоним Поль Элюар (Элюар — девичья фамилия его бабки по материнской линии). Не лишено остроумия замечание по поводу этого выбора, высказанное литературоведом Ж.-П. Ришаром в связи с истолкованием им образа птицы, крыла, легкости и подвижности у Элюара: «В словах Paul Eluard изначально присутствует крыло (*l'aile*), а также облегчающая аллитерация двух [l], внутренне подчеркнутое различие звуков в дифтонге [ua] и лучезарная конечная открытость. Псевдоним этот был именно выбран поэтом — правда, в пределах семейной ономастики, что сохраняет в нем необходимую двусмысленность» (*Jean-Pierre Richard. Onze études sur la poésie moderne. P., 1964, p. 116*). Добавочное соображение в пользу такой догадки дает сказка Элюара «Крылатое зернышко» (*Grain d'aile, 1951*); Крылатое зернышко — это имя чудесной девочки, являющееся омонимом подлинной фамилии самого Элюара — Grindel. «Ну что ж, старина...» — Первоначально в «Долге», равно как и стихотворение «В касках солдаты...»

Стихи для мирного времени

Poèmes pour la paix (1918)

Одиннадцать этих стихов — лирических афоризмов были написаны Элюаром в тылу еще весной — летом 1918 г., за несколько месяцев до перемирия (11 ноября), и отпечатаны без разрешения цензуры за счет автора на голубой бумаге в виде вчетверо сложенного бумажного листа. Элюар, по его словам, рассылал свою «книжечку» по почте «деятелям, которые вовлечены в продолжение войны или ей противоборствуют» (*L. Decaunes. P. Eluard. Biographie pour une approche. Rodez, 1964, p. 21*). Надпись на экземпляре, отправленном, среди других, Барбюсу, создателю «Огня», гласила: «Анри Барбюсу, написавшему самую полезную книгу в мире» (*J. Marcenac. Préface. in: P. Eluard. Poèmes pour tous. P., 1959, p. III*).

В конце 1918 — начале 1919 г. Элюар собирался дополнить каждую из минипатюр «Стихов для мирного времени» еще десятью, так что получилась бы книжка стихотворных сюит, которую он предполагал назвать «Призыв ко всем» (*Appel à tous*). Судя по его письмам, к январю 1919 г. у него накопилось 80 таких новых стихов, но вскоре этот замысел был им оставлен. Из них сохранились лишь некоторые, приложенные к письму от 17 января 1919 г. Гонону и к письму от 26 января 1919 г. Эдуарду Дюжардену (1861—1949), основателю пацифистского журнала «Кайе идеалист франсе» (см. *P. Eluard. Lettres de jeunesse, avec des poèmes inédits. Documents recueillis par Cécile Valette-Eluard, présentés et annotés par Robert D. Valette. P., 1962*).

«Мой ребенок капризен...» — Дочь Элюара, Сесиль, родилась 11 мая 1918, и нежность к ней переполнила молодого отца. Кстати, именно «детская» сюита под номером V, предназначенная для «Призыва ко всем», была завершена Элюаром полностью.

Животные и их люди, люди и их животные

*Les animaux et leurs hommes,
les hommes et leurs animaux (1920)*

Вышедший в свет в январе 1920 г. (в парижском издательстве «Сан Парэй») сборник складывался в пору, когда Элюар, демобилизовавшись, завязал дружбу с Андре Бретоном (1896—1966), Филиппом Супо (1897—1970) и Луи Арагоном (р. 1897), основателями авангардистского журнала «Литератур», который в начале 1920 г., с приездом в Париж из Швейцарии Тристана Тзара (1896—1963), стал органом кружка дадаистов. Сборник, следовательно, открывает многолетние поиски Элюара на путях сначала дадаизма, затем сюрреализма.

В книге были даны пять рисунков Андре Лота (1885—1961), в те годы примыкавшего к кубистам.

С а л о н. — Стихотворение заключало вступление к сборнику как образец того, что может дать воля к достижению «совершенной чистоты» (см. выдержку из этой статьи выше, в послесловии, стр. 323—324).

*Потребности жизни и последствия снов,
предваряемые Примерами*

*Les nécessités de la vie et les conséquences
des rêves précédé d'Exemples (1921)*

Вся книга, особенно цикл «примеров», выросла из тех лингвистико-стилистических экспериментов, которым предавался Элюар на страницах «Пословицы», журнальчика, созданного им с помощью лектора и языковеда Жана Полана (1884—1968). «Потребности жизни...», выпущенные издательством «Сан Парэй», во многом были подобной же лабораторией, но более обширной и плодотворной.

Л ю б о в ь. — Первое стихотворение Элюара, переведенное на русский язык (Вал. Парнахом — в журнале «Современный Запад», 1923, кн. 3, стр. 134).

Помещаем этот текст:

Тихо-тихо

Он ложится на тротуар, —

Тротуар мчится во всю прыть.

Он садится на землю,

Но сиденье его улетает

Ему нет другого отдохновения, кроме голов детей своих, —

Он их ждет терпеливо.

Жорж Рибмон-Дессень (р. 1884) — французский художник, драматург и поэт, участник, а впоследствии историограф дадаистского кружка.

Град скорби

Capitale de la douleur (1926)

Заголовок «Град скорби» пришел Элюару на ум лишь при правке корректуры, первоначально этот сборник, выпущенный известным парижским издательством NRF (Галлимар) и принесший его создателю славу, назывался «Искусство быть несчастливым» (*L'art d'être malheureux*). Наряду с впервые печатавшимися «Новыми стихотворениями» (впрочем, сюда также вкраплены отдельные вещи из сборника «Вместо молчания» (*À défaut du silence*), вышедшего годом раньше без имени автора, с рисунками М. Эрнста) в сборник включены целиком предшествующие книги Элюара «Повторения» и «Умирать оттого, что не умираешь», составившие отдельные циклы. Цикл «Маленькие праведники», имевшийся уже в «Умирать оттого, что не умираешь», был дополнен.

«Повторения» (*Répétitions*, 1922), как и следующие за ней поэмы в прозе «Несчастья бессмертных» (*Les malheurs des immortels*, 1922), возникли в тесном сотрудничестве Элюара с Максом Эрнстом (р. 1891), немецким художником-дадаистом, с которым Элюар познакомился и подружился во время поездки в 1921 г. в Кельн и путешествия по Тиролю; с 1922 г.

М. Эрнст жил в Париже, был в числе ведущих живописцев сюрреализма, в 1940 г. вынужден бежать от гестапо в США, откуда вернулся после войны и обосновался во Франции, получив в 1958 г. французское гражданство. «Повторения» — первая в ряду многочисленных совместных работ Элюара и Эрнста: «коллажи» художника никогда не были в собственном смысле иллюстрациями к стихам, но попыткой в иных, зримых формах передать неуловимые рационально переживания, вызванные словесными образами.

Посылая в 1922 г. рукопись «Повторений» коллекционеру Жаку Дусэ, Элюар сообщал в письме, что в эту «самую предпочитаемую из моих книг» частично вошли вещи, создававшиеся с 1914 г., но по тем или иным причинам не включавшиеся в предыдущие сборники (ОС, I, 1342).

Здесь впервые Элюар — следуя, как и все поэты его круга, за Гийомом Аполлинером (1880—1918) — зачастую отказывается в стихах от знаков препинания (за исключением точек в конце строфы или стихотворения), хотя пока что делает это далеко не всегда; окончательно этот принцип утвердится в его лирике с 1928 г., со сборника «Знать запрещено» (*Défense de savoir*. 1928).

Для названия книги «Умирать оттого, что не умираешь» (*Mourir de ne pas mourir*, 1924) Элюар взял знаменитую строку испанской монахини и мистической писательницы св. Тересы де Авилы (1515—1582) из ее обработки церковных песнопений; земная любовь Элюара проникнута той же страстью и нежностью, что и обожание Тересой бога. Вместе с тем, это одна из самых трагических книг Элюара: она отмечена печатью надвигающегося душевного кризиса, который разразился за день до выхода книги в свет, 24 марта 1924 г., когда поэт внезапно исчез из Парижа и отправился в кругосветное путешествие, которое позже сам назвал «идиотским» (см. об этом послесловие, стр. 327—328).

Стихи. — Судя по упомянутому выше письму к Ж. Дусэ, написаны еще в 1914 г.

Возлюбленная. — В 1956 г. Марк Шагал (р. 1887) сделал офорт к этому стихотворению.

Пабло Пикассо. — Длительная и прочная дружба Элюара и Пикассо (р. 1881) подкреплялась их многолетним сотрудничеством. Элюар посвятил живописи Пикассо множество стихов, лирических эссе, заметок, из которых составились три книги — «Посвящается Пабло Пикассо» (A Pablo Picasso, 1944), «Пикассо в Антибе» (Picasso à Antibes, 1948), «Пикассо» (Picasso, 1952). Когда в 1936 г. республиканское правительство Испании устроило выставку полотен своего выдающегося соотечественника, Элюар ездил в Мадрид с лекциями о нем. А через год подписью к «Гернике» Пикассо, занимавшей стену в вестибюле испанского павильона на Международной выставке в Париже, послужило стихотворение Элюара «Победа Герники». Пятнадцать лет спустя, в последние месяцы перед смертью, Элюар сделал текст для голоса за кадром в фильме Алена Рене о «Гернике» Пикассо. В свою очередь Пикассо писал портреты самого Элюара и его близких, не раз иллюстрировал его книги. В 1951 г. они вместе выпустили книгу «Лик всеобщего мира», в ней литографии Пикассо сопровождалась стихотворными миниатюрами Элюара.

«Твои оранжевые волосы...» — Первоначально, как и следующее стихотворение «Твой златогубый рот...», в книге «Вместо молчания».

Любовь поэзия

L'amour la poésie (1929)

Из четырех стихотворных циклов этой книги («В начале начал», «Вторая натура», «Словно образ», «Знать запрещено») последний был напечатан годом раньше как отдельный сборник. На одном из экземпляров «Любви поэзии», вышедшей в издательстве Галлимара, сохранилась надпись рукой Элюара: «Заглавие было мне подсказано моей дочерью Сесиль в 1928 г. (ей тогда было 10 лет). Я просил ее об этом, предвари-

тельно скромно прочитав ей несколько стихотворений».

Гала, которой посвящена книга, — первая жена Элюара (см. выше прим. к сб. «Первые стихотворения», стр. 372).

«В полный голос...» — По-видимому, навеяно воспоминаниями о знакомстве с Гала в Клаваделе.

«Я сказал тебе это для туч...» — В 1948 г. было положено на музыку композитором Жоржем Ориком (р. 1891) в ряду других стихотворений из этой книги, в частности, приводимых далее: «Любимая...», «Она надо мною склоняется...», «К стеклу прильнув лицом...».

Сама жизнь

La vie immédiate (1932)

«Сама жизнь», выпущенная издательством «Кайе либр», — книга прощания с умирающей прежней любовью и встречи с любовью новой, нарождающейся. В 1929 г. Элюар расстался с Гала, ставшей женой испанского художника Сальвадора Дали (р. 1904), который в ту пору примыкал к кругу парижских сюрреалистов. В декабре того же года Элюар встретил Нуш (настоящее имя Мария Бенц, 1906—1946), танцовщицу родом из Эльзаса, которая сделалась спутницей его жизни. «Без нее моя жизнь была бы невозможна», — признавался он в 1935 г. в одном из писем к дочери (см. *L. Decaunes*, op. cit., pp. 35—41).

Цикл «Испытание выдержав» (*A toute épreuve*) появился еще в 1930 г. отдельной книжкой, но для «Самой жизни» обе составляющие его сюиты — «Мир-одиночество» и «Заготовки» — были дополнены.

Чуть измененная — положено в 1936 г. на музыку другом Элюара композитором Франсисом Пуленком (1899—1963), как и приводимые ниже стихотворения из этого сборника «Новой ночью» и «Все права».

Разделенные ночи (*Nuits partagées*) — В 1935 г. вышли отдельной книжкой с рисунками С. Дали.

К о н е ц с в е т а. — Андре Бретон — поэт и прозаик, глава французских сюрреалистов, вплоть до 1939 г. ближайший друг Элюара. *Северны* — горный хребет во Франции.

Роза для всех

La rose publique (1934)

Происхождение заглавия раскрыто самим Элюаром в поэме «Всегда обновленная личность...» (второй по порядку в книге): автор вспоминает здесь, как один из его близких друзей (речь идет об А. Бретоне) вечерами часто гулял по улицам Парижа с розой в руках, которую он предлагал встречным девушкам со словами: «Возьмите эту скромную незабудку».

Книга, вышедшая в издательстве Галлимара, открывалась поэмой «Как две капли воды», до того уже напечатанной отдельной книжкой (*Comme deux gouttes d'eau*, 1933).

Плодоносные глаза

Les yeux fertiles (1936)

В книгу, выпущенную издательством G. L. M. и иллюстрированную пятью офортами П. Пикассо (в их числе портрет Элюара), помимо заново созданного цикла «Свежий воздух», вошли как циклы предыдущие сборники «Легкая» и «Перила».

В небольшом сборнике «Легкая» (*Facile*, 1935) стихи Элюара сопровождались фотографиями его друга, художника и фотографа Ман Рея (р. 1897), американца, с 1921 г. жившего в Париже. В книжке «Перила» (*La barre d'arroi*, 1936) было дано три офорта Пикассо.

«Нет невозможно...» — положено на музыку в 1948 г. Ж. Ориком.

Б ы т ь — положено на музыку в 1936 г. Ф. Пуленком.

«Наша ночь свершена...» — в 1936 г. положено на музыку Ф. Пуленком.

Свободные руки

Les mains libres (1937)

Полное название книги: «Свободные руки. Рисунки Ман Рея, иллюстрированные стихами Поля Элюара». Она вышла в издательстве Жанны Бюше и представляла собой альбом рисунков, к каждому из которых в разворот страниц давалось соответствующее стихотворение. Позже Элюар печатал отдельные вещи отсюда в других своих сборниках уже без рисунков.

Естественный ход вещей

Cours naturel (1938)

Книга (издательство «Сажитер») была важной поворотной вехой на творческом пути Элюара. Гневные отклики на фашистские бесчинства в Испании в дни гражданской войны («Ноябрь 1936», «Победа Герники»), вызов, брошенный во вступительном стихотворении «Без возраста» вождю сюрреалистов Бретону, который предписывал своим приверженцам сторониться в литературе жгучих общественных страстей и забот века, — все это было переломом в становлении Элюара-лирика, предвосхищением его патриотической и освободительной поэзии эпохи Сопротивления.

Н о я б р ь 1936. — Впервые в газете французских коммунистов «Юманите» 17 декабря 1936 г., что вызвало немалое раздражение А. Бретона (см. *L. Descaupes*, *op. cit.*, p. 54). В апреле 1938 г. отпечатано отдельной книжечкой под названием «Солидарность» (*Solidarité*) на французском и английском языках, в сопровождении гравюр Пабло Пикассо, Хуана Миро (p. 1893), Ива Танги (1900—1954), Андре Массона (p. 1896), Джона Бекленда Райта (p. 1897), Даллы Хэсбэнд, Стенли Уильяма Хайтера (p. 1901).

Н е с к о л ь к о с л о в . . . — Это программное стихотворение — свидетельство все более насущной для Элюара после 1936 г. потребности в расширении тематических рамок, а значит, в расширении словаря его

лирики — первоначально вышло отдельной книжкой (*Quelques-uns des mots qui jusqu'ici m'étaient mystérieusement interdits*, 1937). В ней каждая строфа печаталась на отдельной странице с особым расположением строк и применением различных шрифтов.

Затерянный сад. — *Лиз Деарм* — поэтесса из кружка сюрреалистов; в 1936 г. Элюар написал предисловие к ее сборнику детских стихов «Пиковая дама».

Слова написанные кистью. — Впервые в сопровождении репродукций с работ Пикассо в журнале «Кайе д'ар», 1937, № 4—5.

Итог. — В язвительном портрете человека, запечатленного здесь, как и в ряде других стихотворений цикла «Права и обязанности бедняка» («Среди прочих теней» и др.), некоторые толкователи распознают Андре Бретона: разрыв Элюара с ним приходится как раз на 1938 г. (*Francis D. Carmody. Eluard's rupture with Surrealism. PMLA, Sept. 1961, vol. LXXVI, n° 4, part 1*).

Последнее письмо. — В различных книгах Элюара печаталось позже как первая часть стихотворного триптиха, посвященного Ролану Пенрозу (р. 1900), английскому художнику и писателю, который с 1922 по 1935 г. жил в Париже, примыкал к сюрреалистам, а в 1936 г. организовал в Лондоне Международную сюрреалистскую выставку.

Полная песня

Chanson complète (1939)

В книге, вышедшей в издательстве Галлимара, были даны четыре литографии Макса Эрнста.

Мы существуем. — Понять истоки этого программного стихотворения, тогда же положенного на музыку Ф. Пуленком, помогает одно из писем Элюара той поры: «Я окончательно порвал с Бретоном... Моя жизнь, конечно, изменится. Между нами, у меня такое впечатление, что я отправляюсь навстречу приключениям. В этом нет ничего непривлекательного...» (P. Eluard. *Livre d'identité. Réalisé par*

Robert D. Valette. P., 1967, p. 163). В заголовок-эпиграф одного из стихотворений этой книги Элюар вынес не менее многозначительные слова: «Никакого разрыва: дневной свет и ясное сознание осаждают меня теперь столькими же тайнами... как прежде ночь и сновидения» (ОС, I, 867).

Помочь увидеть

Donner à voir (1939)

Книга, выпущенная издательством Галлимара, включала разнообразные тексты, частично уже печатавшиеся раньше: стихотворения в прозе (циклы «Золотая середина», «Разделенные ночи»), эстетические статьи и заметки («Физика поэзии», «Поэтическая очевидность», «Зеркало Бодлера»), стихи, посвященные друзьям-живописцам («Художники»), выдержки из сочинений писателей и мыслителей прошлого с комментариями Элюара («Старые мысли заново») и т. д. Все они были объединены раздумьем о предназначении творчества, открывающего перед людьми бескрайние дали, позволяя им постигать жизнь и овладевать ею, ибо, как гласит эпиграф Элюара, «увидеть — значит понять, оценить, преобразить, вообразить, забыть или забыться, жить или исчезнуть» (ОС, I, 918).

Открытая книга. I. 1938—1940

Le livre ouvert. I. 1938—1940 (1940)

В 1944 г. в библиографической заметке о своих предыдущих сочинениях Элюар писал, что в этой книге (издательство «Кайе д'ар») «бледная предвоенная пора, серый сумрак войны сошлись в схватке с вечными чудесами» и что здесь «оставлено поле для красоты и ужаса, желания и возмущения» (ОС, I, 1569).

Эпиграф Элюар взял из помещенного в книге стихотворения «Кричать».

«С первым прозрачным словом...» — Первоначально входило в книгу «Нимфы» (Médiéuses, 1939), задуманную как «нечто вроде женской мифологии» (ОС, I,

1538); стихи давались в ней в разворот страниц с рисунками Валентины Гюго (р. ок. 1890), часто и успешно иллюстрировавшей лирику сюрреалистов, особенно Элюара.

Чтобы жить здесь. — Первое стихотворение этого цикла, одно из самых прославленных и часто разбираемых стихов Элюара (см. напр., *P. Emmanuel, Commentaire.* — «Europe», 1962, 402/403), было написано еще в 1917 г., как об этом свидетельствует сохранившаяся в его бумагах рукопись (*P. Eluard. Lettres de jeunesse*, p. 182), затем, видимо, предназначалось для расширенного издания «Стихов для мира» («Призыв ко всем»), но впервые было напечатано, вместе с IV и V стихотворениями этого цикла, в 1939 г. в журнале «Нувель ревью фрэнсез», 1939, n° 314.

Жан (Ганс) Арп (1887—1966) — живописец и скульптор, по происхождению эльзасец, прошедший долгий путь от кубизма, через дадаизм, экспрессионизм и сюрреализм, к абстракционизму.

Открытая книга. II. 1939—1941

Le livre ouvert. II. 1939—1941 (1942)

В книгу, выпущенную издательством «Кайе д'ар», входил как ее заключительный цикл предыдущий сборник «На нижних склонах» (*Sur les pentes inférieures*). По сути этот сборник, вышедший в 1941 г. с предисловием давнего друга Элюара Жана Полана, где было сказано, что Элюар «никогда не был слишком побежден» и сумел сохранить «ослепительное терпение» (*OC*, I, 1060), находится у истоков поэзии французского Сопротивления. Шесть стихотворений сборника, в частности приводимый нами «Незапятнанный огонь» (к ним добавилось еще два из сборника «Поэзия и правда 1942 года»), послужили текстами для кантаты Ф. Пуленка «Лицо человеческое», партитура которой была в 1943 г. издана подпольно, тайком переправлена в Лондон и впервые исполнена по английскому радиовещанию на Францию в 1945 г.

Элюар вынес в эпиграф к «Открытой книге. II» часть стихотворения «Форма», первого в книге.

Отсчитанные мне часы. — Три первых строки этого стихотворения Р. Роллан поставил эпиграфом к книге, куда вошли его эссе «Эмпедокл» и «Молния Спинозы» (1942). На экземпляре, посланном Элюару, он написал посвящение: «Поэту-мыслителю, ясновидцу Полю Элюару в знак гармонии и симпатии. Ромен Роллан. Везле, 25 марта 1942» (ОС, I, 1601).

Поэзия и правда 1942 года

Poésie et vérité 1942 (1943)

Название книги (издательство «Мэн а плюм») Элюар заимствовал у Гете (автобиографическая книга «Поэзия и правда» — *Dichtung und Wahrheit*, 1811—1830), как бы подчеркнув, что культура и правда, не зависящие от границ, изначально враждебны шовинистическому варварству фашистов.

«Вновь обрести свободу выражения, чтобы наносить ущерб захватчикам, — вспоминал Элюар позже о замысле этой книги. — И повсюду во Франции голоса откликнулись, запели, перекрывая глухое бормотание зверья, дабы живые восторжествовали, дабы стыд исчез. Петь, сражаться, кричать, драться и спастись... Но поэзии пришлось уйти в маки. Она не могла долго играть словами, не навлекая на себя опасности. Она сумела все потерять, чтобы больше не играть, и раствориться в вечном отсвете: в правде очень обнаженной и очень нищей, жгуче пламенеющей и всегда прекрасной. И если я говорю «всегда прекрасной», так это потому, что правда становится единственной добродетелью, единственным благом. И благо это безмерно» (ОС, I, 1606).

Впервые напечатанный подпольно в Париже в апреле 1942 г., сборник включал, помимо новых стихов, полностью «На нижних склонах» и «Последнюю ночь» (*La dernière nuit*; эта поэма из семи частей, один из первых откликов на казни французских заложников, была впервые издана нелегально в 1942 г., с гра-

второй художника Анри Лоранса, р. 1885). Через год «Поэзия и правда 1942 года» была значительно дополнена и переиздана в Швейцарии. Экземпляры этого переиздания, равно как и первого издания, перепечатанного в 1943 г. в Алжире, завозили во Францию вместе с пропагандистской литературой.

Большинство стихов «Поэзии и правды 1942» вплоть до 1945 г. часто перепечатывались в подпольных журналах, альманахах, антологиях, а также различных патриотических изданиях, выходивших за пределами Франции.

С в о б о д а. — Первоначально, в рукописи, имело заголовок «Единственная мысль» и было посвящено Нуш Элюар. Напечатанную в 1942 г. листовкой при алжирском журнале «Фонтен», «Свободу» сбрасывали над Францией летчики английских самолетов в тысячах экземпляров. В 1943 г. Ф. Пуленк положил ее на музыку. Тогда же художник-ковровщик Жан Люрса (1892—1966) сделал по ее мотивам эскизы, и с одного из них было изготовлено ковровое панно. Позже «Свобода» неоднократно издавалась отдельной книжкой, в частности, в 1953 г., с оформлением художника Фернана Леже (1881—1955).

С н ы. — Как и все последующие стихотворения этой книги («Погоня», «Судьба», «Спутник»), появились лишь во втором издании 1943 г.

О с е л. — Стихотворение появилось лишь во втором издании книги (1943), где в виде факсимиле было вынесено на фронтиспис.

Постель стол

Le lit la table (1944)

Книга напечатана в Швейцарии, в издательстве «Труа Коллин», в начале 1944 г.; в значительной своей части она создавалась в горной психиатрической лечебнице Сент-Албан в Севеннах, где Поль и Нуш Элюар, перешедшие еще раньше на нелегальное положение, были вынуждены скрываться от преследований полиции с ноября 1943 г.

Критика поэзии. — Это вторая элюаровская «Критика поэзии» (первая заключала сборник «Сама жизнь», 1932). Федерико Гарсия Лорка (1899—1936), с которым Элюар познакомился в 1936 г. во время своей поездки по Испании с лекциями о Пикассо, был расстрелян франкистами 19 августа того же года. Жак Декур (настоящее имя Даниель Декурдиманш, 1910—1942), романист и публицист, возглавлявший до 1939 г. журнал «Коммюн», основатель ряда подпольных журналов после поражения Франции, один из инициаторов создания в 1942 г. Национального комитета французских писателей и его печатного органа — газеты «Летр франсез», был арестован французской полицией, передан в руки гестапо и убит 30 мая 1942 г. в форте Мон-Валерьен близ Парижа. Сен-Поль Ру (1861—1940) — крупный французский поэт и драматург, в молодости примыкавший к символистам; позже он почитался сюрреалистами как один из их предшественников и духовных учителей. 23 июня 1940 г. один из гитлеровских солдат вломился к нему, тяжело ранил его дочь; уединенный дом поэта в Бретани был разграблен и сожжен. Четыре месяца спустя не перенесший горя старик умер в Бресте.

Достойные жить

Dignes de vivre (1944)

Сборник, вышедший в «Эдисьон литерер де Монако» и иллюстрированный Жаном Фотрие (1898—1964), по сути был перепечаткой второго издания «Поэзии и правды 1942» с добавлением ряда стихотворений, в том числе приводимого «В наше время».

Лицом к лицу с немцами

Au rendez-vous allemand (1944)

Книга, вышедшая в последние дни 1944 г. в «Эдисьон де Минюи» и дополнявшаяся по мере неоднократных переизданий, представляла собой итоговое собрание антифашистской лирики Элюара (1936—1945). В нее

включены отклики на гражданскую войну в Испании, стихи из всех сборников военных лет («На нижних склонах»; «Поэзия и правда 1942»; «Семь стихотворений о любви на войне» — «Les sept poèmes d'amour en guerre», 1943; «Оружие скорби» — «Les armes de la douleurs», 1944), а также те, что публиковались только в подпольной печати.

Извещения. — Первоначально без подписи в книге «Французские стихи» (Лозанна, 1943), затем, под псевдонимом Жан дю О, во втором выпуске (1944) составленной Элюаром антологии патристической лирики «Честь поэтов». В мае 1944 г. положено на музыку Эльзой Барэн (р. 1913).

В примечаниях Элюар вспоминал, что в первую зиму после захвата Парижа немцами «со стен домов лезли в глаза «извещения», эти угрозы и списки заложников, внушавшие кое-кому страх и всем стыд» (ОС, I, 1643). Стихотворение было откликом на казнь, в 1942 г., Жоржа Дюдака, редактора журнала молодых коммунистов «Кайе де ла Женес».

Мужество. — Впервые без подписи и со знаками препинания в подпольной газете «Летр франсез», январь—февраль 1943, № 5. Затем, еще до включения в сборник «Оружие скорби», в различных нелегальных изданиях под псевдонимом Морис Эрван. Об атмосфере, в которой возникло это стихотворение, Элюар вспоминал (ОС, I, 1633): «Зима 1940—1941 гг. была суровой. Из-за холода мы месяцами не открывали форточек. В очередях, в метро старые женщины, молодые люди теряли сознание, а сколько повергающих в уныние взоров!

У каждого дерева есть свое место в воздухе!
У каждой скалы свой вес на земле
У каждого ручья своя живая вода
У нас нет огня»

(строки из стихотворения «Огонь», сборник «Достойные жить»).

Дебет и кредит врага. — Впервые в «Честь поэтов» (вып. I, 1943) под псевдонимом Морис Эрван,

затем без подписи в книге «Французские стихи» (Лозанна, 1943).

Семь стихотворений о любви на войне. — Изданы подпольно в конце 1943 г. отдельной книжкой под псевдонимом Жан дю О. Эпиграфом Элюар взял две строки из поэмы Арагона «Паноптикум», вышедшей в том же году под псевдонимом Франсуа ла Колер:

Я пишу в краю, где люди загнаны
Посреди отбросов и жажды, молчания и голода...

Оружие скорби. — Впервые в небольшом сборнике под тем же заголовком, вышедшем в 1944 г. в Тулузе, с указанием на титульном листе патриотических организаций, способствовавших его изданию: «Национальный комитет писателей, Центр интеллигентов». Включая эту поэму в 1944 г. в книгу «Лицом к лицу с немцами», Элюар пояснял: «Так или иначе, но опорой поэзии всегда является правда. Я хочу уточнить драматические события, вдохновившие меня на написание этой поэмы.

В апреле 1942 г. семнадцатилетний Люсьен Легро, учащийся эльзасской школы, был арестован после демонстрации у лицея Бюффона. Представ в июне того же года перед судом французского государства [так именовал себя коллаборационистский режим Виши. — С. В.], он был осужден на пожизненные каторжные работы, а затем передан в руки гестапо. Пока он находился под стражей у немцев, в конце концов приговоривших его к смертной казни, они имели случай оценить его ум, культуру, неоспоримые способности музыканта и живописца. Между тем его отец и брат были арестованы и препровождены прямо в форт Роменвиль, где их ждал расстрел вместе с сотней других заложников. Своим чудесным спасением они обязаны лишь непосредственному вмешательству некоего высокого чиновника, друга отца.

Иной была судьба моего юного друга: перед немецким судом, почувствовав, что его дело проиграно, он во всеуслышание заявил о своих убеждениях, о своей

любви к Франции и об ущербе, который причинил бы, если бы мог, нашим врагам... И поскольку Германия великодушна, Геринг его помиловал... И поскольку Германия безжалостна, тот же Геринг несколько дней спустя приказал его казнить как заложника. Чтобы вырвать у него имена сообщников, его пытали жестокой альтернативой надежды и отчаяния. Его терзали морально и физически. Он был похоронен на кладбище в Иври с четырьмя своими товарищами одного с ним возраста» (ОС, I, 1632).

У б и т ь. — Впервые во втором выпуске «Чести поэтов» (1944) под псевдонимом Жан дю О; положено на музыку Эльзой Барэн, позже Роланом Манюэлем (1891—1966).

Т у п ы е и з л о б н ы е. — Впервые в подпольной «Летр франсез», май 1944, № 16; затем, еще до включения в сборник «Оружие скорби», в «Песнях макй», под псевдонимом Морис Эрван.

Г а б р и э л ь П е р и. — Впервые в газете «Юманите», 13.XII.1944 г. в связи с предстоявшим через два дня в театре Елисейских полей чествованием памяти Габриэля Пери (1902—1941), журналиста и депутата от компартии, арестованного гитлеровцами в мае 1941 г. и расстрелянного 15 декабря того же года.

«В апреле сорок четвертого Париж еще дышал...» — Впервые в 1945 г. отдельной книжкой в сопровождении семи гуашей художника Жана Гюго (р. 1894); текст был представлен в виде факсимиле рукописи. Лишь в 1946 г. вошло в очередное переиздание книги «Лицом к лицу с немцами».

Белокрылые белошвейки

Lingères légères (1945)

Вышла в парижском издательстве Сегерса.

Сент-Альбан. — О Сент-Альбане см. выше прим. к сб. «Постель стол».

Непрерывная поэзия

Poésie ininterrompue (1946)

Сборник, выпущенный издательством Галлимара, назван по заголовку открывавшей его большой лирической поэмы, представлявшей собой исповедь-раздумье о пройденном пути и призванной рассеять кривотолки по поводу преодоления Элюаром прежней замкнутости; она вызывающе посвящена «тем, кто эти страницы прочтет плохо и кому они не понравятся» (ОС, II, 24). В остальных стихах сборника эти мысли о труде, о призвании мастеров слова и кисти также остаются стержневыми.

В 1953 г. друзьями Элюара был опубликован сборник его предсмертных стихов, называвшийся также «Непрерывная поэзия. II».

Труд поэта. — *Эжен Гильвик* (р. 1907) — поэт-коммунист, один из соратников Элюара по литературе Сопротивления, как и по послевоенной лирике, проникнутой духом постижения и справедливой переделки жизни.

Жаркая жажда жить

Le dur désir de durer (1946)

В книге, выпущенной издательством Арнольд-Борда, были даны двадцать пять рисунков и цветной фронтиспис работы Марка Шагала. В ОС (II, 1052) приводится выдержка из книги о Шагале его зятя, Франца Мейера, где рассказано об обстоятельствах этого совместного труда: «В мае 1946 Шагал приехал на три месяца в Париж [из США, куда он бежал от гитлеровцев. — С. В.]... Он вновь обрел все то, что означал для него Париж, снова завязал дружбу с прежними знакомыми, художниками и поэтами, особенно с Элюаром, к которому он теперь чувствовал себя очень близким. Так родилась «Жаркая жажда жить», сборник девятнадцати стихотворений Элюара, иллюстрированных рисунками Шагала в близком соответствии тексту. Как и в стихах, здесь каждый штрих —

с присущей ему восхитительной свободой, с округлостью, которая, кажется, вбирает в себя все вплоть до самых звезд, — находит свое завершение в вечно новой правде сердца».

Марку Шагалу. — Среди других стихов Элюара о художниках было в 1957 г. положено на музыку Ф. Пуленком в цикле романсов под общим заглавием «Работа живописца».

От штриха к штриху. — Эльза Триоле (1896—1970) — французская писательница, жена Луи Арагона.

Лишнее время

Le temps déborde (1947)

Большинство стихотворений этого сборника, напечатанного в издательстве «Кайе д'ар», под псевдонимом Дидье Дерош и с фотографиями Нуш Элюар, создано сразу же после 28 ноября 1946 г., дня ее смерти. От предшествующих стихов в книге их отделяет трагическая запись, давшая название всему сборнику:

Нам не дано состариться вдвоем

Вот день

Ненужный: время

Стало лишним.

Жаклин и Ален Трюта, о которых идет речь в посвящении, — чета молодых журналистов, друзей Элюара, неотступно находившихся близ него в те тяжелейшие дни его жизни. Жаклин будут посвящены также следующая книга Элюара «Памятное тело» и отдельные вещи в сборниках «Политические стихи», «Урок морали».

Памятное тело

Corps mémorable (1948)

Элюар выпустил у Сегерса два издания этой книги с перерывом в год: первое в 1947 г., тиражом всего в 26 экземпляров, под псевдонимом Брён («Побурев-

ший»); второе, расширенное и дополненное, под собственным именем. В первом каждый экземпляр имел особый рисунок Валентины Гюго (см. выше прим. к «Открытой книге. I», стр. 384) на фронтисписе.

Внутренним взором

A l'intérieur de la vue (1948)

В этой книге, выпущенной Сегерсом, стихи и стихотворения в прозе Элюара вновь «служили иллюстрациями» к 40 рисункам Макса Эрнста (см. выше прим. к кн. «Град скорби», стр. 376—377). Она была задумана еще в 1931 г., тогда же сделаны рисунки, однако элюаровские «зримые поэмы» были подготовлены лишь к 1946 г.

Политические стихи

Poèmes politiques (1948)

Сборник, вышедший в издательстве Галлимара, с предисловием Арагона (см. *Арагон. Собр. соч.*, т. 10. М., 1961, стр. 193—199), открывался текстом, где стихи и проза перемежались и который имел заголовок «От горизонта одиночки к горизонту всех людей». Это был рассказ о трагедии Элюара, потерявшего в лице Нуш ближайшего спутника и повергнутого в беспросветное горе, и о том, как он сумел побороть отчаяние, приобщаясь к заботам и устремлениям своих «собратьев по жизни»: «Позвольте мне самому судить о том, что помогает мне жить: я даю надежду усталым людям...» (*ОС*, II, 215).

Сам сборник распадался на две части — стихи, созданные до смерти Нуш, и стихи, созданные после этого потрясения.

В Испании. — В 1945 г. Элюар, которого связывала со многими представителями испанской культуры давняя дружба, вошел в Комитет помощи испанским демократам.

Целью поэзии должна стать практическая истина. — В заголовок вынесено одно из лю-

бимых изречений Элюара, принадлежащее Исидору Дюкасу (1846—1870). Мятёжный и умерший в неизвестности «проклятый поэт», он напечатал свои «Песни Мальдорора» под именем некоего графа Лотреамона; позже его сочинения были «заново открыты» сюрреалистами и с тех пор являются едва ли не настольной книгой нескольких поколений французских писателей-авангардистов.

«Требовательные друзья», к которым обращается Элюар, — это все те, кто не принимал его гражданской лирики и считал ее «грехопадением», в частности, видимо, бывший его товарищ Бенжамен Пере (1899—1959), который, находясь в Мексике, в 1945 г. выступил с памфлетом «Бесчестие поэтов», метившим явно в участников элюаровской антологии лириков подполья «Честь поэтов» (1943—1944).

Отдельные строки первых строф стихотворения выглядят скрытыми полемическими самоцитатами из довоенных книг Элюара (ср., например, «Si je vous dis que sur les branches de mon lit//Fait son nid un oiseau qui ne dit jamais oui...» — «Des oiseaux de diamant entre les dents d'un lit...», см. стихотв. «Et tes mains de pluie sur des yeux avides», сб. «La rose publique». *ОС*, I, p. 423, стр. 110 наст. издания).

Третья строка шестой строфы — очевидная перефразировка XI тезиса К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Первоначально стихотворение было напечатано в книжке «Два поэта наших дней» (1947). История этого небольшого сборника с подборками стихов Элюара и Арагона изложена в открывавшем его «предуведомлении» и представляет собой примечательный эпизод борьбы идей в послевоенной Франции. В феврале 1947 г. Жан Полан, в молодости близкий друг обоих, позднее деятельный литератор Сопротивления, один из основателей подпольной газеты «Летр франсез», выступил с оправданием писателей-коллорационистов. Он рассматривал их сотрудничество с захватчиками как простую «ошибку», ссылаясь на то, что пацифист Р. Роллан, уехав в 1914 г. в Швейцарию

и встав «над схваткой», якобы также предал родину. В знак протеста против этой позиции Элюар и Арагон отказались дать свои стихи в составлявшуюся тогда Ж. Поланом и Доминикой Ори (р. 1907) антологию «Поэты наших дней». Вместо этого они выпустили отдельную книжку, куда, наряду со старыми их вещами, вошли и несколько новых стихотворений, в том числе «Целью поэзии должна стать практическая истина» Элюара.

Греция роза моя

Grèce ma rose de raison (1949)

В мае-июне 1949 г. Элюар, вместе с видным деятелем французского и международного движения борцов за мир Ивом Фаржем (1899—1953), посетил партизанские районы Греции у горы Граммос (в первый раз он был там еще в 1946 г.). Оттуда он писал дочери: «Я совершил великолепное путешествие в свободную Грецию. Там я поистине прожил целую эпоху моей жизни. Партизаны и партизанки проявляют чудеса мужества, надежды, красоты. По ночам на полянах происходили огромные собрания. В последнюю ночь четыре тысячи крестьян и солдат, все с автоматами, устроили нам триумф. Читали мое стихотворение «Афина». Это был митинг в защиту всемирного мира, и все пели, плясали...» («Tel quel», № 2, 1960, р. 17). 10 июля из партизанских окопов Элюар обратился с призывом к солдатам армии монархистов, его речь в переводе транслировалась сразу десятками радиорепродукторов.

По возвращении на родину он выступил с книгой стихов о борющейся за свободу Греции. Было выпущено два издания сборника: первое, в 50 экземплярах, с шестью гравюрами на дереве художника Вука Зрнича (р. 1923), который сам и осуществил издание, и второе, в издательстве «Реклам», дополненное, в частности, переводами стихов двух погибших греческих партизан Яннопулоса и Астериса.

Урок морали

Une leçon de morale (1950)

Книга выпущена издательством Галлимара. В ней Элюар, по его словам, «хотел быть моралистом», чтобы подвести черту под нахлынувшими на него после смерти Нуш раздумьями о трагизме смертного удела личности и вместе с тем о призвании побороть несчастье на земле, строить жизнь по законам человечности. Книга открывалась предисловием, где, между прочим, говорилось: «Зло должно быть обращено в добро. И всеми средствами, под страхом все потерять. Наперекор всякой морали смирения, мы изгоним горе и заблуждения. Потому что мы прониклись доверием. Я хотел отринуть, уничтожить черные солнца болезней и нищеты, непроглядные тропические ночи, все клоаки тьмы и случайностей, ошибки зрения, слепоту, разруху, запекшуюся кровь, могилы. И если бы за всю жизнь мне выпал на долю лишь один-единственный миг надежды, я все равно дал бы этот бой. Даже если мне предстоит его проиграть, ведь выиграют другие. Все другие» (ОС, II, 304).

Посвящения

Hommages (1950)

Книга, вышедшая в городе Намюре при «Кайе де ла поэзи нувель», составила из ряда стихотворных посланий, писавшихся Элюаром по различным поводам и первоначально печатавшихся в газетах или журналах (приветствия XII съезду ФКП, привлеченным к суду руководителям американских коммунистов, Марселю Кашену и др.).

Счет к оплате. — *Илья Эренбург (1891—1967)* познакомился с Элюаром еще в бытность свою в Париже в начале 20-х годов, затем, в 30-х, они не раз встречались на различных собраниях писателей-антифашистов, хотя тогда их взгляды подчас весьма резко расходились. После 1945 г. они вместе работали в движении сторонников мира, сотрудничали в подготовке

и проведении Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве (август 1948). «Счет к оплате» и был впервые напечатан по-французски и по-польски в газете этого конгресса.

И. Эренбургу принадлежит один из первых у нас очерков творческого пути Элюара — предисловие к выпущенной в Москве книге *P. Eluard. Choix de poèmes*. М., 1958, послужившее также предисловием к «Стихам» Элюара на русском языке (1958) и вошедшее в сборник статей Эренбурга «Французские тетради» (1958).

Суметь все сказать
Pouvoir tout dire (1951)

Книга вышла в издательстве «Резон д'этр» с иллюстрациями художницы Франсуазы Жило. Сюда включены по преимуществу стихи-раздумья Элюара о признании и назначении лирики, о работе творца и его долге перед людьми и самим собой. Отвергая самодовольную герметическую замкнутость, равно как и узость однобокого взгляда на жизнь, Элюар подхватывает и осмысляет лозунг, выдвинутый им еще в пору постепенного отхода от сюрреализма — «все сказать» («Несколько слов...», см. стр. 147 наст. изд.).

Лук всеобщего мира
Le visage de la paix (1951)

Книга, вышедшая в издательстве «Серкль д'ар», представляла собой альбом из 29 рисунков П. Пикассо; подписью к ним служили миниатюры Элюара.

В 1952 г. композитор Ги Бернар (р. 1907) сочинил кантату на эти слова (впервые исполнялась в декабре 1954).

Феникс
Le phénix (1951)

Последняя поэтическая книга Элюара посвящена его третьей жене, Доминике Лемор, которую он встретил в сентябре 1949 г. в Мексике, куда ездил на кон-

гресс Всемирного совета мира. Книга была выпущена издательством G. L. M. и иллюстрирована восемнадцатью рисунками Валентины Гюго (см. выше прим. к стихотв. «С первым прозрачным словом...», стр. 384).

И улыбка. — Стихотворение посвящено испанскому художнику Мануэлю Анхелю Ортису и напечатано впервые в газете «Летр франсез» (11 октября 1951) по случаю предстоявшего открытия выставки Ортиса в Париже.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ОБ ЭЛЮАРЕ

- Поль Элюар. Биобиблиографический указатель. Составитель А. В. Паевская. М., ВГБИЛ, 1963.
- Евнина Е.* Подпольная поэзия Арагона и Элюара. В кн.: *Евнина Е.* Литература французского Сопротивления. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 108—119.
- Ягонтова М.* Поль Элюар. В кн.: Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 99—112.
- Эренбург И.* О поэзии Поля Элюара. В кн.: *И. Эренбург.* Французские тетради. М., «Советский писатель», 1958, стр. 196—206.
- Арагон.* Поль Элюар. В кн.: *Арагон.* Собр. соч., т. 10. М., Гослитиздат, 1961, стр. 158—210.
- Эткинд Е.* Семинарий по французской стилистике, ч. II. Поэзия. Л., Учпедгиз, 1961, стр. 134—137.
- Балашов Н.* Поль Элюар. В кн.: История французской литературы, т. IV. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 424—458.
- Ваксмакер М.* Французская литература наших дней. М., «Художественная литература», 1967, стр. 191—195.
- Великовский С.* «...к горизонту всех людей». Путь Поля Элюара. М., «Художественная литература», 1968.
- Балашов Н.* Неотразимость Элюара. В кн.: Поэзия социализма. М., «Наука», 1969, стр. 70—109.
- «Cahiers du Sud», 1929, décembre (numéro spécial: poésie et critique).
- Raymond M.* De Baudelaire au surréalisme. P., J. Corti, 1940.
- Gros L.-G.* Poètes contemporains. — «Cahiers du Sud», 1944.

- Parrot L.* Préface, in: *P. Eluard. Choix de poèmes.* P., Seghers, 1944 (Col. «Poètes d'aujourd'hui», № 1).
- Rolland de Renévill A.* Univers de la parole. P., Gallimard, 1944.
- Parrot L.* L'Intelligence en guerre. P., «La Jeune Parque», 1945.
- Gaffé R.* Paul Eluard. Paris, Bruxelles, à l'Enseigne du cheval ailé, 1945.
- Carrouge M.* Eluard et Claudel. P., Ed. du Seuil, 1945.
- Eigeldinger M.* Poésie et tendances. Neuchâtel, Ed. de la Baconnière, 1945.
- Emmanuel P.* Le Je universel chez Paul Eluard. P., G. L. M., 1948.
- «Cahiers du Sud», 1952, t. XXXVI, n° 315 (numéro en partie consacré à P. Eluard).
- Marcenac J.* Préface, in: *P. Eluard. Poèmes pour tous.* P., «Éditeurs français réunis», 1952.
- Nadeau M.* Littérature présente. P., Corrêa, 1952.
- «Europe», 1953, juillet-août, n° 91—92 (numéro spécial consacré à P. Eluard).
- Dubois J.* La leçon de Paul Eluard. — «Nouvelle critique», 1953, janvier n° 42, février n° 43.
- Alquié F.* Philosophie du surréalisme. P., Flammarion, 1955.
- Brodin P.* Présences contemporaines, t. I. P., Debresse, 1956.
- Béguin A.* Poésie de la présence. Neuchâtel, Ed. de la Baconnière, 1957.
- Rousselot J.* Rencontres sur les chemins de la poésie. P., N. E. D., 1958.
- Bernard S.* Le poème en prose de Baudelaire jusqu'à nos jours. P., Nizet, 1959.
- Clancier J.-E.* La poésie française de Rimbaud au surréalisme. P., Seghers, 1959.
- Roy Cl.* Présentation, in: *P. Eluard. Poésies choisies.* P., «Le Club du meilleur livre», 1959.
- Vélikovski S.* De l'horizon d'un homme à l'horizon de tous. — «(Œuvres et opinions)», 1959, n° 10).
- Picon G.* L'Usage de la lecture. P., «Mercure de France», 1960.

- Pantanella R.* L'amour et l'engagement d'après l'oeuvre de Paul Eluard. Aix-en-Provence, «La Pensée universitaire», 1962.
- «Europe», 1962, novembre—décembre, n° 403—404 (numéro spécial consacré à P. Eluard).
- Vaksmacher M.* Eluard en URSS. — «Europe», n° 403—404.
- Onimus J.* Les images d'Eluard. — «Annales de la Faculté des lettres», t. 37. Aix-en-Provence, 1963.
- «Promesse», hiver 1962—1963, n° 6—7 (numéro spécial: Eluard et les problèmes de l'art engagé).
- Perche L.* Paul Eluard. P., Ed. universitaire, 1964.
- Poulet G.* La lumière éluardienne. — «Critique», 1964, octobre, t. XX, n° 209.
- Richard J.-P.* Onze études sur la poésie moderne. P., Ed. du Seuil, 1964.
- Papenbrock J.* Zur Lyrik Paul Eluards. — «Beitraege zur romanischen Philologie». Berlin, 1964, n° 2.
- Decaunes L.* Paul Eluard. Biographie pour une approche. Rodez, Subervie, 1965.
- Eglin H.* Liebe und Inspiration in Werk von Paul Eluard. Bern und München, 1965.
- Ingrassia A.* Eluard et Baudelaire. Aix-en-Provence, «La Pensée universitaire», 1962.
- Jucker-Vehrly U.* La Poésie de P. Eluard et le thème de la pureté. Zürich, «Juris-Verlag», 1965.
- Meuraud M.* L'Image végétale dans la poésie d'Eluard. P., Minard, 1966.
- Welikowski S.* Von Eugene Grindel zu Paul Eluard. — «Beitraege zur romanischen Philologie», V (1966), Heft 1.
- Seloron F.* Eluard et la peinture. [S.l., s.d.] Eluard. Livre d'identité. Réalisé par Robert D. Valette. P., Tchou éditeur, 1967.
- Jean R.* Paul Eluard par lui-même. P., Ed. du Seuil, 1968.
- Balachov N.* L'aspect stylistique de quelques poèmes de Paul Eluard. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Ges.-Sprach. R. XVIII (1969, 4).
- Kithing A.* D'amour de poésie. L'univers des métamorphoses dans l'oeuvre surréaliste de P. Eluard. P., «Lettres modernes», 1969 (Col. «Situation» n° 12).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Поль Элюар. Фото 1950 г.	6
Поль Элюар с отцом. Фото 1915 г.	32
Титульный лист сборника Элюара «Долг» (1916)	33
Рисунок Макса Эрнста к сборнику Элюара «Повторения» (1922)	39
Титульный лист сборника «Град скорби» (1926) с дарственной надписью поэту Рене Шару. Автограф Элюара	51
Поль Элюар. Рисунок Макса Эрнста на фронти- списе сборника «Умирать оттого, что не уми- раешь» (1924)	64
Галэ Элюар. Фото 1926 г.	65
Офорт Пабло Пикассо к сборнику Элюара «Пло- доносные глаза» (1936)	121
Рисунок Ман Рея к стихотворению Элюара «Одинокий» («Свободные руки», 1937)	135
Наборная полоса книги Элюара «Несколько слов, которые до этого дня почему-то считались запретными для меня» (1937)	145
Рисунок Валентины Гюго к стихотворению Элюара «С первым прозрачным словом...» («Нимфы», 1939)	186
Поль Элюар. Фото ок. 1930 г.	192
Нуш Элюар. Портрет работы Пабло Пикассо (1937)	193
Рукопись стихотворения Элюара «Свобода» (1942). Автограф	205

Поль Элюар. Фото 1940 г.	224
Обложка Фернана Леже для отдельного издания стихотворения Элюара «Свобода» в 1953 г.	225
Титульный лист сборника Элюара «Жаркая жажда жить» (изд. 1950 г.) работы Марка Шагала	257
Поль Элюар. Фотопортрет работы Изиса	272
Поль Элюар. Фото 1945 г.	—
Поль Элюар и Пабло Пикассо во Вроцлаве. Фото 1948 г.	—
Доминика и Поль Элюар. Фото 1952 г.	273
Литография Пабло Пикассо к 4 стихотворению книги «Лик всеобщего мира» (1951)	303
Поль Элюар. Фото ок. 1920 г.	325
Поль Элюар. Рисунок Ман Рея в книге «Свободные руки» (1937)	335
Поль Элюар. Рисунок Маркуси на фронтисписе сборника «Белокрылые белошвейки» (1945)	355
Поль Элюар. Рисунок работы Марка Сен-Санса (1950)	361
Поль Элюар. Рисунок работы Пабло Пикассо (1959)	367

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЬ ЭЛЮАР. СТИХИ

Перевод Мориса Ваксматера

Текст Прим.

ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1913—1918

371—

372

Вполголоса	7
«Малышка-девчушка...»	8
Мои последние стихи	9

ДОЛГ И ТРЕВОГА

1917

373

«Ну что ж, старина...»	10
«В касках солдаты...»	11
Верный	12
«Наутро, на рассвете...»	13
«Тревожит меня опустевшее небо...» . .	14

СМЕХ ДРУГОГО

Сумерки	15
-------------------	----

СТИХИ ДЛЯ МИРНОГО ВРЕМЕНИ (I—XI)

1918

374

«Счастливые женщины...»	16
«Моя жена, моя святая...»	16
«Всех моих товарищей...»	16
«Ты в атаку ходил...»	17
«Мой ребенок капризен...»	17
«Трудись...»	17

	Текст	Прим.
«Любимая, пусть расцветает...»	17	
«Долгое время...»	18	
«Ищу влюбленную...»	18	
«Я мечтаю обо всех красотках...»	18	
«Мой сад озарен...»	18	

ЖИВОТНЫЕ И ИХ ЛЮДИ, ЛЮДИ И ИХ ЖИВОТНЫЕ

	1920	375
Салон	19	
ЖИВОТНЫЕ И ИХ ЛЮДИ		
Животное смеется	20	
Лошадь	21	
Курица	22	
Рыба	23	
Пес	24	
ЛЮДИ И ИХ ЖИВОТНЫЕ		
Человек, который полезен	25	

**ПОТРЕБНОСТИ ЖИЗНИ И ПОСЛЕДСТВИЯ СНОВ,
ПРЕДВАРЯЕМЫЕ ПРИМЕРАМИ**

	1921	375— 376
ПРИМЕРЫ		
Умирать	26	
Рабочий	27	
Искусство танца	28	
Отблески	29	
Прекрасное	30	
Стареть	31	

	Текст	Прим.
ПОТРЕБНОСТИ ЖИЗНИ		
Лень	32	
ПОСЛЕДСТВИЯ СНОВ		
Без музыки	33	
Сила	34	
Купальщица в гамме от светлого к тем- ному	35	
Любовь	36	
ГРАД СКОРБИ		
	1926	376— 378
ПОВТОРЕНИЯ		
Стихи	37	
Единственная	38	
Совершенство	40	
УМИРАТЬ ОТТОГО, ЧТО НЕ УМИРАЕШЬ		
Возлюбленная	41	
Не помня зла	42	
Нагота правды	43	
МАЛЕНЬКИЕ ПРАВЕДНИКИ		
«Над домом смеха...» (I)	44	
«В сети жизни твоей...» (VII)	45	
НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ		
Пабло Пикассо	46	
Пить	47	
Их чистые по-прежнему глаза	48	
Ночь	49	

	Текст	Прим.
Некая	50	
Зеркало мгновенья	52	
Вечная, вся	53	
«Твои оранжевые волосы. »	55	
«Твой златогубый рот...»	56	

ЛЮБОВЬ ПОЭЗИЯ

1929

378—
379

В НАЧАЛЕ НАЧАЛ

«В полный голос...» (I)	57
«Я сказал тебе это для туч...» (IV) . .	58
«Земля вся синяя...» (VII)	59
«Любимая...» (VIII)	60
«Сокровенно влюбленная...» (XIII) . .	61
«Она надо мною склоняется...» (XV) . .	62
«От моей единственной ласки...» (XVII)	63
«Наступает рассвет...» (XX)	64
«К стеклу прильнув лицом...» (XXII) .	65
«Путь молчания...» (XXIII)	66
«Я закрыл глаза...» (XXVI)	67

ВТОРАЯ НАТУРА

«Белые тени...» (VIII)	68
«Симметричная гордость...» (XVII) . .	69
«Гранитные волны тоски...» (XVIII) . .	70

СЛОВНО ОБРАЗ

«Я скрываю печальные клады...» (I) . .	71
--	----

	Текст	Прим.
САМА ЖИЗНЬ		
	1932	379— 380
«Что с тобой...»		72
Прекрасная и похожая		73
Чуть измененная		74
Новой ночью		75
Около полуночи		76
Все права		77
Необходимость		78
Плохая память		79
До свиданья		80
Зло		82
Разделенные ночи		83
Конец света		89
Легкость сама		91
«Заброшенный дом...»		92
Мираж		93
Нуш		94
Прощенье		95
Сердечное воспоминаье		96
При вспышке молнии		97
ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАВ		
<i>Мир-одиночество (I—XXII).</i>		
«Дневные плоды...»		98
«Женщина каждую ночь...»		98
«Деревни усталости...»		98
«Увидеть глаза...»		98
«Лезут сюда насекомые...»		99
«Хочу тебя обнять...»		99
«Скалы и море...»		99

	Текст	Прим.
«Тело мирские почести...»	100	
«Призрак твоей наготы...»	100	
«Водяные прозрачные перья...»	100	
«К дыханию...»	101	
«Фарфоровая песенка...»	101	
«Обезоруженная...»	101	
«Она непоседа...»	102	
«Она простирается...»	102	
«Синева за окном...»	102	
«Я любовался...»	103	
«Разорвав поцелуи и страхи...»	103	
«У причала этих ветвей...»	103	
«Свергнутая тюрьма...»	104	
«При свете права на смерть...»	105	
«У меня за спиною...»	105	
Заготовки		
«Если скучно тебе...» (III)	106	
«Эти люди всегда едят...» (VIII)	106	
«Деревья наполнены...» (XI)	106	
«Деревья белые...» (XXVIII)	106	
Критика поэзии	107	

РОЗА ДЛЯ ВСЕХ

1934

380

Поэтическая объективность	108
При погашенном свете	112
То, что скажет...	116
Измученный жаждой...	119

	Текст	Прим.
ПЛОДОНОСНЫЕ ГЛАЗА		
	1936	380
«Нет невозможно...»	120	
ПЕРИЛА		
К нынешнему времени	122	
Гонимый	123	
«Черные тучи...»	124	
СВЕЖИЙ ВОЗДУХ		
Быть	125	
<i>Весы (I—VII)</i>		
«Обещают любовь...»	126	
«Запретные женщины...»	126	
«Простая глухая...»	126	
«Быть десятком тысяч...»	127	
«Есть на свете...»	127	
«Из настоящей гавани...»	127	
«Пустыня раздолье для трав...»	127	
Свежий воздух	128	
ЛЕГКАЯ		
«Ты встаешь...»	129	
«Наша ночь свершена...»	130	
СВОБОДНЫЕ РУКИ		
	1937	381
СВОБОДНЫЕ РУКИ. I		
Это она	131	
Разбитое окно	132	

	Текст	Прим.
Роза-дерево	133	
Одинокий	134	
Свобода	136	

СВОБОДНЫЕ РУКИ. II

Погода какой она была 14 марта . . .	137
Тучи в ладонях	138
Там где делают карандаши	139

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД ВЕЩЕЙ

	1938	381— 382
Ноябрь 1936	140	
<i>Страстно (I—VII)</i>		
«Мне и вправду...»	142	
«Хохот после игры...»	142	
«Она порвала свое платье...»	142	
«В осенних подвалах...»	142	
«В городе дом...»	143	
«Молодость ей давала...»	143	
«Ничего кроме ласкового лица...» . .	143	
Несколько слов...	144	

Сборщица жасмина (I—IV)

«Ее лучезарная грудь...»	148
«Ее руки почти не приметно...» . . .	148
«За пределами ее силуэта...»	148
«Она собирала звезды...»	148
Точность человеческого сердца	149
Где я был?	150

	Текст	Прим.
СЛОВА НАПИСАННЫЕ КИСТЬЮ		
Затерянный сад	152	
Портрет	153	
<i>Панорама (I—VIII)</i>		
«Лодка и запах лимона...»	154	
«Деревянная глотка...»	154	
«В дрожащих ладонях...»	154	
«Кто она...»	154	
«Я умоляю вас...»	154	
«Она себе платье скроила...»	155	
«Я от края до края...»	155	
«Уменьшались в лазури...»	155	
Слова написанные кистью	156	
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ БЕДНЯКА		
Мрак января	158	
Итог	159	
Плохое слово	160	
Последнее письмо	161	
Еще дальше	162	
НЕПРЕРЫВНЫЕ БДЕНИЯ		
<i>Непрерывные бдения (I—XX)</i>		
«Беда за бедой...»	163	
«В большинстве своем...»	163	
«Плоть готовая стать привычкой...»	163	
«Я вычеркнул к собственной выгоде...»	164	
«Сила моя во всем...»	164	
«Утешающий лгун и любезный вор...»	164	
«Сотрясаются камни...»	164	
«От материнской груди...»	165	

	Текст	Прим.
«Рыжие волосы...»	165	
«Порядок и стоя и лежа»	165	
«Яркое пламя...»	165	
«Белая грязь...»	165	
«Воскресное преступление...»	166	
«Крутая щека...»	166	
«За куполом недоверия...»	166	
«На дороге дряхлого маяка...»	167	
«На какой стене...»	167	
«Слушают у дверей...»	167	
«Пусть в небе заблудятся...»	168	
«Курс на север...»	168	

ПОЛНАЯ ПЕСНЯ

	1939	382— 383
Мы существуем	169	
В тени моей двери	171	
Непрерывность стиха	172	

ПОМОЧЬ УВИДЕТЬ

	1939	383
ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА		
Любимые	174	
Сумерки	175	
Она переодевается	176	
В недрах сердца	177	

	Текст	Прим
ОТКРЫТАЯ КНИГА. I. 1938—1940		
	1940	383— 384
Жить		178
Одинокый		180
Кричать		181
Покончить		183
Солома		184
НИМФЫ		
С первым прозрачным словом		185
<i>Одиннадцать поэм стойкости</i>		
Один только свежий воздух		187
Роль бессилия		187
Безоблачные дни		187
Пестрота окраски		187
Первый миг		187
Боги		188
Гроза		188
Пропорции		188
Первый и последний акт трагедии		188
Отрешенность		188
Непревзойденный		188
<i>Чтобы жить здесь (I—V)</i>		
«Лазурь покинула...»		189
«Стена окна кровоточит...»		189
«Скрылась луна...»		190
«Вокруг твоих рук...»		191
«Больше нет неприметных людей...»		192

	Текст	Прим.
ОТКРЫТАЯ КНИГА. II. 1939—1941		
	1942	384— 385
Посвящение	193	
ПО ЭТУ СТОРОНУ РАСТЕРЯННЫЙ ПРОВИДЕЦ		
Форма	195	
Прекрасные отблески	196	
«Этот бродяга...» (II) :	196	
Я зверь лесной	197	
ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ЗАВЕСЫ		
От часов к заре	198	
РОЗЕТКИ		
Смущались бы	199	
Союз	200	
ОСНОВА МЕЧТАНИЙ		
Отсчитанные мне часы	201	
НА НИЖНИХ СКЛОНАХ		
Незапятнанный огонь	202	
ПОЭЗИЯ И ПРАВДА 1942 ГОДА		
	1943	385— 386
Свобода	204	
Затемнение	209	
Вымуштрован голодом ребенок	210	
Снаружи	211	

	Текст	Прим.
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ		
«Этот жалкий мирок убийц...» (I) . . .	212	
«Мы охапками темень...» (VII) . . .	212	
СНЫ		
Погоня	213	
Судьба	214	
Спутник	215	
Осел	216	
ПОСТЕЛЬ СТОЛ		
1944		386— 387
НАШ ГОД		
С тобой	217	
Без тебя	218	
ФРЕСКА		
<i>Фреска</i>		
«В зарослях звери дома...» (IV) . . .	219	
ЖИЗНЬ НОЧЬ		
Сон 21 сентября 1943 года	220	
Сон 12 ноября 1943 года	222	
ЗАРЯ РАЗГОНЯЕТ ЧУДОВИЩ		
Критика поэзии	224	
ДОСТОЙНЫЕ ЖИТЬ		
1944		387
В наше время	226	

	Текст	Прим.
ЛИЦОМ К ЛИЦУ С НЕМЦАМИ		
	1944	387— 390
Извещение	227	
Мужество	228	
Дебет и кредит врага	230	
СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ О ЛЮБВИ НА ВОЙНЕ		
«Трава стучится...» (IV)	231	
«Уголочек сердца...» (V)	232	
ОРУЖИЕ СКОРБИ (I—VII)		
«Старик-отец из Развалин...»	233	
«В стране обетов наших...»	234	
«Этот ребенок мог бы солгать...»	234	
«Одна только мысль...»	235	
«Бойцы в крови и в огне...»	235	
«Хмуры одни другие наги...»	236	
«Огнеупорные люди...»	237	
Убить	238	
Тупые и злобные	239	
Габриэль Пери	241	
Песнь об огне победившем огонь	243	
В апреле сорок четвертого Париж еще дышал!	245	
БЕЛОКРЫЛЫЕ БЕЛОШВЕЙКИ		
	1945	390
Сент-Альбан	247	
Поцелуй	248	
Обнаженный пейзаж	249	
Благо	250	

НЕПРЕРЫВНАЯ ПОЭЗИЯ

Текст Прим.

1946

391

ТРУД ПОЭТА (I—VII)

«Ты знаешь...»	251
«Что вам понадобилось...»	251
«Дорога коротка...»	252
«Давний далекий день...»	252
«А раньше...»	253
«Я близнец существам...»	254
«Я знаю поскольку я так говорю...»	255

ЖАРКАЯ ЖАЖДА ЖИТЬ

1946

391—
392

Марку Шагалу	256
Одним поцелуем	258
Движение вечера	259
Даже когда мы спим	260
От штриха к штриху	261
От одиночества сквозь одиночество к жизни (I—III)	262
«Я добрая с сильным...»	262
«Чтобы выдержать до конца...»	262
«Он рожден от святой...»	263
Величие вчера и сегодня (I—IV)	264
«Волны стен...»	264
«Две тени на одноглазой земле...»	264
«Что в мире бедней ребенка...»	265
«Но внезапно силою речи...»	265

	Текст	Прим.
ЛИШНЕЕ ВРЕМЯ		
1947		392
Устами живого глаголет мертвец . . .	267	
«Нам не дано состариться...»	268	
Моя живая покойница	269	
Золотистая	270	
Наша жизнь	271	
ПАМЯТНОЕ ТЕЛО		
1948		392— 393
Об одном, о двоих — обо всех	272	
Вес плоти	273	
ВНУТРЕННИМ ВЗОРОМ. 8 ЗРИМЫХ ПОЭМ		
1948		393
Первая зримая поэма	274	
Пятая зримая поэма	275	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ		
1948		393— 395
ДО		
В Испании	277	
Испания	278	
Vencer juntos	279	
ПОСЛЕ		
«Целью поэзии должна стать практиче- ская истина»	280	
Невыполнимое желание	282	

	Текст	Прим.
ГРЕЦИЯ РОЗА МОЯ		
1949		395
Молитва вдов и матерей (III)	283	
Чтоб больше не быть одинокими (VII)	284	
УРОК МОРАЛИ		
1950		396
Нуш	285	
Куранты летучих обручений	287	
Я ее люблю она меня любила	289	
Язык красок	290	
ПОСВЯЩЕНИЯ		
1950		396— 397
Слово прядильщиц	291	
Счет к оплате	292	
СУМЕТЬ ВСЕ СКАЗАТЬ		
1951		397
Все сказать	293	
Миру грозят но мир победит	298	
Добрая справедливость	300	
ЛИК ВСЕОБЩЕГО МИРА (1—29)		
1951		397
«Я знаю все места...»	301	
«Любовь к справедливости...»	301	
«Пусть земля цветет...»	301	

	Текст	Прим.
«Пусть лицо человеческое познаёт...»	301	
«Хлеб для всех...»	302	
«Долой покой...»	302	
«Ослепительное озаренье...»	302	
«Человек взалкавший мира...» . . .	302	
«Человек взалкавший мира...» . . .	302	
«Плодоносное пламя семян...» . . .	302	
«Опора победы братство»	304	
«Величию нет предела...»	304	
«Победителем станет каждый» . . .	304	
«Хрустальная лампа мудрости...» . .	304	
«Свет опускается тихо на землю...»	304	
«Только подумать как долго...» . . .	304	
«Лицо свое солнцем омыв...» . . .	305	
«Счастье мое это наше счастье...» . .	305	
«Любовь за работой...»	305	
«То было в девятьсот семнадцатом...»	305	
«Мы созидаем ближних своих...» . .	305	
«Птица в полете...»	306	
«Мы невинность наполним силой...»	306	
«Наши песни призывают к миру...»	306	
«Не гибель фатальна...»	306	
«Здание безоблачного мира...» . . .	306	
«Лик прекрасный...»	307	
«Мы сильны своей решимостью...» . .	307	
«Станет сила легкой и крылатой...»	307	

ФЕНИКС

1951

397—
398

Уверенность	308
Смерть любовь жизнь	309

	Текст	Прим.
Про одного зверя	312	
И улыбка	313	
Заутрения	314	

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>С. И. Великовский.</i> Поль Элюар. Вехи жизни и творчества	317
Примечания (<i>Сост. С. И. Великовский</i>)	370
Библиография работ об Элюаре (<i>Сост.</i> <i>С. И. Великовский</i>)	399
Список иллюстраций	402

Поль Элюар

С Т И Х И

*Утверждено к печати редколлегией
серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства О. К. Логинова

Художник С. А. Данилов

Технический редактор О. М. Гуськова

**Сдано в набор 22/VI 1971 г. Подписано к печати
4/XI 1971 г. Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 16.**

Уч.-изд. л. 11,7. Бумага № 1.

Тираж 25000 экз. Тип. зак. 391.

Цена 94 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

Опечатки и исправления

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
178	10 сн.	горячего	горячею
371	17 св.	Bibliothèques	Bibliothèque
375	12 сн.	précédé	précédés
382	1 сн.	d'identité	d'identité
397	18 св.	признании	призвании
401	3 сн.	Kithing	Kitting

Поль Элюар

